ГАРНИ

I

Б. АРАКЕЛЯН

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 1949-1950

ՀՍՍՌ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 3

ԳԱՌՆԻ

I

Բ. ԱՌԱՔԵԼՅԱՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԷՔՍՊԵԴԻՑԻԱՅԻ 1949–1950 ԹԹ.

ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1951

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 3

ГАРНИ

I

Б. АРАКЕЛЯН

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР 1949—1950 ГГ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1951

Печатается по постановлению Редакционно-
издательского совета АН Армянской ССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

В археологическом изучении Армении наиболее существенный пробел относится к тысячелетию, лежащему между падением государства Урарту и упразднением царства армянских Аршакидов, т. е. от VI в. до н. э. и до V в. н. э.

В течение этого тысячелетия в истории Армении происходили чрезвычайно важные события, имели место крупные сдвиги и изменения. За это время произошло образование армянского народа (VII—II вв.). После продолжительной борьбы против мидийских, персидских и селевкидских завоевателей успешно завершилось и сложение армянского государства, которое в I в. при Тигране II достигло большого могущества. Армения переживала хозяйственный и культурный расцвет, развивались торговля и ремесла, возник целый ряд городов, в их числе такие крупные города, как Армавир, Ервандашат, Арташат и Тигранакерт, являвшиеся одновременно и культурными центрами. В экономическом и культурном отношениях Армения стала одной из передовых стран древнего мира.

На рубеже старой и новой эры пало армянское царство Арташесидов. Борьба армянского народа против римлян за свою независимость завершилась утверждением в 60-х гг. династии армянских Аршакидов. При последних Аршакидах складываются новые социально-экономические отношения, именно феодальные, наличие которых в Армении в IV—V вв. не подлежит сомнению.

Историки, занимавшиеся древним периодом истории Армении[1], в своих исследованиях наибольшее внимание уделяли II—I вв. до н. э. и I—V вв. н. эры, причем внимание их, вследствие односторонности письменных данных, было сосредоточено, главным образом, на политической истории этого периода. Основные проблемы, как, например, вопрос образования армянской народности, социально-экономическая природа армянского государства, проблема так называемого эллинистического общества и эллинистической культуры Армении,—еще недостаточно изучены. Давно осознана настоятельная необходимость в правильном освещении названных проблем, а также научно-политическое

[1] Наиболее крупные исследования по истории Армении первых веков до нашей эры принадлежат перу акад. Я. А. Манандяна: „Тигран второй и Рим", Ереван, 1940, рус. перевод—Ереван, 1941, „Критический обзор истории армянского народа", Ереван, 1945 и другие.

значение пересмотра созданных буржуазной историографией антинаучных положений и теорий, но разрешение перечисленных выше задач невозможно без привлечения нового материала.

При скудости и односторонности письменных источников огромное значение должны иметь данные материальной культуры, которые могут быть добыты в результате раскопок, в частности таких крупнейших памятников, как Аргиштихинили, северный административный и культурный центр Урарту, на месте которого позднее возник город Армавир, первая столица Армении, Арташат, сменившего Армавир и ставшего столицей объединенного армянского государства во II в. до н. э., Тигранакерта и др. Однако археологическое изучение как Армавира, так и Арташата и других городов еще не предпринято. Из старых столиц частично исследованы лишь средневековые столицы Армении—Ани и Двин. Армения в период первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры археологически еще не изучена, и этим объясняется, что при освещении истории указанного периода данные материальной культуры, за исключением единичных фактов, еще не могли быть привлекаемы.

Необходимость проведения систематических раскопок наиболее важных для этого периода археологических объектов стала совершенно очевидной. Одним из таких объектов является крепость Гарни, которая была построена задолго до I в. нашей эры и являлась летней резиденцией армянских царей и местом стоянки их войск до V в. нашей эры.

Возможно, что крепость Гарни была свидетельницей образования армянской государственности; во всяком случае она была значительным политическим, военным и культурным центром в этот ранний период истории Армении. В Гарни сохранились памятники материальной культуры, имеющие большое значение для изучения начального периода истории армянской культуры, для выяснения ее истоков и характера. Архитектурные памятники Гарни представляют пока единственный в своем роде комплекс военного, гражданского и культового строительства первых веков до н. э. и первых веков н. э., и трудно преувеличить их значение для истории древнеармянской архитектуры.

Институт истории АН Арм. ССР предпринял раскопки Гарни в надежде, что археологическое изучение крепости позволит обнаружить значительный материал, с помощью которого историки, археологи и искусствоведы смогут по-новому поставить и осветить ряд важнейших вопросов по древней истории и культуре Армении.

I. ВСТУПЛЕНИЕ

1. Крепость и поселение Гарни

Крепость Гарни впервые упоминается римским историком Тацитом в связи с событиями, разыгравшимися здесь в 51—52 гг. н. э., в тяжелый период политической истории Армении.

В самом начале I в. н. э. армянское царство Арташесидов пало. Наступил период неустойчивой власти римских ставленников, длившийся до 50-х гг. н. э. Вначале римляне прикрывали свои захватнические намерения выдвижением на армянский престол своих ставленников из числа царевичей соседних Армении стран, а потом с помощью интриг пытались ослабить или вовсе упразднить их власть и овладеть страной. Одним из ставленников римлян был брат грузинского царя Фарасмана—Митридат, который воцарился в Армении с помощью римских легионов. Однако вскоре римляне перестали поддерживать Митридата, потому очевидно, что он вел невыгодную для них самостоятельную политику, и выдвинули на армянский престол нового кандидата, сына Фарасмана—Радамиста. Радамист при поддержке римлян повел интриги против Митридата и подготовил заговор, о чем свидетельствует Тацит. „Возвратившись (из Армении),— пишет Тацит,—под предлогом примирения, к отцу, Радамист сообщает, что им сделано все, что можно было достигнуть интригой, а остальное надо довершить оружием“[1]. Затем с ведома римлян Радамист с большим войском напал на своего дядю и „загнал Митридата, испуганного внезапным вторжением и выбитого с равнины, в крепость Гарни, защищаемую местоположением и римским гарнизоном“[2]. Радамист не сумел взять крепость. Тацит высокомерно объясняет это не только наличием в Гарни римского гарнизона, но и тем, что „машины и искусство осады крепостей совершенно неизвестны варварам, тогда как нам эта часть военной службы прекрасно знакома“[3].

Далее Тацит пишет: „Радамист после напрасных или даже соединенных с потерями попыток взять укрепление приступает к обложению; и так как сила его не внушала страха неприятелям, он подкупает корыстолюбивого префекта...[4]“

[1] Тацит, Анналы, XII, 45 (пользуемся переводом В. В. Латышева, „Известия древних писателей о Кавказе и Скифии“, см. ВДИ, 1949, 3).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

Префект Целий Поллион под предлогом мирного разрешения спора оказал давление на Митридата, который для заключения мира с Радамистом вышел из крепости и был предательски умерщвлен. По существу это вероломство было плодом захватнической политики римлян; весьма характерно в этом отношении решение совета римских военачальников, созванного римским легатом в Сирии Уммидием Дурмием Квадратом в связи с событиями в Армении. Это решение, приведенное Тацитом, гласит: „Всякое чужое злодейство надо принимать с радостью; нужно даже бросать семена ненависти, как часто римские государи под видом щедрости предоставляли комунибудь ту же Армению для возбуждения смут среди варваров. Пусть Радамист владеет плодами своего преступления, будучи предметом ненависти и презрения, коль скоро это нам более наруку, чем если бы он достиг власти со славой"[1].

Однако армянский народ, боровшийся за свою независимость, не дал римским войскам долго оставаться в крепости Гарни. В 62 г. они были разгромлены и изгнаны из пределов Армении.

Независимость страны была восстановлена. В Армении воцарился Тиридат I, положивший начало династии армянских Аршакидов.

История крепости Гарни теснейшим образом связана с именем Тиридата I, строительную деятельность которого в Гарни Моисей Хоренский приписывает согласно преданию Тиридату III[2]. Предание это было создано армянской клерикальной средой в IV—V вв.: в своем стремлении возвеличить Тиридата III, при котором в Армении утвердилось христианство, армянское духовенство связывало с его именем большое строительство в Гарни, на самом деле осуществленное при Тиридате I. Не исключена возможность и даже весьма вероятно, что строительство в крепости осуществлялось впоследствии также и при Тиридате III.

Сведения Моисея Хоренского весьма ценны, а его описание крепости позволяет предполагать, что он сам был в Гарни и писал как очевидец. Говоря о событиях первой четверти IV в., Хоренский пишет: „Около этого времени Тиридат завершил постройку крепости Гарни из тесаных базальтовых глыб, скрепив их железными шипами, залив свинцом. В ней он выстроил также дом прохлады или „летний дом" для сестры своей Хосровидухт, с монументальными колоннами, с чудной резьбой и высокой скульптурой и написал на нем памятную о себе (надпись) эллинскими буквами"[3].

Моисей Хоренский говорит о завершении строительства неприступной и благоустроенной летней резиденции царя. Ему, очевидно,

[1] Тацит, Анналы, XII, 48.

[2] Моисей Хоренский, Книга II, гл. 90.

[3] Там же.

было известно, что крепость существовала издавна. Хоренский приводит дошедшие до него предания, согласно которым Гарни была построен в качестве усадьбы (*ձեռակերտ*) Гехамом, занимавшим, по Моисею Хоренскому, пятое место в ряду семи поколений легендарного прародителя армян hАйка[1]. Была ли эта усадьба обнесена стеной, об этом у Хоренского ничего не сказано. Во всяком случае крепость Гарни, находясь с двух сторон на мысу, была недоступна для неприятеля.

Автор V в. Фавст Бузанд упоминает Гарни в связи с лесонасаждениями при Хосрове Котаке (332–338). Он говорит, что насаждали лес, „начиная от царского, сильно укрепленного замка, называвшегося Гарни", до холма, носившего название Двин. Другому историку V в., Егише, известно было не только то, что Гарни была „недоступной крепостью" и царской резиденцией, но и то, что она была постоянным местом стоянки войск[2]. Следует указать, что перечисленные Егише крепости, являвшиеся местом стоянки войск (*կայանք զօրացն էին*), окружали Араратскую низменность, создавая оборону столицам Армении—Арташату и Вагаршапату. В этой системе важнейшее место занимала крепость Гарни, защищавшая подступы к Арташату с севера. Крепость Гарни была стоянкой войск и позднее, при владычестве персов, как это видно из слов историка Себеоса[3].

Гарни была не только крепостью, но и большим поселением, занимавшим высокое плато реки Азат, севернее и северо-восточнее крепости. Егише называет поселение Гарни даже городом[4]. По свидетельству Себеоса, поселение (*աւանն*) Гарни при разделе Армении в 591 г. между Персией и Византией являлось северным пунктом на линии, разделявшей Армению на две части и оканчивавшейся к югу Ареставаном, на северо-восточном берегу Ванского озера[5].

Еще при Аршакидах в середине IV в. упоминается гарнийский епископ. На церковном соборе, созванном католикосом Авраамом в начале VII в., присутствовал и священник из гарнийского монастыря. Позднее Гарни стал значительным духовным центром и из гарнийского монастыря вышел ряд крупных церковных деятелей.

С начала X в. и вплоть до конца XIII в. почти все армянские историки и летописцы называют Гарни *գյուղաքաղաք* или *քաղաքագյուղ*, т. е. поселением городского типа.

Значение неприступной крепости в этот период как бы отходит на задний план; на первый план выдвигается значение Гарни как поселения городского типа и церковного центра. Таким Гарни остается вплоть до первой четверти XV в., как это видно из одной памятной записи, датированной 1423 годом[6].

---

[1] М. Хоренский, Книга I, гл. 12.
[2] Егише. История, Тифлис, 1904, стр. 113.
[3] Себеос, Ереван, 1939, стр. 31.
[4] Егише, Тифлис, 1904, стр. 98.
[5] Себеос, стр. 47.
[6] Алишан, Айрарат, стр. 363.

В период монгольского владычества, со второй половины XIII в., вследствие тяжелых податей и других поборов начинается упадок Гарни. В XIV—XV вв. Гарни подвергается неоднократным набегам и грабежу татарских и других насильников, которые уводят в плен часть населения Гарни и окружных сел.

Еще тяжелее стала участь населения Армении, и в том числе гарнийцев, в XVI—XVII вв., когда страна превратилась в арену непосредственных военных действий персидских и турецких полчищ.

В самом начале XVII в. (1604), во время турецко-персидской войны, отступавший Шах-Абас I отдал приказ о выселении армян в Персию. Войска Амиргуна-хана были посланы для выселения жителей из Гарни и соседних сел. Гарнийцы оказали мужественное сопротивление, но оно было сломлено присланными ханом новыми отрядами персов. Многие гарнийцы, в частности женщины, во избежание надругательства и насильственного переселения, бросались с отвесной скалы в пропасть, находя там свою гибель[1]. Часть населения Гарни и других сел спасалась от увода в Персию, скрывшись в недоступных пещерах и ущельях недалеко от Гарни и в горах. Однако на них нападали и их грабили то персы, то турки, а в 1638 г. Гарни подвергся окончательному разорению со стороны турок, а также татар, присланных им на помощь крымским ханом. В течение двух дней насильники грабили Гарни, учиняя при этом чудовищные зверства, и увели в плен оставшуюся часть населения.

После этого в течение двух столетий Гарни и его окрестности походили на безлюдную пустыню, где иногда паслись стада иноземных кочевников; лишь кое-где стояли еще отдельные церкви с единичными священниками.

Путешественник Кер-Портер, посетивший Гарни в начале XIX в., видел развалины крепости и церквей, под сводами которых ютились 9—10 семей кочевников-горцев.

Лишь после присоединения Восточной Армении к России, на основании Туркманчайского договора 1828 г., десятки тысяч армян из Персии и из оставшихся под игом Персии армянских областей переселились в Эриванскую губернию. Вместе с ними в Гарни переселилось около 100 семей армян, главным образом из района Маку. С 1830 г. жизнь в Гарни возобновилась.

В конце XIX и начале XX вв. территорией крепости Гарни завладел местный кулак по прозвищу Гайл Вартаи (Вартан Волк), который употребил для построек и распродал крестьянам множество камней из крепости, в том числе и камней с резьбою.

После установления советской власти население Гарни непрерывно растет. В настоящее время Гарни является одним из крупных сел Армении; оно занимает всю территорию средневекового поселения, выходя в западной части за его пределы. Крепость Гарни объявлена государственным заповедником и охраняется Комитетом по охране архитектурных памятников Арм. ССР.

[1] Аракел Даврижеци, История, стр. 47—52.

2. Краткое описание археологических памятников Гарни до раскопок

Гарни находится восточнее Еревана, у подножья Гехамских гор, недалеко от горы Гех, на высоте более 1400 м над уровнем моря. В Гарни ведет неровная горная дорога, проехав по которой от столицы Армении 27 километров, путешественник оказывается в большом селении, в котором наблюдается резкий контраст между новыми домами и старыми руинами и надгробными памятниками—крестными камнями *(խաչքար)*, разбросанными в самом селении и на возвышающихся с северо-запада холмах. Южная и юго-восточная половины селения утопают в пышных садах, в то время как северная его половина почти лишена зелени. Само селение находится на высоком плато реки Азат, протекающей по дну глубокого ущелья.

На северо-восточной окраине селения из-под отвесных скал бьет отличная ключевая вода, которая не только служит питьевой водой населению, но и орошает большую часть плодовых садов, виноградников и огородов Гарни. Бегущие вниз, в ущелье реки Азат, воды этого родника, разрушая и омывая в течение тысячелетий свой скалистый путь, образовали громадный овраг, круто спускающийся к реке Азат; этот овраг ограничивал древнее поселение с востока.

Крепость Гарни была построена на высоком мысу, в юго-западной части селения Гарни. Мыс этот образует треугольник, острым концом обращенный на юг, к реке Азат, а основанием—на север, к западной окраине селения Гарни (см. план крепости, рис. 1). С обоих сторон треугольника, с севера на юг и с востока на запад, тянутся глубокие и исключительно живописные ущелья: с юга—глубокое ущелье реки Азат, а с востока—ущелье, дно которого как бы образует нижнее плато, непосредственно возвышающееся над рекой. Это ущелье, покрытое садами и виноградниками, имеет вид прекрасного зеленого амфитеатра.

С южной стороны крепости отвесные скалы головокружительной высоты (от нескольких десятков до полутораста метров) почти вертикально спускаются в ущелье реки Азат. Восточное ущелье с северо-восточной стороны имеет отлогие склоны. Здесь была возведена стена с башнями. Часть этой стены местами сохранилась (высотой более 5 м, 8 рядов кладки). Башни развалились, и их остатки имеют вид выступающей от стены лестницы.

Из всей системы укреплений хорошо сохранились остатки мощной стены по обеим сторонам входа, обращенной прямо на север. Стена к востоку от входа (слева) имеет 3 м длины и 6,5 м высоты; здесь видны остатки свода над воротами, относящегося к более позднему времени (к средним векам). Оставшаяся часть стены к западу от входа (справа) имеет 12 м длины и 6.5 м высоты.

Нижние ряды кладки (8 рядов) сложены из громадных базальтовых, хорошо отесанных глыб, без раствора (сухая кладка); верхние же ряды состоят из мелких базальтовых камней, которые

являются как бы облицовочным материалом для массивного бута. Сохранилось 8 рядов кладки мелкими камнями. Таким образом, сохранились 16 рядов кладки стены, общая высота которой достигает 6,5 метра.

Подступы к крепости удобны только с севера, и здесь находился вход в крепость (следы других входов не установлены). Так как враг мог штурмовать крепость только с севера, она и была в основном укреплена именно с этой стороны. Северная стена тянулась от обрыва восточного ущелья и кончалась над ущельем реки Азат, у западного угла мыса. К началу раскопок северной стены видны были ее остатки около ворот, а также несколько камней в северо-западной и западной ее частях.

Внутренняя площадь крепости довольно обширна и равняется приблизительно 3 га. Территория крепости неровная, в середине высокая, по краям покатая, по восточному ее краю насажены плодовые деревья, а южный покатый склон занят виноградниками. На ровном сравнительно месте, ближе к острому концу мыса, над обрывом восточного ущелья, сохранились развалины великолепного языческого храма, благодаря которым сел. Гарни стало широко известно научному миру.

Храм этот—периптер, построенный на высоком подиуме, имеет 24 колонны (6×8), ионического ордера (см. план храма, рис. 2). Материал—серый базальт, добывавшийся тут же в Гарни. Кладка сухая, камни скреплены железными и бронзовыми скрепами, залитыми свинцом. Все части антаблемента храма, плафон портика и галереи, обрамление двери были покрыты замечательной резьбой. Вверх к храму ведут девять ступеней лестницы, занимающей всю высоту подиума; по сторонам лестницы выступают стены. На лицевой стороне каждой из них имеется по рельефному изображению атлантов.

Это великолепное сооружение в летней резиденции армянских Аршакидов сохранялось и после того, как государственной религией в Армении стало христианство. Храм вскоре приобрел светское назначение. В этом смысле сведения Моисея Хоренского и других историков, вслед за ним называвших языческий храм „домом прохлады" (*հովոց* или *սարավույթ*) не лишены основания. Храм стоял вплоть до XVII в. и был воспет армянским ученым монахом Семеном Апаранским в 1593 г. Разрушился храм во время сильнейшего землетрясения, имевшего место в 1679 г. Развалины храма начали постепенно покрываться землей и заросли деревьями. Они привлекли внимание целого ряда путешественников: Шардена, Кер-Портера, Морие, армянского писателя, историка и путешественника Месропа Тагиадиана и других. Дюбуа де Монпере, посетивший Гарни в 1830-х гг., привел реконструкцию северного фасада храма и дал несколько зарисовок его деталей. Ученые дореволюционной России заинтересовались развалинами Гарни и по поручению Археологической комиссии приступили к его изучению. В 1909—1911 гг. здесь

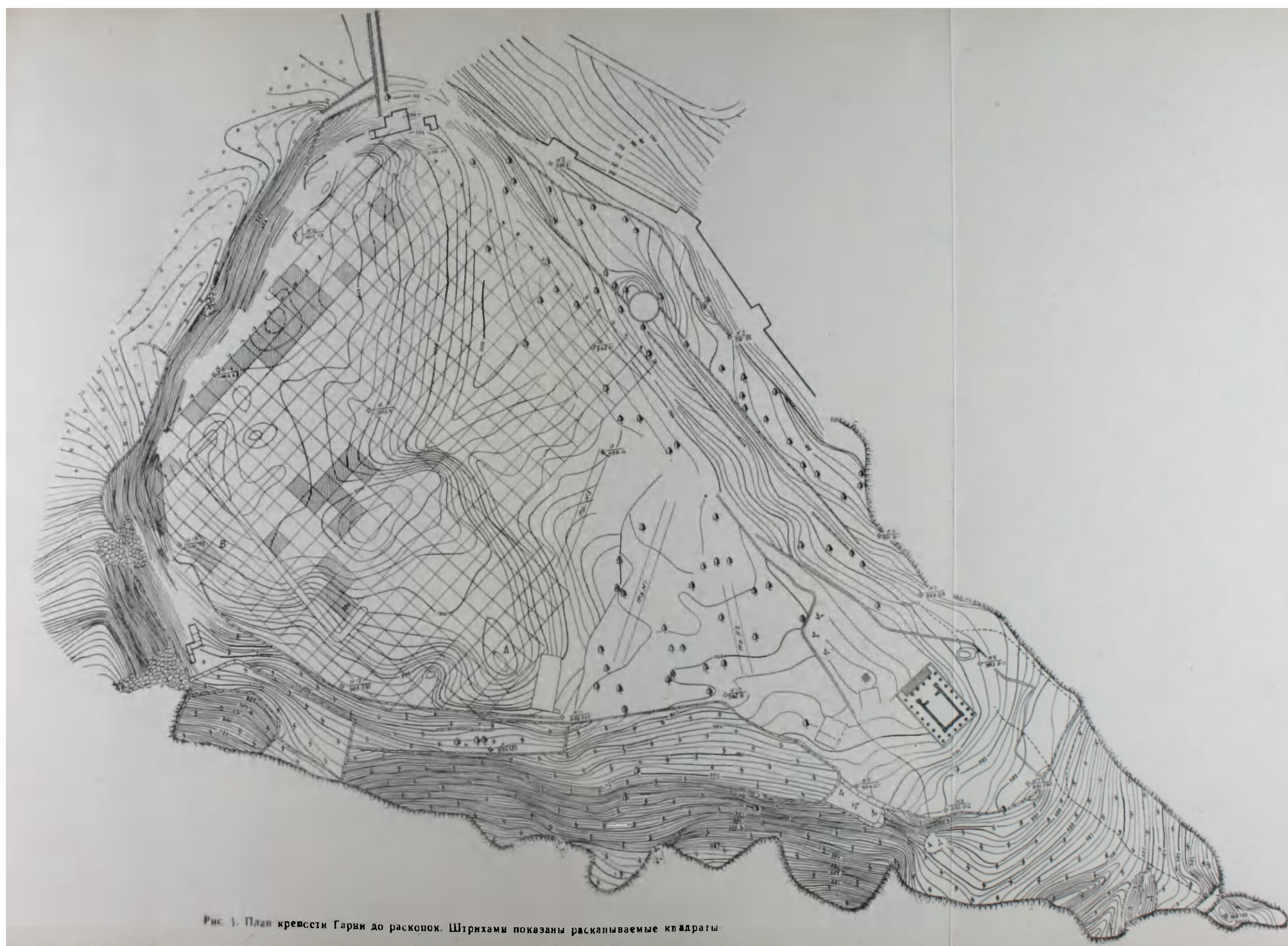

Рис. 1. План крепости Гарни до раскопок. Штрихами показаны раскапываемые квадраты

производили раскопки Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. С тех пор храм не переставал привлекать внимание ученых.

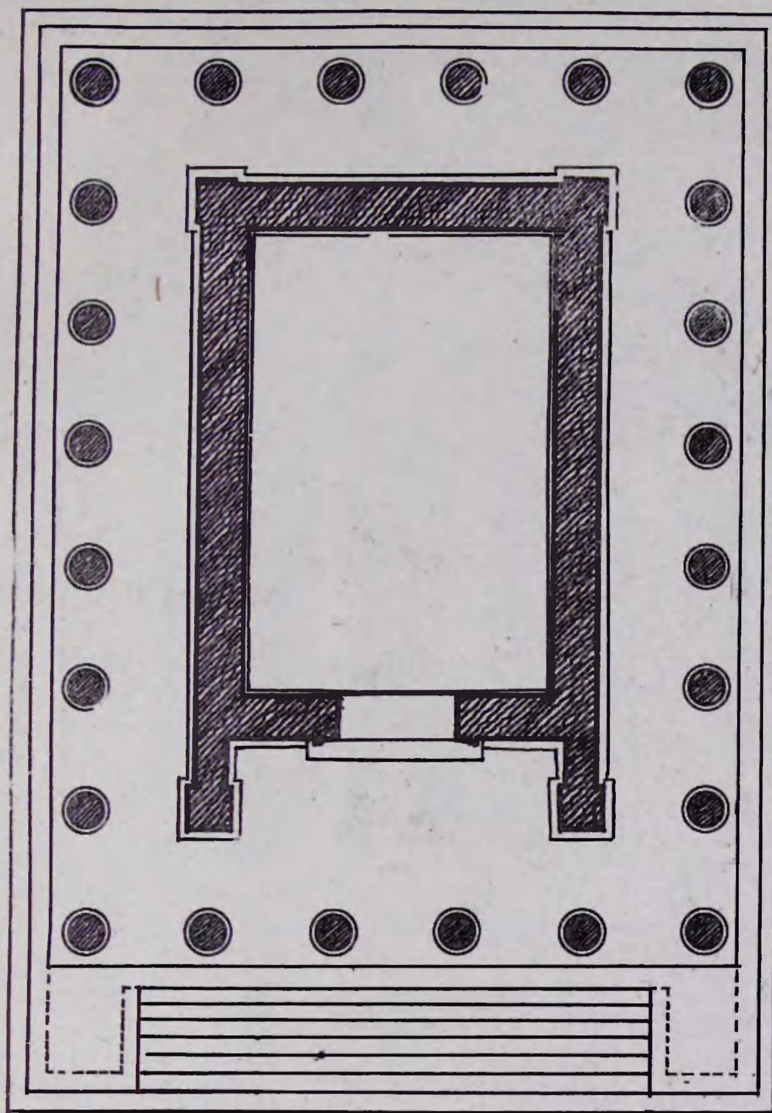

Рис. 2. План гарнийского языческого храма (по Н. Буниатяну).

В отношении датировки храма существуют разногласия. Н. Я. Марр считал, что храм построен до IV в., а именно во II—III вв.[1] Участвовавший в раскопках архитектор К. К. Романов, давший

[1] См. Известия АН, 1910, прибавление к выпуску 37, стр. 147, также ИАК, 1911, прибавление к вып. 39, стр. 3.

реконструкцию храма, первоначально датировал храм I—II вв., а затем временем Тиридата III[1] (287—330).

Архитектор Торос Тораманян в ряде своих статей высказал свое мнение о храме, считая это сооружение то светским, то культовым и предположительно датировал его то III в., то I в.[2]

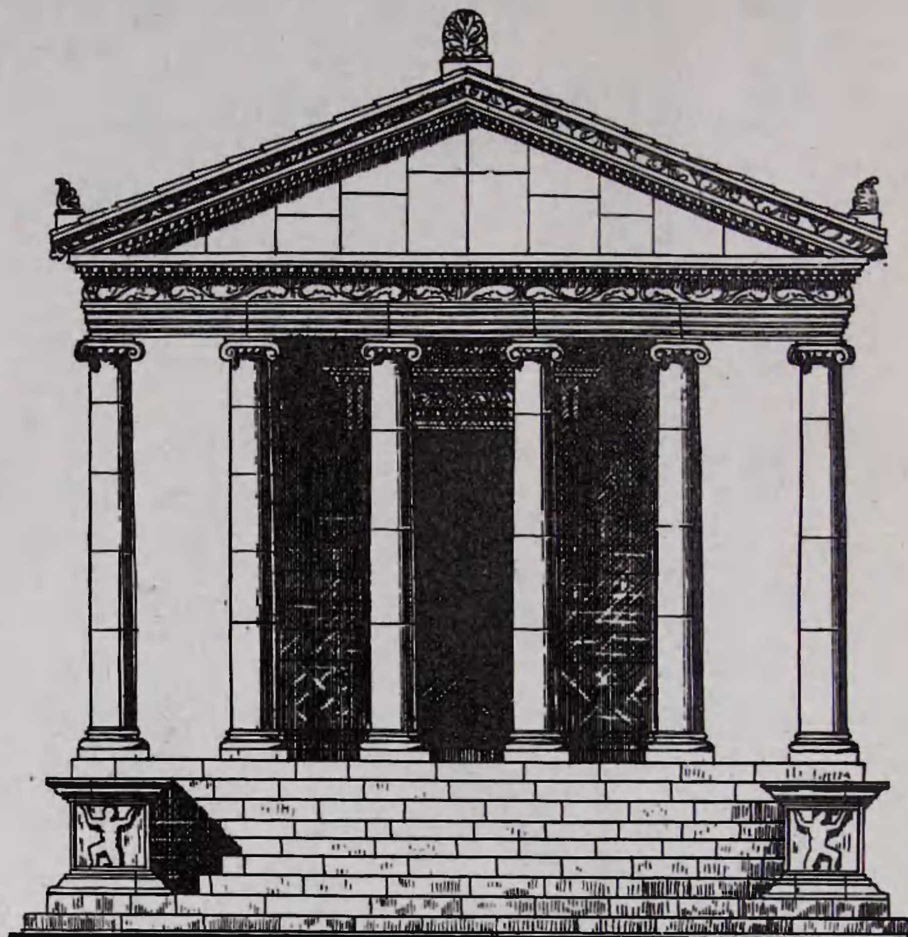

Рис. 3. Главный фасад языческого храма (реконструкция Н. Буниатяна).

Результатом более детального изучения храма явилась монография проф. Н. Буниатяна (см. реконструкцию, рис. 3). В ней автор датирует храм I веком и построение его приписывает Тиридату I[3]. Такого же мнения придерживается Н. М. Токарский[4].

[1] К. К. Романов, Развалины храма римского типа в Баш-Гарни. Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей, Москва—Ленинград, 1933, стр. 649.

[2] Т. Тораманян, Материалы по истории армянской архитектуры (на арм. яз.), т. I, стр. 83, 167, 282—283.

[3] Архитектор Н. Буниатян, Языческий храм при дворце Тиридата в крепости Гарни, Ереван, 1933.

[4] Н. М. Токарский, Архитектура древней Армении, Ереван, 1946.

В связи с находкой народным художником Армении М. С. Сарьяном и сотрудником Ботанического сада Ц. Давтяном летом 1945 г. греческой надписи царя Тиридата научный интерес к Гарни еще более возрос.

Акад. Я. А. Манандян считает гарнийский храм сооружением эллинистической эпохи, построенным при армянских Оронтидах (III в.— начало II в. до н. э.) или, возможно, при Тигране II и Артавазде II (I в. до н. э.).

Гарнийскую надпись акад. Я. А. Манандян приписывает Тиридату III и датирует ее временем после утверждения в Армении христианства, т. е. между 315 г. и 330 г. (годом смерти Тиридата III). Акад. Я. А. Манандян полагает, что Тиридат III лишь восстановил крепость и храм для своей сестры Хосровидухт[1].

Аналогичное, но независимое от Я. А. Манандяна предположение о времени построения гарнийского языческого храма было высказано заслуженным деятелем искусств Г. Левоняном. Он считал храм памятником эллинистической эпохи, построенным при Тигране II, т. е. в I в. до н. эры[2].

Вопросу о датировке храма член-корреспондент Академии наук СССР К. В. Тревер посвятила специальную статью[3], в которой постройку гарнийского языческого храма относила к началу II в., к периоду захвата Армении римлянами в 115—117 гг.; такая датировка нам кажется неправдоподобной; припяв ее, мы должны предположить, что римляне строили храм в те два года, когда они были заняты войной и насилием. Мы уже не говорим о том, что даже технически невозможно было бы за два года выполнить в базальте такое количество резьбы. Впоследствии К. В. Тревер, отказавшись от этого своего мнения, стала датировать храм I в. н. э., относя его к постройкам Тиридата I[4].

Из приведенных выше мнений относительно датировки гарнийского храма видно, что вопрос этот нельзя считать окончательно разрешенным. Для этого необходимы новые данные, которые мы вправе ожидать от раскопок крепости Гарни.

В крепости возле развалин храма имеются остатки небольшой усыпальницы католикоса Маштоца, сохранившаяся надмогильная плита, которая датирована 346 годом армянского летоисчисления, что равняется 897 г. нашего летоисчисления. Но, вероятно, плита

---

[1] Акад. Я. А. Манандян, Греческая надпись и время постройки гарнийского языческого храма, Ереван, 1946, стр. 47—59.

[2] Г. Левонян, Языческий храм в Гарни (на арм. яз.). Научные труды Ереванского гос. университета, т. XXIII, Ереван, 1946, стр. 349—365.

[3] К. В. Тревер, К вопросу об античном храме в Гарни (Армения), см. „Советская археология“, XI, 1949, стр. 285—304.

[4] Новую точку зрения К. В. Тревер развила в своем докладе на объединенной сессии Отделения истории и философии АН СССР и отделения общественных наук АН Арм. ССР 30 октября 1950 г. в Ереване.

была поставлена значительно позднее. Тут же лежат обломки стен какой-то церкви, которая, как и рядом находящаяся усыпальница, была построена из туфа на известковом растворе.

Памятниками древности усеяна и вся территория поселения Гарни. Приводим перечень этих памятников:

1. Развалины базиличной церкви IV—V в. Сохранилась часть восточной абсиды и южная стена до капителей пилястров; много облицовочных камней обрушено.

2. Трехнефная базиличная церковь из желтого туфа, построенная в XVII в. на развалинах древней базилики и носившая имя Богородицы.

3. Остатки старого здания у восточной абсиды церкви Богородицы.

4. Развалины церкви Богородицы из темносерого базальта, построенной в XII—XIII вв. и названной местными жителями „Маштоц Айрапет". Сильно поврежденные ее стены сохранились до основания барабана купола. На стенах церкви имеются надписи.

5. Развалины церкви, построенной в виде однонефной базилики из красновато-желтого туфа на юго-восточной окраине селения, возле кладбища; перекрытие обрушено.

6. Развалины небольшой усыпальницы, прилегающей к вышеописанной церкви; построена из таких же камней. Перекрытие не сохранилось.

7. Развалины усыпальницы круглой формы на западном конце длинного холма с крестными камнями (хачкарами—арм. *խաչքար*), северо-западнее селения. Сохранились основание и один ряд кладки.

8. Развалины усыпальницы Тух-Манук (*Թուխմանուկ*) в северной части села.

9. Развалины усыпальницы св. Елены на холме северо-восточной окраины селения.

10. Остатки сооружения, видимо купольной усыпальницы, возле усыпальницы св. Елены.

11. Остатки основания небольшого сооружения, именуемого населением Зоравор, возле табачного склада.

12. Развалины маслобойни для добывания растительного масла, построенной в XIX в. из базальтовых глыб, взятых из крепости. На шести камнях—изображение крестов *(խաչքար)* работы XII—XIII вв.

13. Кладбище перед развалинами базиличной церкви IV—V вв. с надгробными плитами древнего и средневекового типов.

14. Кладбище IX—X вв. с древнейшими крестными камнями, для которых использованы базальтовые камни из старой (сухой) кладки крепостной стены.

15. Крестный камень с надписью царицы Катранидэ, датированный 879 г., стоит на том же кладбище IX—X вв.; для него использован камень из старинной кладки крепостной стены; этот памятник является одним из первых датированных крестных камней, известных

до сих пор в Армении. Памятник по своей форме является переходным между стелами IV—VII вв. и крестными камнями X—XIV вв.

16. Кладбище с надгробными крестными камнями и плитами XII—XIII вв., расположенное на холмах, тянущихся северо-западнее селения. Крестный камень патрона Саркиса на западном склоне холма датирован 1195 г.

17. Кладбище на площади церкви, на котором имеются крестные камни, датированные 1291 и 1297 гг. (один из больших крестных камней и ныне стоит на высоком постаменте).

18. Средневековое кладбище на северо-восточной окраине селения—на холме, где находится метеорологическая станция.

19. Средневековое кладбище на холме западнее крепости, над ущельем реки Азат.

20. Кладбище XI—XIV вв. вокруг церкви Богородицы, именуемой населением Маштоц Айрапет, с крестными камнями, на одном из них дата—1200 год.

21. Памятник в виде отдельно стоящей ниши, наверху двускатной, покрытой надписями, стоит у восточной абсиды церкви, именуемой Маштоц Айрапет.

22. Кладбище на холме северо-восточнее селения вокруг усыпальницы св. Елены; имеются крестные камни, один из них датирован 1214 годом.

23. Кладбище XI—XIII вв. на холме к востоку от селения, над дорогой, ведущей к мельнице.

24. Тут же памятник в виде отдельно стоящей ниши с двускатным перекрытием, сохранность плохая.

25. Большое кладбище на юго-восточной окраине селения, где хоронят и в настоящее время. Здесь имеется множество крестных камней, архитектурных деталей и камней из крепости и различных древних сооружений.

26. Греческая надпись Тиридата I о восстановлении крепости Гарни, датированная 11-м годом правления этого царя, найдена в 1945 г. на кладбище на восточной окраине с. Гарни.

27. Кладбище с крестными камнями в восточном ущелье, среди садов.

28. Остатки стены в ущелье реки Азат, у подножья южного острого конца мыса, на котором построена крепость.

29. Большая базальтовая плита карниза, хорошо отесанная и профилированная, вместе со сходными плитами обнаружена при земляных работах на восточном краю восточного ущелья; очевидно, из какого-то средневекового сооружения.

30. Ахчка-берд, стена из базальтовых камней, возведенная перед естественной пещерой у подножья отвесной скалы, высящейся над ущельем реки Азат, немного выше дороги, идущей по ущелью. В стене Ахчка-берд оставлена амбразура для пользования огнестрельным оружием. Стена эта возведена не ранее XVI в., когда во

время непрерывных набегов турок и персов население Гарни скрывалось в пещерах ближайших ущелий, о чем сохранились свидетельства у историков. Из скалы в пещере вытекает ключевая вода, которой пользовались жители, скрывавшиеся в этой пещере.

31. Мост через реку Азат, на дороге, ведущей к монастырю Авуц-Тар. Этот средневековый мост неоднократно восстанавливался и видоизменялся; последний раз мост был реставрирован в 1938 году.

32. Крепость на мысу, образованном ущельями речки Гегард и Милли-дзор. Мыс имеет треугольную форму и расположен намного ниже как гарнийского плато, так и холмов на южном берегу р. Гегард, с которых спускались к этому мысу, защищенному двумя линиями стен „циклопического" типа; позднее, в XVI—XVII вв., эти стены были наспех восстановлены и сложены из неотесанных камней. В этой необычной крепости ютилось население при набегах иноземных грабителей.

33. Развалины церкви св. Саргиса—находятся на расстоянии километра к западу от Гарни на безводных и голых холмах.

34. Здесь же, рядом с развалинами церкви, сохранились остатки нескольких жилищ из неотесанных камней.

35. Недалеко от упомянутых жилищ имеется кладбище с плохо орбаботанными крестными камнями небольшого размера.

36. Крестный камень на холме в двух километрах севернее селения.

Сотни камней из стен крепости, камни и архитектурные детали других сооружений находятся в кладках многочисленных домов селения, во дворах, на кладбищах, в частности на большом кладбище на юго-восточной окраине селения и в ущельях. Среди них имеются базальтовые базы различных форм и размеров, фрагменты базальтовых полуколонн древнейшей формы, камни от карнизов сводов, дверей, окон и пр. Сбор и изучение этих деталей бесспорно имеет большое научное значение.

Из вышеприведенного перечня видно, что территория Гарни содержит в себе целые комплексы разновременных памятников материальной культуры, изучение которых даст нам яркую картину жизни творцов этих памятников и откроет многое, чего не дают письменные источники.

3. Работа экспедиции в 1949—1950 гг.

Настоящий отчет является кратким изложением основных результатов работ Гарнийской археологической экспедиции за 1949—1950 гг. Более подробный отчет может появиться лишь после широкого развертывания раскопок Гарни и детального изучения добытого археологического материала.

В 1949 г. экспедиция работала в течение одного месяца, с I по

30 ноября, а в 1950 г. работы экспедиции охватили полностью два месяца (сентябрь и октябрь).

В работах экспедиции принимали участие археологи: М. С. Асратян (1950 г.); С. А. Сардарян (1949—1950 гг.); М. А. Исраелян (1949—1950 гг.); Е. А. Мушегян (1949—1950 гг.); А. О. Мнацаканян (1949 г.); О. С. Егиазарян (1950 г.); А. А. Мартиросян (1950 г.); архитектор экспедиции А. А. Саинян (1949—1950 гг.), в помощь которому были приглашены архитекторы Б. Арзуманян (1950 г.) и М. Арутюнян (1949); археолог-реставратор В. Газазян (1949 г.); фотограф А. Кочар (1949—1950 гг.); помощник начальника экспедиции по хозяйственной части М. Погосян (1949—1950 гг.).

В качестве практикантов к работам экспедиции были привлечены 13 студентов исторического факультета Ереванского государственного университета им. В. М. Молотова, студент Ереванского художественного института Р. Арутюнян (сентябрь 1950 г.) и окончившая исторический факультет Ереванского государственного университета Э. Ханзадян.

Раскопки 1949 г. носили разведочный характер. На самом высоком и, казалось, удобном для монументальных построек месте, почти в середине крепости (см. план крепости, разведочный пункт А), на глубине от 0,5 до 0,8 метра выявились незначительные остатки жилых помещений позднего времени (XV—XVII вв.) и материковая скала.

Разведочные раскопки в пункте Б обнаружили остатки жилищ XIII—XIV вв. и давильню винограда. Тут же были открыты две глубокие, хорошо смазанные известью ямы для вина. На дне одной ямы был обнаружен винный камень.

Раскопки в разведочных пунктах А и Б были в дальнейшем несколько расширены.

На СЗ окраине крепости (см. разведочный пункт В) были выявлены остатки жилых помещений и обломки керамики XV—XVII вв. В разведочном пункте Г были обнаружены 3 погребения с могильными плитами и камнями, врытыми в землю по обоим концам могильной плиты (у головы и у ног покойника); верхние части этих камней выступили над землей в виде невысокого полукруга. Могилы подобного типа встречаются в нескольких местах сел. Гарни и относятся к XI—XIV вв.

Сравнительно большой участок был раскопан вдоль северной стены крепости, с внутренней стороны, недалеко от входа, где можно было рассчитывать на обнаружение остатков помещений военно-служебного характера. Однако и здесь были открыты остатки жилищ позднего времени (XIII—XIV и XV—XVII вв.).

Основные работы 1949 г. были сосредоточены на открытии северной стены крепости (см. план крепости после раскопок).

В последние два—три дня работ экспедиции бригада рабочих во главе с архитектором экспедиции А. Саиняном начала расчищать

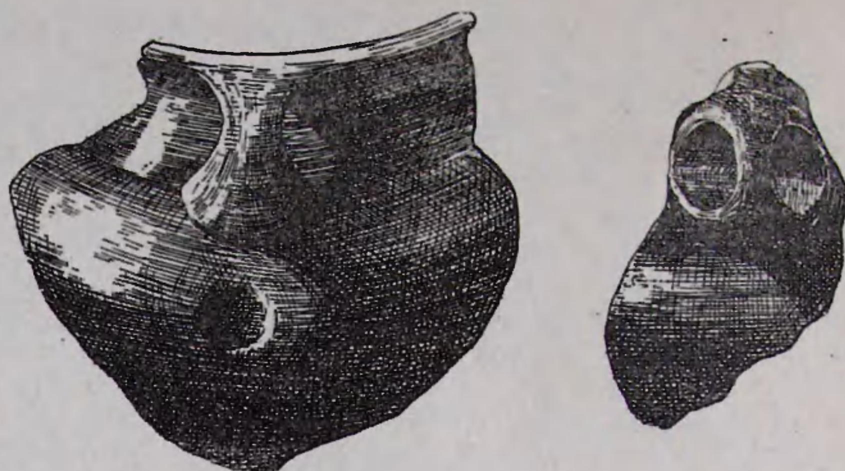

Рис. 4. Образцы энеолитической чернолощеной керамики.

остатки какого-то церковного сооружения, примыкающего с запада к языческому храму. Выяснилось, что тут имеются остатки четырехабсидной центрально-купольной церкви.

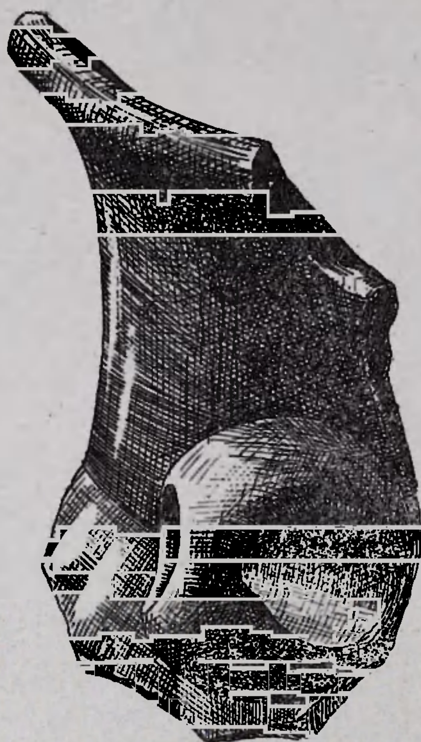

Рис. 5. Фрагмент энеолитического чернолощеного большого сосуда.

Разведочные раскопки показали, что верхний культурный слой в крепости относится к позднему средневековью и что этот слой имеется почти во всех частях территории крепости.

Возобновив работы в 1950 г., экспедиция поставила перед собой следующие задачи: продолжить раскопки крепостной стены на всех ее участках и выявить общий план крепости на основании остатков крепостной стены; произвести раскопки внутри крепости и в общих чертах выяснить характер всех культурных слоев, начиная с верхнего слоя и кончая самым нижним; произвести разведочные раскопки вне крепости, в районе предполагаемого могильника первых веков до н. э. и первых веков нашей эры.

В результате раскопок 1950 г.

а) открыта крепостная стена почти на всем ее протяжении;

б) выяснены культурные слои внутри крепости, при этом самый верхний слой принадлежал XV—XVII вв., а самый нижний слой, обнаруженный в разных местах крепости, оказался слоем эпохи энеолита;

в) обнаружен в самой крепости культурный слой первых веков;

г) исследован обширный могильник первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры;

д) добыто путем раскопок значительное количество предметов, относящихся к различным эпохам (413 №№);

е) собраны и подготовлены к изданию средневековые армянские лапидарные надписи на древних памятниках, сохранившихся в Гарни.

После общей характеристики археологических работ переходим к изложению основных результатов раскопок по отдельным эпохам в хронологическом порядке. Следует отметить, что применяемое нами в отчете хронологическое расположение материалов ни в какой мере не предопределяет научное значение описываемых памятников. Важнейшими памятниками Гарни безусловно являются памятники античной эпохи.

II. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ И ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ

1. Обнаружение энеолита в Гарни

В первый же день работ экспедиции в 1949 г. при исследовании поверхности внутренней территории крепости сотрудник экспедиции С. А. Сардарян нашел обломки чернолощеной керамики и обсидиановый вкладыш серпа, призна̀в их характерными для энеолита, а также обломки полихромной керамики, хронологически близкой к энеолиту. Первоначально казалось, что эти предметы попали в крепость из ее окрестностей вместе с землей, при постройке в крепости поздних жилищ (XV—XVII вв.). Такое предположение подсказывалось не только тем обстоятельством, что энеолитические предметы были обнаружены на поверхности земли, среди неотесанных камней развалившихся жилищ верхнего слоя, но и тем, что недалеко от крепости во дворе колхозника Григория Назаряна при обработке огорода был найден цельный чернолощеный кувшин с характерным для энеолита треугольным выпуклым орнаментом; из этого района могла быть завезена земля в крепость.

Однако при раскопках 1950 г. энеолитический слой был обнаружен и во многих других местах крепости, довольно отдаленных друг от друга, на глубине от 2 до 3,5 м, а именно в средней части крепости при раскопках квадратов 14/и, 14/к, 16/к, 17/з, 17/и, 17/л, 20/и, у крепостных стен в квадратах 13/а и 14/а и в разведочных траншеях №№ 1,2, недалеко от языческого храма (см. план).

При раскопках найдено большое количество черепков чернолощеной керамики (рис. 4), отличающихся большим разнообразием назначения посуды и способа их отделки. Среди керамики встречаются обломки больших и малых кувшинов, с характерными для энеолита круглыми ручками и ушками с отверстием или без отверстия, фрагменты больших плоскодонных кувшинов с толстыми, почти вертикальными стенками (рис. 5), мисок и плоскодонных, неглубоких чаш, глиняных кружек и пр.

Попадаются черепки, различные по своей технике отделки и орнаментации. Есть черепки с выпуклыми и выемчатыми линиями, сделанными тупым предметом по мягкой сырой глине до обжига. Линейный выемчатый орнамент (типа Шенгавита) в отдельных случаях выполнен с большим мастерством, более тщательно полирован и отличается ярким блеском (рис. 6). Самым же характерным для энеолитической

керамики Гарни является орнамент в виде ряда небольших углублений, образующих как бы пояс на тулове кувшина.

Рис. 6. Образцы энеолитической керамики.

Встречаются черепки краснолощеной керамики, а также керамики чернолощеной снаружи и краснолощеной изнутри. При раскоп-

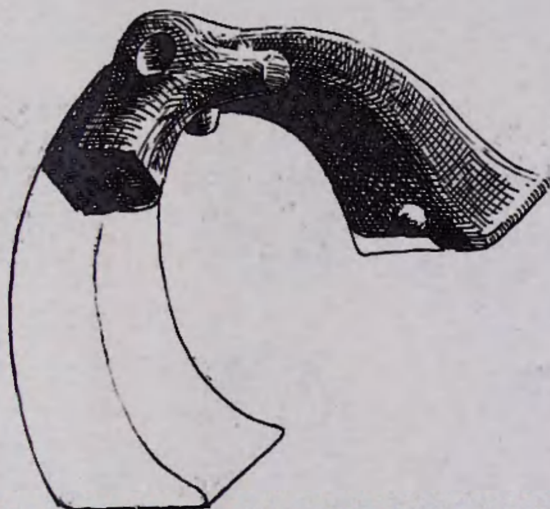

Рис. 7. Подставка от очага, характерная для энеолита Армении.

ках в квадрате 17/и были обнаружены части очага и весьма характерные для энеолита подставки очагов (рис. 7).

В энеолитическом слое обнаружено множество каменных орудий из обсидиана и кремня (рис. 8 и 9.) Это различной величины пластины, треугольные остроконечники, скребла, вкладыши серпов

и др. Найден также большой кусок обсидиана, приготовленный, по-видимому, для производства орудий; наполовину использованный, он

Рис. 8. Обсидиановые и кремневые орудия из энеолитического слоя.

весит более 3 килограммов. Среди каменных орудий имеется плоский ручной „молоток" из темносерого камня и обломок какого-то большого полированного орудия из песчаника.

Рис. 9. Обсидиановые орудия из энеолитического слоя.

В энеолитическом слое найден также обсидиановый наконечник стрелы весьма тонкой работы (рис. 10).

Раскопки не открыли еще хорошо сохранившихся остатков жи-

лищ энеолитического периода, но все же устанавливается, что для них использовывались неотесанные камни.

Находки показывают, что жители Гарни в энеолитическую эпоху занимались земледелием, животноводством и охотой. При раскопках известного энеолитического поселения Шенгавит было обнаружено зерно, даже целые колосья пшеницы и ячменя. В Гарни зерно пока не обнаружено, но о земледелии свидетельствует целый ряд находок; из них укажем на множество вкладышей серпов из обсидиана и кремня (см. рис. 8), на находку характерной для энеолита ладьевидной зернотерки (рис. 11). Особо следует отметить находку половины энеолитического медного серпа, который в Армении обнаружен впервые (рис. 12). Это серп небольших размеров, к нему прикреплялась деревянная рукоятка.

Рис. 10. Обсидиановый наконечник стрелы из энеолитического слоя.

Рис. 11. Ладьевидная зернотерка энеолитического периода.

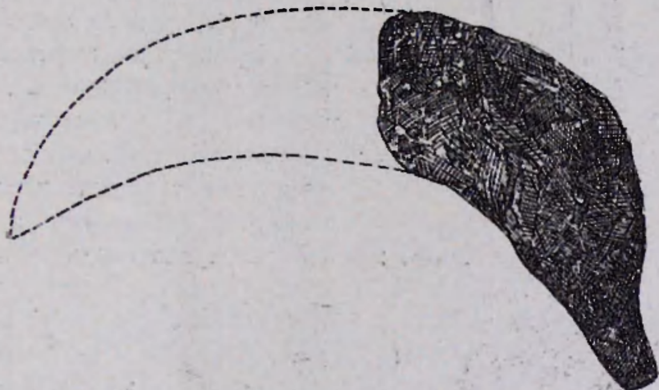

Рис. 12. Медный серп из энеолитического слоя.

Следует особо выделить находку в энеолитическом слое косточки абрикоса (Prunus Armeniaca). Этой находкой оправдывается научное название абрикоса, ибо трудно предположить, что косточка абрикоса могла бы быть завезена в Армению, к подножью Гехамских гор, в энеолитическую эпоху из Средней Азии, которая считается родиной абрикоса[1].

Наряду с земледелием значительное место в хозяйстве энеоли-

---

[1] П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи, Москва, 1950, стр. 325—326.

тического человека занимало животноводство. Об этом говорит также ряд находок в Гарни. По предварительному определению палеозоолога С. К. Даля среди большого количества костей имеются кости крупного рогатого скота (Bos taurus), буйвола (Bos bubalus), лошади (Equus caballus), осла или кулана (Equus asinus или Hemionus) и оленя (Cervus elaphus). Из мелкого рогатого скота встречаются баран (Ovis ophion+aries) и коза (Capra aegagrus+domestica). Найдены также кости свиньи (Sus domesticus).

Рис. 13. Костяные шилья из энеолитического слоя.

Об охоте свидетельствуют кости дикого барана, дикой козы, зайца (Lepus europaeus), горной куропатки (Alectoris graeca). Найдены также кости собаки (Canis familiaris). Встречаются много костяных шильев (рис. 13), каменные, костяные и глиняные пряслица, свидетельствующие о наличии в этот период ткачества (рис. 14).

При дальнейшем развертывании раскопок Гарни обещает стать одним из важных объектов изучения энеолита в Армении.

Уровень земледелия и, в частности, животноводства, а также особенности гончарных изделий (керамики) позволяют полагать, что открытая в Гарни энеолитическая культура относится к позднему периоду энеолита. О наличии же в Гарни культуры бронзы и раннего

Рис. 14. Пряслица из камня, кости и глины.

железа неоспоримо свидетельствуют остатки 4-х циклопических крепостей и могильников, расположенных на расстоянии от двух до пяти километров восточнее и севернее Гарни.

Из предметов, относящихся к урартской культуре, имеется единственная находка, обнаруженная возле V башни северной стены, внутри крепости—цилиндрическая печать из черного камня с изображением козла, стоящего перед „древом жизни" (раскопки М. А. Исраелян). Печать эта (рис. 15) по форме относится к кругу ассирийских печатей. Связи урартов с исследуемым нами древним поселением весьма вероятны, так как Гарни находится на расстоянии около 20 километров к востоку от урартской крепости Арин-берд (Ирбуни), расположенной возле Еревана.

Рис. 15. Цилиндрическая печать из черного камня.

Из сказанного выше явствует, что Гарни был заселен уже с древнейших времен, начиная с энеолита, и что здесь имеется несколько культурных слоев, что представляет нередкое в истории Ближнего Востока, Закавказья и др. стран явление.

2. Крепостная стена

Как в 1949, так и в 1950 гг. основное внимание было сосредоточено на расчистке крепостной стены. Результаты раскопок превысили всякие ожидания. Открыта мощная оборонительная система, имеющая огромное значение как для истории строительного искусства, так в равной мере и для истории военно-фортификационного дела.

Раскопки крепостной стены были начаты у самого входа в крепость (рис. 16 и 17). Хотя с обеих сторон входа высятся стены, сохранившие по 16 рядов кладки, все же план входа в крепость был далеко не ясен. Раскопки выявили следующую картину. Вход в крепость был узок (2,16 м), но ширина его была вполне достаточна для проезда не только конницы, но и боевых колесниц. Вход защищался двумя мощными башнями прямоугольной формы. Башни, как и вся стена, построены из громадных каменных глыб твердой породы—базальта, скрепленных железными скобами, изогнутые концы которых входили в специально сделанные для них гнезда и заливались свинцом. Ворота открывались во внутрь крепости, как это видно по специально сделанному выему на камнях, пятам для осей двустворчатых ворот. Удалось восстановить способ запирания ворот, благодаря находке на большом кладбище на восточной окраине селения базальтового камня из кладки крепостной стены, как это видно по его форме, размерам и обработке. Камень этот имеет в середине два больших круглых отверстия и расположенный слева от них вертикальный выем. Нет сомнения, что он принадлежал воротам: его широкие отверстия, диаметром в 0,25 м, служили гнездом для бревен-задвижек, а вертикальный выем вероятно для металлического приспособления задвижки (рис. 18).

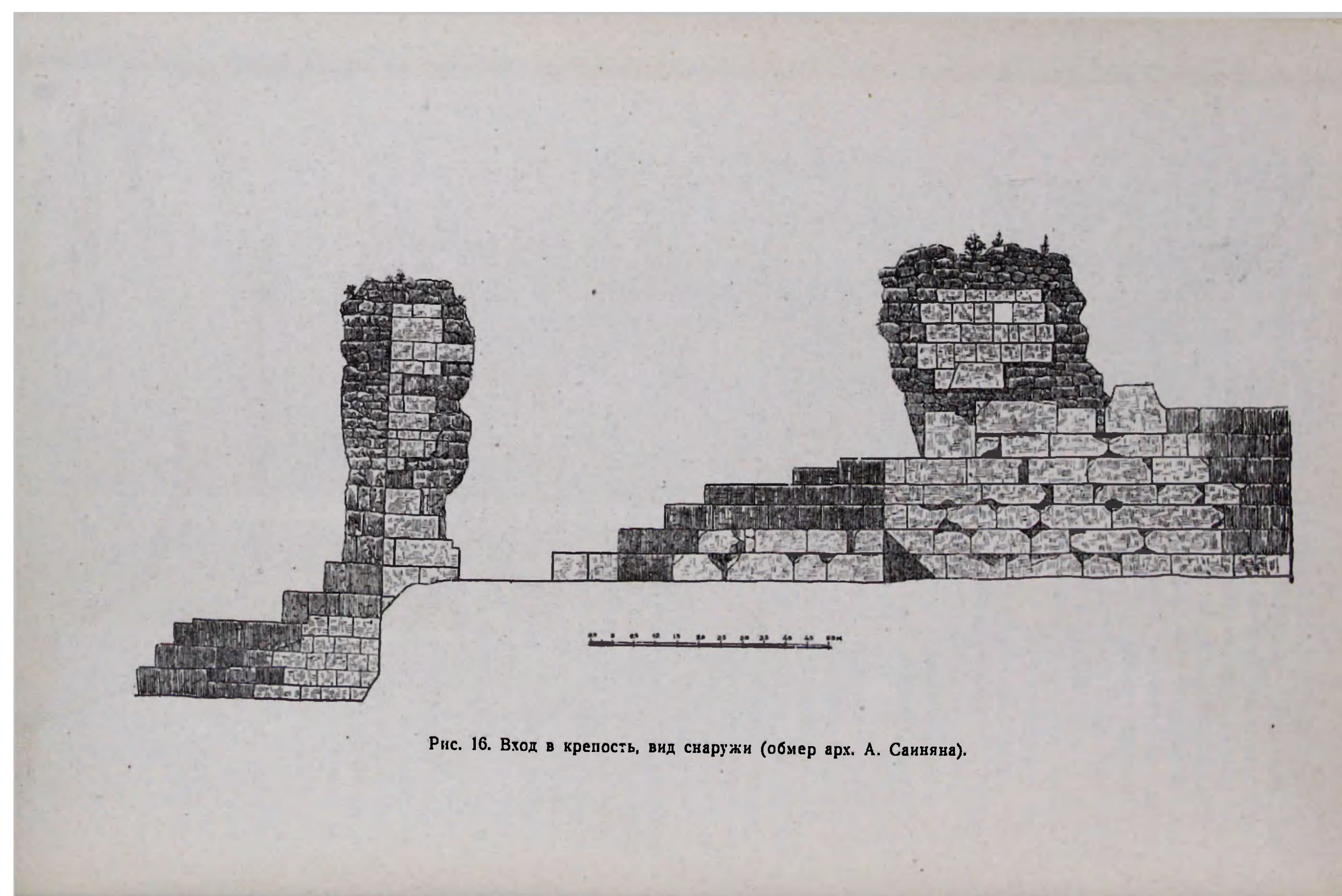

Рис. 16. Вход в крепость, вид снаружи (обмер арх. А. Саиняна).

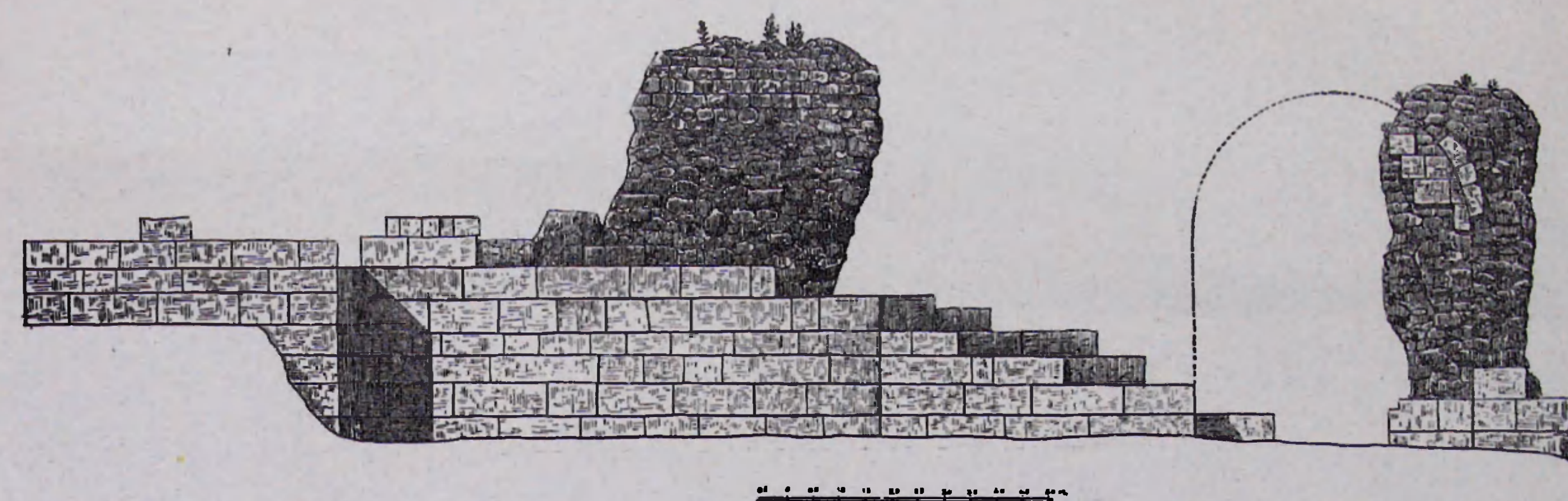

Рис. 17. Вход в крепость, вид изнутри (обмер арх. А. Саиняна).

Одновременно с выяснением плана и особенностей входа в крепость шла работа по открытию северной стены крепости. Здесь из-под земли выступили остатки десяти башен (остатки семи башен были частично открыты в 1949 г., остальные—в 1950 г.). Поражают как строительное мастерство, так и плотность стены и башен. Башни отстоят друг от друга на расстоянии 10—12 метров, а северная стена с десятью башнями тянется на протяжении 170 метров. Такая плотность башен объясняется тем, что здесь мы имеем дело не с обычной, а царской „неприступной крепостью".

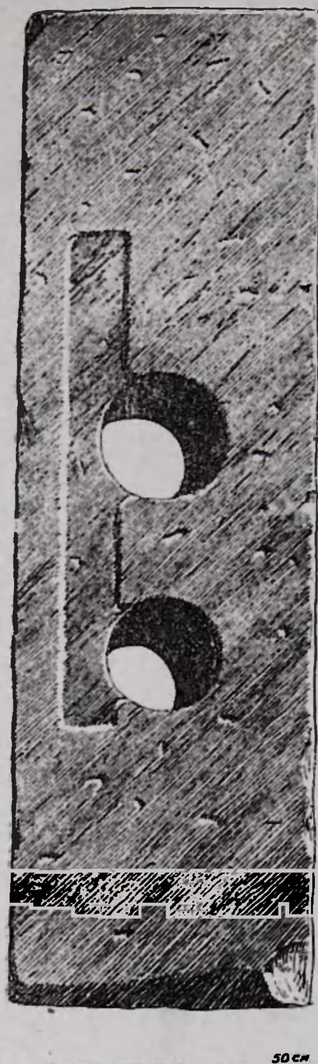

Рис. 18. Наличник двери с отверстиями для задвижек (обмер арх. Б. Арзуманяна).

В 1950 г. была расчищена также восточная стена крепости. Эта стена сооружена на покатом склоне ущелья с садами, расположенного с востока в виде прекрасного амфитеатра перед крепостью. Частично эта стена была видна и до раскопок, но предполагалось, что восточная стена крепости носит подпорный характер. Раскопки же обнаружили самостоятельный характер этой стены, камни которой прекрасно обтесаны как с наружной, так и с внутренней сторон; на камнях кладки с обеих сторон, в местах стыка, сняты фаски.

Плотность башен восточной стены уступает плотности башен северной стены, и это естественно, так как неприятель мог штурмовать крепость только с севера. Восточная стена лишь дополняла естественную защищенность крепости со стороны ущелья. С юго-восточной и южной сторон крепость была совершенно неприступна, так как здесь ее защищали вертикально возвышавшиеся над ущельем скалы головокружительной высоты. В восточной стене, начиная от входа в крепость и до того места, где стена упирается в естественную скалу, было всего четыре башни, отстоящие друг от друга минимум на 25,60, максимум на 32,20 м. Длина восточной стены равнялась 144 м.

Таким образом, в результате раскопок открыта крепостная сте-

Рис. 19. План крепости Гарни после раскопок.

на, которая тянулась по обеим сторонам треугольника на протяжении 314 м и имела четырнадцать башен (рис. 19).

Крепостная стена, обрамляющая больше половины восточного края мыса и всю северную сторону до обрыва у западного угла треугольника, тянется не по прямой линии и не образует полукруга или дуги, хотя местность этому не помешала бы. Стена имеет на первый взгляд странную форму, но рассматривая план, нетрудно заметить, что это сделано преднамеренно и в военных целях. Строители крепости, исходя из треугольной формы мыса и принимая во внимание рельеф местности, примыкающей к нему с северо-востока и северо-запада, разделили стену на отдельные участки обороны. По краям этих участков башни выступают вперед, а на самом уязвимом участке, а именно в середине, башни, наоборот, отодвинуты назад. Вследствие этого линия стены на этом оборонительном участке образует дугу, выступающую своими крыльями наружу. На других участках стена образует ломаную линию, отдельные прясла которой отделены друг от друга выступающей вперед башней. Таким образом, подошедший к крепостной стене неприятель на главном участке обороны попал бы в пространство, удобное для его уничтожения. Вместе с тем противник с ближайшего расстояния мог своими стрелами поражать только тех защитников крепости, которые оказались бы на данном участке стены. При такой оборонительной линии защитники крепости получали возможность сосредоточивать, при необходимости, свои силы на том или ином участке.

Описанная нами стена и является остатком стены той древней крепости, которая, по свидетельству Тацита, в середине I в. уже существовала, будучи построена, повидимому, задолго до этого и которая была восстановлена Тиридатом I в 70-х гг. первого века нашей эры.

Строительная техника возведения крепостных стен в эти два периода была идентична. Она достойна особого внимания историков строительного искусства, мы же ограничиваемся описанием этой стены, дав общую характеристику оборонительной системы, одновременно представляющей целый архитектурный комплекс.

Крепостная стена воздвигнута на фундаменте из камней и известкового раствора. В фундаменте на небольшом расстоянии друг от друга расставлены поперечные длинные камни-балки, края которых выступают из-под первого нижнего ряда кладки. Они, несомненно, имели конструктивное назначение и придают крепость фундаменту и всей стене. Сама кладка стены выложена из громадных базальтовых глыб, многие из которых по весу достигают 5—6 тонн. Подбор строительного материала (базальт твердой породы с удельным весом в 3 единицы) и размеры камней были достаточны для того, чтобы стена была крепкой и мощной. Камни в кладке поставлены не вертикально, как это мы наблюдали в кладке гарнийского храма, а плашмя. Они хорошо отесаны, тесно пригнаны друг к другу, и,

благодаря своей тяжести, крепко держатся на месте. Но строители крепости не ограничивались этим и скрепляли камни железными скобами, загнутые концы которых входят в специально для того сделанные в камнях гнезда и залиты свинцом (рис. 20).

В оборонительной системе крепости решающее значение имели башни. Они—прямоугольной, почти квадратной формы, размером в

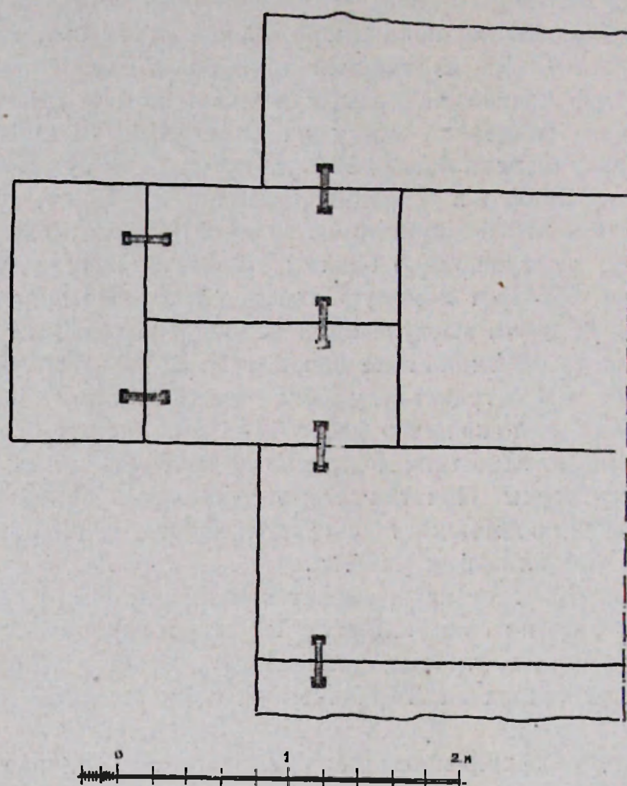

Рис. 20. Скрепление камней железом и свинцом (обмер арх. А. Саиняна).

среднем 6,30 на 6 м (расхождения в размерах отдельных башен не велики), т. е. занимают площадь около 40 квадратных метров. Это не контрфорсы, а башни, снаружи выступающие от стены минимум на 2,35 м, максимум—3,65 м, а с внутренней стороны—минимум на 0,85 м, максимум—2,33 м.

Поражает мощность башен. Они сложены из больших, квадратной формы глыб в той же технике, как и вся стена (рис. 21). Кладка башен сплошная; незначительные щели между камнями заполнены известью, которая является здесь не вяжущим раствором а служит лишь для заполнения щелей в кладке. Таким образом, башни были сплошными и отличались необычайной массивностью. Полой была, вероятно, верхняя часть башен, где могли быть сосре-

доточены боеприпасы при защите крепости и откуда защитники крепости могли вести бой с неприятелем. Башни, повидимому, завершались зубцами, но камни зубцов пока не обнаружены.

Стена, тянувшаяся между башнями, также выложена из базальтовых глыб. Всю толщину стены, составляющую 2,07 м (ровно 4 лок-

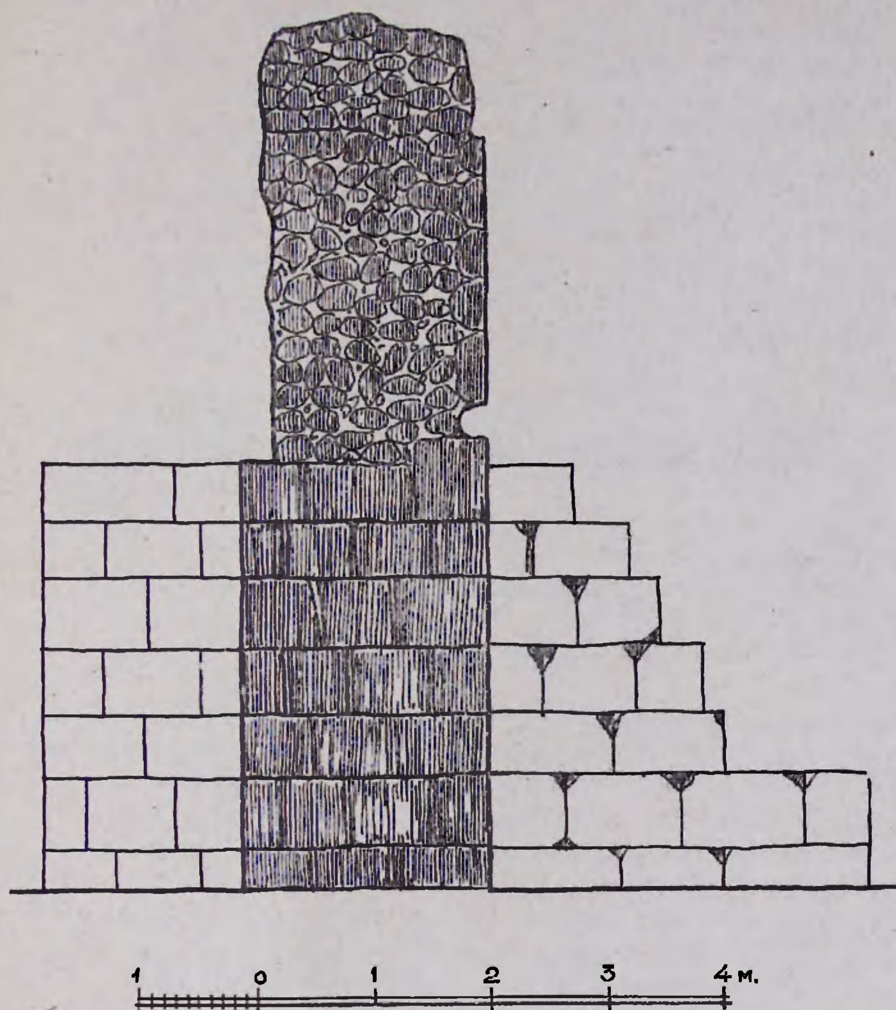

Рис. 21. Разрез крепостной стены у первой северной башни (обмер арх. А. А. Саиняна).

тя), занимают два ряда камней, плотно пригнанных друг к другу и скрепленных железными скобами (рис. 22) и свинцом.

Камни стен и башен одинаково хорошо отесаны, по их краям идет обтесаная полоса, лента, окаймляющая рустовку. Между рядами по горизонтали выведены фаски. Такую сухую кладку принято обычно называть „эллинистической", но на территории Армении она встречается со времен Урарту, задолго до эллинизма, и, следовательно,

ее „эллинистическое" название, несмотря на широкое применение этой кладки в эллинистическую эпоху, является весьма условным.

Важен вопрос о высоте стены и башен, но судить об этом затруднительно. Некоторое представление о приблизительной вышине стены можно составить по сохранившимся остаткам. Так, у самого входа сохранились 8 рядов кладки из больших глыб без раствора и 8 верхних рядов позднейшего времени. Общая высота стены доходит здесь до 6,70 м. Северная стена и башни сохранили местами 6—8 рядов сухой кладки высотой до 5 м. Сравнительно лучше сохранилась восточная стена со стороны ущелья. Здесь имеется 8—11 рядов кладки, а в одном месте (II восточная башня)—14 рядов, высотою в 8 метров, при средней высоте каждого ряда в 0,57 м. Сохранившийся 14-й ряд едва доходит до уровня самой нижней террасы крепости. Он на 6,5 м ниже уровня крепости у входа и на 12 метров ниже наивысшей точки стены, сохранившейся у входа же, от которой он отстоит на 32 метра.

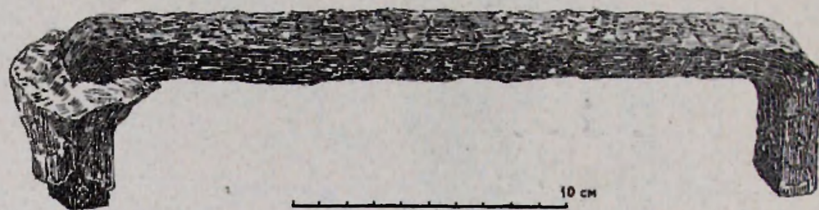

Рис. 22. Железная скоба.

Исходя из всего этого, можно полагать, что сохранившиеся 14 рядов едва ли составляют половину общей высоты стены даже в том случае, если верхний уровень восточной стены был ниже уровня северной стены, что весьма вероятно. По этим подсчетам крепостная стена Гарни выглядела выше четырехэтажного здания. Этому не противоречат письменные сведения о высоте крепостных стен Тигранакерта. По словам Аппиана[1] высота тигранакертской стены равнялась 50 локтям. Нет сомнения, что здесь имеется в виду ниппурский локоть, имеющий 51,8 см длины. Эта мера широко применялась урартами, а также армянами в древний период вплоть до IV—VII вв. Ниппурский локоть, по наблюдениям архитектора экспедиции А. А. Саиняна, применен и при постройке крепости Гарни. Таким образом, высота тигранакертской стены равнялась приблизительно 26 метрам. Какую бы скидку мы ни делали в отношении стены Гарнийской царской крепости, которую все говорящие о ней историки считают неприступной и одной из наиболее выдающихся армянских крепостей, все же приходится признать, что ее высота приближалась к высоте тигранакертской стены.

[1] См. Я. А. Манандян, Тигран II и Рим, Ереван, 1943, стр. 62.

К какому же времени относится построение вышеописанной стены? Этот вопрос опущен нами в обзорной части, так как его нельзя ставить без учета тех выводов, которые могут явиться в результате хотя бы предварительных наблюдений над археологическим материалом.

Тацит говорит о событиях, имевших место в крепости Гарни в 51—52 гг. н. эры, но при этом у него нет и намека на время построения крепости. Моисей Хоренский построение крепости Гарни относит к Гехаму, представителю пятого поколения легендарного прародителя армян hАйка. Деду этого Гехама, Арамаису, Хоренский приписывает построение Армавира. Если принять во внимание, что легенда о hАйке сложена в период образования армянской народности после падения Урарту (в VI—IV вв. до н. э.) и что в ней имеются поздние отложения некоторых исторических событий эпохи Урарту, то можно предположить, что легенда о построении Армавира внуком hАйка, Арамаисом, отражает факт существования крупного города Аргиштихинили в VIII в., позднее, в V—IV вв., ставшего вероятно резиденцией местных армянских династов Ервандидов (Оронтидов). В конце IV века Армавир уже является столицей Ервандидов, о чем свидетельствуют обнаруженные там в 1911 и 1927 гг. греческие надписи конца IV в. или начала III века. Построение Гарни могло бы быть отнесено к III в. до н. э., так как в пользу этого говорит свидетельство Моисея Хоренского о построении Гарни несколько позже Армавира, но намного раньше построения Арташата царем Арташесом I; о времени правления последнего Моисей Хоренский имел ясное представление.

Датировке построения крепости III в. до н. э. не противоречат и археологические данные: сухая кладка стены без применения раствора, строительный материал (базальт) и его теска перекликаются скорее с урартским строительным искусством, чем с эллинистическим. Подкреплением такой датировки могли бы служить и другие археологические наблюдения. Греческая надпись, найденная в Гарни в 1945 г., сообщает о том, что крепость Гарни была восстановлена Тиридатом I в одиннадцатом году его царствования, т. е. в 70-х гг. нашей эры. Так как этот камень с надписью входит в стену, выложенную сухой кладкой, то, следовательно, стена с сухой кладкой должна быть отнесена ко времени Тиридата I, а не Тиридата III, как полагает Я. А. Манандян: при Тиридате III в начале IV в. стены выкладывались совершенно иной кладкой, а именно с применением раствора.

Во время раскопок 1949 г. архитектор экспедиции А. А. Саинян обратил внимание на наличие у крепостной стены, между I и II башнями северной стены, с внутренней стороны, двух слоев строительного щебня, собранного под стеной, при этом между верхним и нижним слоями щебня образовался слой земли толщиною в 0,40—0,60 м, что свидетельствует о длительном перерыве между временами образования этих слоев. Первый слой щебня находился на уровне первого ряда

кладки, не считая фундамента, а второй слой—на уровне чуть выше второго ряда. Эти два слоя щебня, сходные по цвету камня и явившиеся результатом одинаковой обработки больших глыб, не отличаются друг от друга и должны быть относимы к стене, сложенной из огромных базальтовых глыб сухой кладкой. В верхнем слое щебня было обнаружено железное зубило для обработки камня (рис. 23); ширина нижней режущей части зубила соответствует ширине ленты обтесаной полосы на камнях нижних рядов, выложенных сухой кладкой, но никак не соответствует ширине полос на камнях верхних рядов, относящихся к более позднему времени.

В пользу датировки Гарнийской крепости третьим веком до н. э. говорит также обнаруженный в 1950 г. недалеко от крепости обширный могильник, в погребениях которого имеются предметы не только первых веков нашей эры, но и более раннего периода.

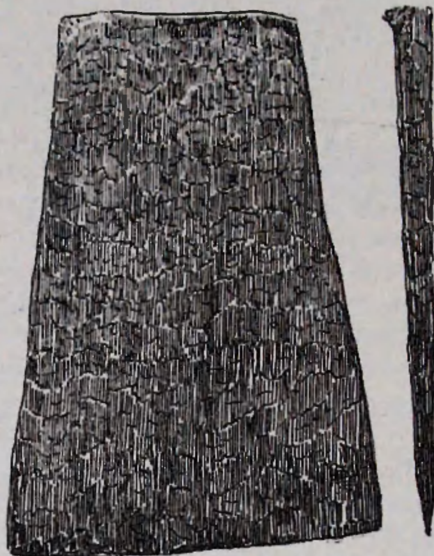

Рис. 23. Железное зубило—орудие каменотеса.

Открытая раскопками гарнийская крепостная стена представляет первоклассный архитектурный комплекс, являясь замечательным памятником строительного искусства, в частности древнего военного крепостного строительства. Крепость Гарни отличается мощной, действительно неприступной для военной техники тех времен оборонительной системой. Раскопки крепостной стены показали, что строительное искусство армян в первые века до нашей эры и в первые века нашей эры достигло весьма высокого уровня. В свете раскопок в Гарни начинает находить свое место в армянской архитектуре и великолепный гарнийский языческий храм. Уже теперь имеются основания решительно отвергать положение о чужеродном характере этого храма на территории Армении или об отнесении его к памятникам римского провинциального строительства, но в то же время не следует игнорировать некоторое воздействие греко-римского строительного искусства на армянскую, в частности влияние греко-римских мастеров на архитектурные формы и композицию этого храма.

Описание крепостной стены было бы далеко неполным без характеристики остатков ее позднейших реставраций и изменений.

До сих пор речь шла об остатках стены двух строительных периодов. Первый период предположительно датируется нами III в.

до н. э. Второй строительный период, на основании надписи Тиридата I, датируется 70-ми годами первого века. По сведению же Тацита, в 51—52 гг. крепость была цела и Радамист не сумел взять ее. Возникает естественный вопрос, что же случилось с ней и чем была вызвана необходимость ее восстановления четверть века спустя? Нам кажется вполне вероятным предположение К. В. Тревер[1] о том, что крепость была разрушена Корбулоном в 51 г. вместе с разрушением Арташата.

Крепость Гарни, с момента возникновения Арташата, была теснейшим образом связана с этой столицей и являлась ее форпостом с севера, а также местом стоянки царской гвардии, связанной со столицей. Весьма правдоподобно, что при разрушении столицы не уцелела и крепость Гарни.

После восстановления в 70-х гг. крепость приняла тот вид, который устанавливается материалами раскопок.

У самого входа в крепость обнаружены остатки третьего строительного периода, последовавшего после восстановления крепости Тиридатом I. Речь идет о пристройке почти круглой башни, охватывающей восточную башню у входа и служащей не столько дополнительной бойницей, сколько наблюдательным пунктом.

Чрезвычайно большой интерес представляет круглая башня с точки зрения строительной техники. Кладка здесь уже не сухая, камни связаны не железными скобами и свинцом, а известковым раствором и отличаются от камней сухой кладки и обработкой, и сравнительно меньшими размерами (см. табл. 19). Вместе с тем кладка круглой башни отличается также от обычной кладки, встречающейся в Армении начиная с IV века н. э. Нам известно, что в Армении в IV—V вв., а также и позднее, стены в основном состоят из бута и что тесаный камень применяется для облицовки стены с обеих сторон. Основной массой стены круглой башни является не бут, а камень. 2/3 толщины кладки стены (если не больше) составляют камни внешнего и внутреннего рядов, а раствор составляет менее 1/3 стены и имеет только скрепляющее назначение. Очевидно кладка круглой башни относится к периоду перехода от сухой кладки к кладке с применением раствора, когда основную массу стены составляет бутовая ее часть, а камень является облицовочным материалом. В таком случае пристроенная круглая башня хронологически может быть отнесена к периоду, лежащему между 77 годом н. э. (время восстановления крепости Тиридатом I) и IV веком, когда камень являлся облицовочным материалом и не представлял основную массу стены. Можно предполагать, что круглая башня относится ко времени Тиридата III (287—330), имя которого также связано со строительной деятельностью в Гарни.

Армянский историк Егише, рассказывая о крупных восстаниях

---

[1] К. В. Тревер, Надпись о построении армянской крепости Гарни. стр. 30.

армянского народа против Персии в 451 г., говорит, что повстанцы „напали на крепость и поселения, которыми владели (держали) персы тут и там в укрепленных местах страны. Разрушили, развалили их жилища (букв. места их жительства), прежде всего, великий Арташат с его предместьями. Взяли также неприступные крепости: город Гарни, Ани, Артагерс и их предместья".

Мы не располагаем данными, чтобы судить о том, в какой степени была разрушена крепость Гарни; возможно, что были разрушены только жилища персов. Во всяком случае крепость Гарни оказалась в руках повстанцев, но изменивший повстанцам Васак Сюнийский разрушил много крепостей в Армении, в частности те, которые были местами стоянки войск и из них в первую очередь Гарни.

Но все же Гарни сохранял значение крепости и стоянки войск и позднее. По сведениям армянского историка VII в. Себеоса, в правление сасанидского царя Хосроя II Парвеза (590—627) в Гарни находился персидский гарнизон, который поднял восстание и, убив начальника гарнизона, ушел из Гарни. Никаких указаний на разрушение крепости при этом не дается.

Изучение крепостной стены пока не позволяет судить ни о разрушении, ни о восстановлении крепости, произведенных после I века до времени появления арабов. Но археологические данные показывают с полной очевидностью, что крепость Гарни была разрушена арабами, хотя и письменных сведений об этом не сохранилось.

В поселении Гарни и на его кладбищах зарегистрировано несколько десятков камней, которые были взяты из разрушенной крепости и превращены в надгробные памятники. Это—большие длинные камни из сухой кладки крепости. На них вырезаны кресты, и они поставлены над могилами лиц из среды имущих жителей Гарни. Кресты, высеченные на камнях, довольно архаичны, а вертикально поставленные камни имеют сходство с древними стелами IV—VII вв. Эти надгробные камни являются памятниками как бы переходного типа от стел к хачкарам, и их можно датировать IX веком. Принадлежность этих памятников к IX в. определяется не только их формой и стилем резьбы, но и тем, что один из хачкаров датирован 328 годом армянского летоисчисления, т. е. 879 г. нашей эры. На одном из таких камней, взятых из крепостной стены и превращенных в IX в. в надгробный памятник, и оказалась высеченной греческая надпись царя Тиридата I.

Следует учесть, что камни из крепостной стены могли быть взяты в IX веке лишь в том случае, если стена лежала в развалинах. Но когда могла быть разрушена крепость? Имеются сведения о том, что арабский военачальник Хабиб ибн-Маслама в середине VII в. после взятия им Двина направился в Гарни и отсюда дальше на север[1]. Возможно, что крепость Гарни была разруше-

[1] Беладзори, Книга завоевания стран, извлечение текстов и перевод с арабского проф. П. К. Жузе, Баку, 1927, стр. 11.

на Хабибом ибн-Масламой, но не исключается возможность и того, что она была разрушена в конце VII в. или в начале VIII в. при окончательном завоевании Армении арабами и установлении в стране тяжкого ига арабского халифата. Во всяком случае крепость Гарни не находилась в числе тех крепостей, в которых стояли арабские гарнизоны.

Позднее при армянских Багратидах крепость Гарни была восстановлена и входила во владения армянских царей. Так как нижние ряды древней сухой кладки времен Тиридата I сохранились, то при восстановлении крепости на них и была возведена верхняя часть стены из мелких базальтовых камней с рустовкой. Эти камни уже предназначались для облицовки бута: с обратной стороны они имеют характерную пирамидальную форму, необходимую для скрепления камня с раствором. Точно такую же форму имеют камни анийских стен, с тем только отличием, что в Ани применен не базальт, а туф.

Восстановление крепости Багратидами составляет четвертый строительный этап в жизни Гарни и хронологически относится к рубежу IX—X вв. При этом претерпел изменение и вход в крепость, где архитравное перекрытие было заменено сводчатым.

Какую форму имели восстановленные при Багратидах башни, нам неизвестно, но мы можем судить об этом, исходя из того, что известно об основных этапах в истории крепостного строительства. В Армении четко наблюдаются три основных этапа. Первый—циклопические крепости, которыми изобилует территория Армения. По времени они охватывают весь бронзовый век до начала культуры железа. На периферии Урартского государства строительство циклопических крепостей продолжалось и позднее. В урартский период начинают строить крепости также из необожженного кирпича наподобие ассирийских, но этот способ в Армении не привился, и позднее такие сооружения уже не встречаются. При урартах же строятся крепости и из тесаных каменных глыб твердой породы, иногда с применением железных скоб и свинца для скрепления камней в сухой кладке. Эти крепости имели прямоугольные башни, которые выкладывались сплошной кладкой. Этот начавшийся при урартах этап в истории строительства крепостей продолжается вплоть до III—IV вв. нашей эры. Крепость Гарни относится именно к этому периоду.

В IV—VI вв. в Армении начинают строить крепости с забутованными стенами и облицовкой стены камнем обычно мягкой породы (туф) и прекрасной обтески. Башни крепостных стен в этот третий период, за редким исключением, имеют круглую полую форму. Вероятно такой вид имели и башни Гарни после их восстановления при Багратидах. Остатки этих или более поздних башен круглой формы видел Кер-Портер, и две подобные башни занес он на свой схематический план крепости Гарни.

Наконец, у входа в крепость имеются остатки свода из туфа—

остатки пятого строительного периода, относящегося к началу XIII в., когда северная Армения входила в состав Грузинского царства и составляла владение Захаридов.

Нам неизвестно, что произошло с крепостью в период монгольского владычества и позднее, но мы знаем, что она постепенно теряет свое значение и разрушается не только под ударами врагов, но и под воздействием природных стихий и времени. Разрушенное более не восстанавливалось и, как показали раскопки, в XV—XVII вв. жители крепости строят свои жилища уже на остатках разрушенной крепости, даже на уцелевших остатках древнейшей сухой кладки.

3. Древний культурный слой в крепости и раскопки могильника

(первые века до н. э. и первые века н. э.)

Культура этого периода в крепости представлена крепостной стеной и языческим храмом, а также целым рядом предметов, найденных при раскопках внутри крепости.

В числе архитектурных фрагментов в крепости был обнаружен кусок мрамора неправильной цилиндрической формы с резьбой на лицевой стороне. Длина камня 0,42 м, диаметр—0,19 м. Орнамент на камне индентичен с орнаментом, встречающимся на карнизе храма, с той только разницей, что на мраморе имеются следы отделки орнамента не только резцом, но и сверлом (рис. 24). С лицевой стороны камень также производит впечатление части карниза. Камень

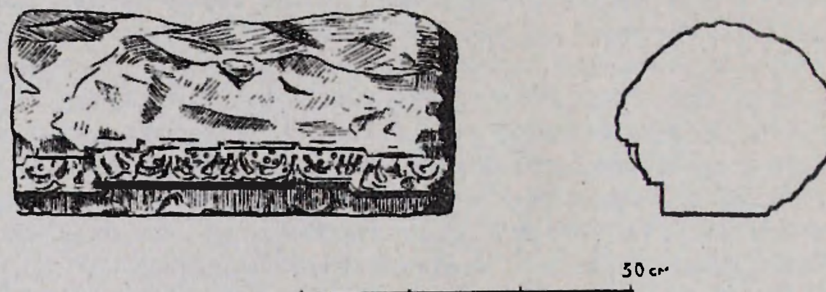

Рис. 24. Обломок мрамора с резным орнаментом (обмер арх. Б. Арзуманяна).

снизу обработан, сверху он разбит, оба конца цилиндра также поломаны—отбиты куски. Над орнаментом вдоль камня имеется выем, верхний выступ которого идет ровной линией, а нижний выступ, образуя посредине ровную линию, по краям значительно поднимается и утолщается, что позволяет рассматривать этот карниз как часть постамента мраморной статуи. Не может быть сомнения в том, что этот мраморный фрагмент с резьбой хронологически должен быть отнесен ко времени языческого храма, т. е. к I в. н. э.

При раскопках попадаются, хотя и редко, небольшие обломки

мрамора со следами обработки. В одном случае имеется кусок мрамора, может быть фрагмент руки статуи.

Из находок, относящихся к первым векам н. э., особого внимания заслуживает нижняя часть женской терракотовой статуэтки, найденной у пятой северной башни внутри крепости (раскопки М. А. Исраелян). Прекрасно передана драпировка одежды. Правая нога слегка изогнута (рис. 25). К сожалению, голова отсутствует, и трудно сказать, кого изображает статуэтка. Но мы думаем, что этот вопрос выяснится в дальнейшем, так как эта первая находка может являться предвестником наличия под земляными пластами Гарни и других подобных статуэток.

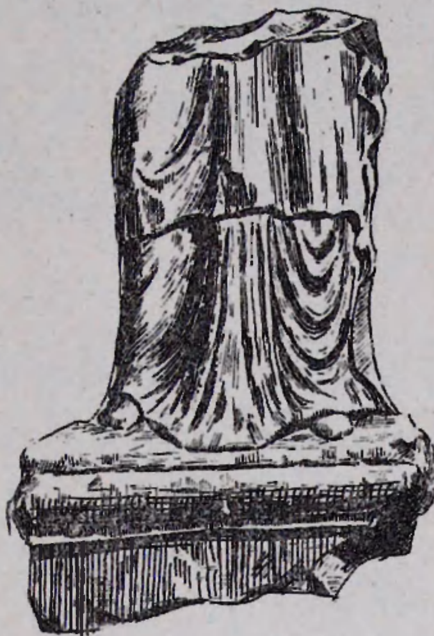

Рис. 25. Фрагмент терракотовой статуэтки.

Терракотовые статуэтки были найдены также в Арташате и Вагаршапате. Очевидно они имели в Армении широкое распространение (рис. 26).

Выше уже упоминалось о находке в верхнем слое строительного щебня железного зубила каменотеса, являющегося первым найденным в Армении орудием каменотеса (рис. 23).

Из оружия первых веков найдены пока два наконечника стрел, один железный, весьма плохой сохранности, другой костяной, двуперый, с длинным хвостом для насадки на древко (рис. 27).

Из керамики первых веков найден целый ряд черепков, большей частью красного или черного цвета, но без лощения. Это—обломки кувшинов, мисок, плоских тарелок с низким бортом, глиняного таза с толстым расширяющимся бортом и другой посуды. Почти полностью сохранилась одна из плоских тарелок с низким бортом и низкой кольцевой ножкой. Она сделана на гончарном круге и окрашена в красный цвет (рис. 28).

В одном случае имеется часть какого-то большого сосуда черного цвета. Сосуд имеет сбоку широкое отверстие с невысоким венчиком, которое, повидимому, служило для вливания в сосуд жидкости. Этот сосуд, очевидно, служил для приготовления масла. Он найден в квадрате $^{17}/з$ (раскопки Е. Мушегян). В том же квадрате $^{17}/з$ вместе с керамикой первых веков обнаружены фрагменты стекла, в том числе ручки от стеклянных сосудов, а также стеклянные бусы и одна большая бусина из пасты.

Любопытно, что в квадрате ^{17}/з слой, относящийся к первым векам, лежит непосредственно над энеолитическим слоем, однако об этом явлении можно будет судить лишь после развернутых раскопок в будущем.

Рис. 26. Головки терракотовых статуэток (Вагаршапат).

В 1950 г. экспедиция приступила к раскопкам могильника первых веков до н. э. и первых веков н. э., расположенного неподалеку от крепости—к северо-западу от нее.

О наличии этого могильника стало известно еще при раскопках 1949 г., когда во время строительных работ колхозниками была открыта могила в виде каменного ящика, сложенного из небольших каменных плит и покрытого более тонкими плитами. Могила была раскопана сотрудником экспедиции А. О. Мнацаканяном, однако в ней кроме костяка ничего обнаружено не было. Колхозники рассказывают, что подобные могилы разбирались ими десятками, и в них попадались глиняные кувшины, стеклянные сосуды, много стеклянных и каменных бус и иные предметы. Еще в 1902 г. на южной окраине селения Гарни, во время строительных работ, крестьяне нашли базальтовый саркофаг, в котором, по рассказам, оказалось много ценных вещей. Саркофаг из туфа более грубой обработки был найден колхозниками и в 1943 году.

Рис. 27. Костяной наконечник стрелы.

В 1950 г. была выделена бригада рабочих, которая под руководством М. С. Асратяна приступила к раскопкам могильника. Ввиду того, что результаты раскопок оказались весьма интересными, для усиления работ по раскопкам могильника в помощь М. С. Асратяну из числа сотрудников экспедиции был выделен аспирант Ин-

ститута истории АН Арм. ССР А. А. Мартиросян. За кампанию 1950 г. М. С. Асратяном и А. А. Мартиросяном было раскопано пятнадцать погребений.

Большая часть раскопанных погребении находилась на расстоянии 300—400 м к северо-западу от крепости. Были обнаружены могилы и на соседних участках. Раскопками выяснено, что к северо-западу от крепости, на западной окраине поселения Гарни, расположен огромный могильник первых веков до н. э. и первых веков н. э. Экспедицией выяснено, что часть этого могильника занимает площадь длиною около 400 м и шириною в 300 м. Имеются основания предполагать, что могильник занимал гораздо большую площадь, но значительная его часть разрыта и разрушена населением Гарни за последние 50 лет, при обработке садов и огородов и застройке домами этой окраины села.

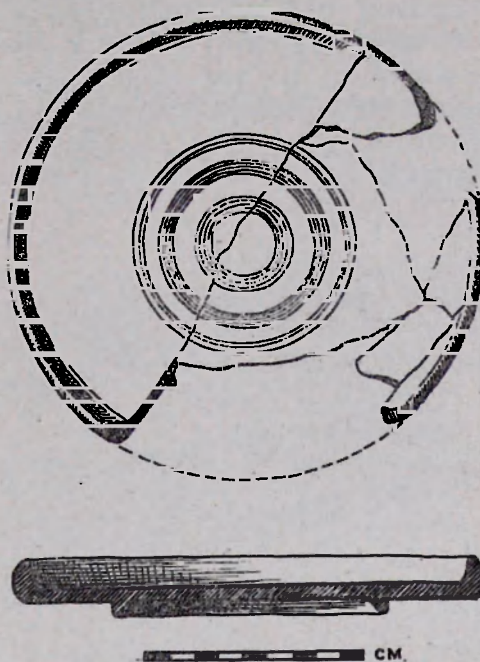

Рис. 28. Глиняная тарелка красного цвета.

Погребение № 1.—Каменный ящик, сложенный из плит. Ориентация могилы с северо-востока на юго-запад. У изголовья и у ног положено по одной плите, по бокам могилы—по паре плит; перекрыта могила двумя более тонкими каменными плитами. Длина могилы 1,36 м, ширина у головы 0,66 м, у ног—0,57, глубина 0,45 м. Костяк лежал на правом боку в скорченном положении, руки подняты к голове (ладонь правой руки положена под правую щеку). В

Рис 29. Глиняный кувшин темного цвета.

Рис. 30. Золотые серьги из погребения № 1.

погребении были найдены следующие предметы: глиняный кувшин шаровидной формы, с низким горлом, черного оттенка (рис. 29), сосуд стеклянный амфоровидный с двумя ручками; осколки шести других стеклянных сосудов: 17 бус из стекла, пасты и камня; камни из перстней (халцедон): две костяные шпильки для поддерживания волос (длиною в 10 см); пара полых золотых серег (диаметр 1,8 см) с четырьмя рядами выпуклого орнамента (рис. 30), гемма из лазурита с изображением животных, каменное пряслице, обломки бронзовой пластинки и т. п. По всем признакам—погребение женское.

Рис. 31. Погребение № 6—каменный ящик до вскрытия.

Погребение № 2.—Точно такой же каменный ящик. В могиле обнаружены глиняный кувшин с одной ручкой и два стеклянные сосудика, так называемые „слезницы". Погребение мужское.

Погребение № 3.—Каменный ящик, бедное женское погребение; кроме костяка ничего не обнаружено. Голова костяка ориентирована прямо на восток.

Погребение № 4.— Каменный ящик, ориентация с северо-запада на юго-восток; кроме костяка ничего не обнаружено.

Погребение № 5.—Каменный ящик, ориентированный приблизительно с севера на юг. В нем найдены глиняный кувшин с одной ручкой и бусы из черного камня. Погребение женское.

Погребение № 6.—Каменный ящик, сложенный из шести плит и перекрытый двумя большими плитами, толщиною в 4—6 см; направление с востока на запад (рис. 31). Длина внутри ящика 1,64 м, ширина у головы 0,56, у ног 0,44; костяк лежит на спине, с вытянутыми руками и ногами (рис. 32). Под головою маленький кувшин черного цвета с одной ручкой, справа от головы—другой кувшин гораздо большего размера, красного цвета, с узким горлом и широким донышком, с одной ручкой, а слева от головы лежали два изящных стеклянных сосуда—один темного цвета с одной ручкой, уш-

ком вверху и утиной лапкой внизу, другой—светлого цвета с двумя ручками, похожими в нижней части на утиные лапки. Этот второй сосудик украшен выпуклым пояском с геометрическим орнаментом в виде ромбиков (рис. 33, третий слева). Рядом лежали сосудик из

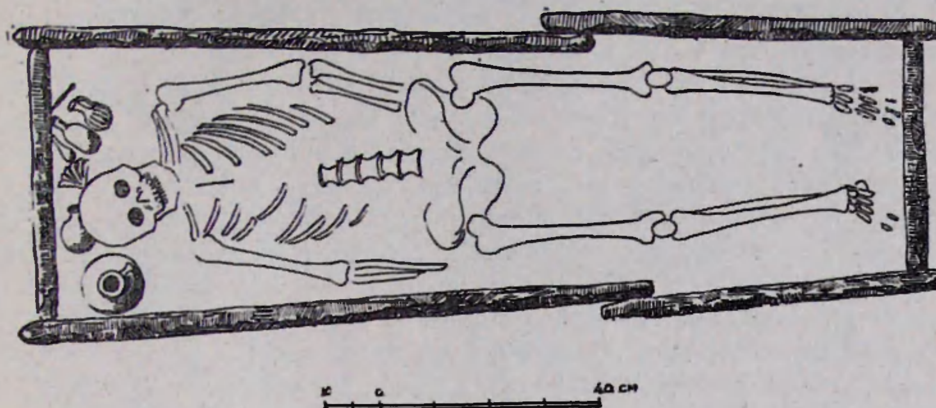

Рис. 32. Погребение № 6 - после вскрытия.

прозрачного тонкого стекла, с разбитым горлышком, флакон голубого цвета и обломки желтого сосудика с выпуклым орнаментом. У головы среди стеклянных сосудов лежали костяная шпилька с кольцевидной головкой (для поддерживания волос) и морская раковина, снаружи обработанная, служившая очевидно украшением. У головы были обнаружены также пара медных серег и несколько бус из стекла, пасты и камня (сердолик). У левого плеча была найдена бронзовая булавка, а у кистей рук пара медных колец плохой сохранности. Рядом с погребением в земле найден стеклянный сосудик и ребристая бусина из египетской пасты. Судя по костяку и инвентарю, погребение женское.

Рис. 33. Стеклянные сосудики.

Рядом с погребением с северной стороны, на высоте плит перекрытия, были обнаружены остатки карасного погребения, однако оно было разрушено и кости были перемещены. Очевидно это погребение

относится к более позднему времени и разрушено недавно крестьянами, так как находилось почти на поверхности земли. С южной же стороны под могилой оказалось другое, более раннее погребение, разрушенное в древности при рытье могилы № 6. Обнаруженные здесь бусы из стекла и сердолика, по мнению А. А. Мартиросяна, перекликаются с бусами, найденными в сел. Головино, которые датируются V—IV веками до нашей эры.

Погребение № 7.—Каменный ящик длиною в 1,10 м и шириною у головы—0,55 м, в ногах—0,35 м. В отличие от других он имеет овальную форму, сложен не из шести плит, как это бывает обычно, а из десяти булыжников и перекрыт четырьмя плитами небольших размеров. Костяк лежал в скорченном положении, но не на правом боку, а на левом, руки подняты к голове. Погребения этого типа были обнаружены на Кармир-блуре, при раскопках городской части, и датируются драхмой Александра Македонского, но гарнийское погребение относится ко времени не ранее 1 в. до н. э. У головы перед лицом найден стеклянный сосудик с одной ручкой и выпуклым орнаментом, изображающим вазу и сосудики. У поясницы костяка находились глиняный кувшин и рядом с ним железная фибула. Обнаружены также бусы, а у ног—железные колечки. Погребение женское (подросток).

Погребение № 8.—Обнаружено на расстоянии 20—25 м от группы вышеописанных погребений. Костяк лежал на спине в скорченном положении, головою на север. Могила представляет каменный ящик, сложенный как обычно из 6 плит; верхних плит перекрытия на месте не оказалось; длина могилы 1,30 м, ширина у головы 0,60 м, у ног 0,40 м. В погребении были найдены глиняное пряслице (рис. 34) и стеклянные бусы чечевичной формы в виде плоских кружков, но размером в 2—4 раза больше чечевицы.

Погребение № 9.—Каменный ящик из 5 плит, длина могилы 1,10 м, ширина у головы и у ног 0,50 м, в средней части—0,60 м, глуб.—0,62 м. Костяк лежал на левом боку в скорченном положении, руки приподняты к голове (рис. 35). В погребении обнаружены глиняный кувшин черного цвета, шаровидный, без ручек, положенный позади головы, морская раковина, лежавшая около кувшина, четыре стеклянных колбовидных флакона (один из них большой с широким туловом и плоским дном), бронзовый полумесяц и обломок бронзовой пластинки, бронзовая булавка, повидимому упавшая с груди к ногам, пара медных серег и бусы из стекла, пасты и черной массы. Погребение женское.

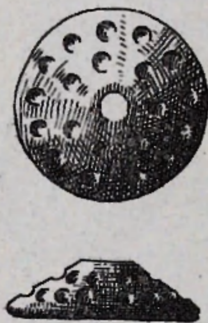

Рис. 34. Пряслица.

Погребение № 10.—Детское захоронение (девочка) в обычном каменном ящике; найдены стеклянные бусы чечевичной формы.

Погребение № 11.—Каменный ящик обычного типа (из шести камней, перекрытый двумя плитами). Костяк лежал на правом боку в скорченном положении. В погребении обнаружены: глиняный кув-

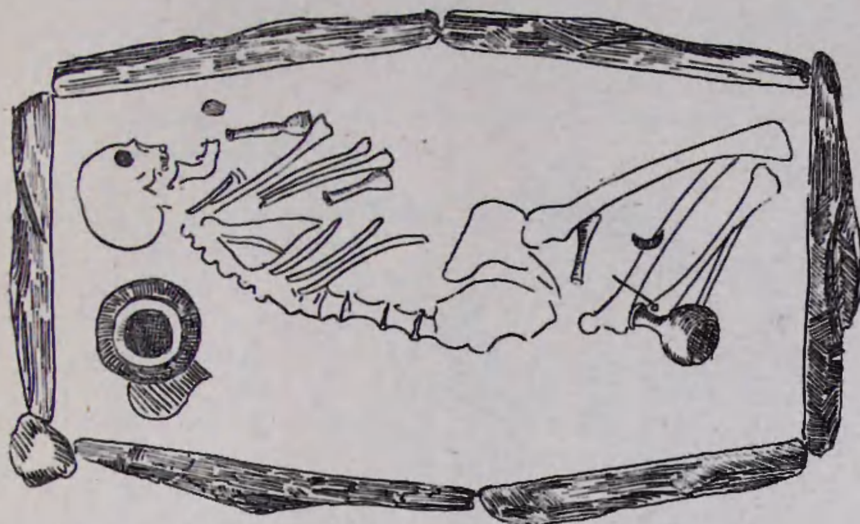

Рис. 35. Погребение № 9 после вскрытия.

шин черного цвета с одной ручкой, глиняный миниатюрный кувшин черного цвета, шаровидный, без ручки, железный плоский перстень с остатком камня, бусы из стекла, пасты и камня, каменное пряслице с круглыми ямочками на верхней плоскости. Погребение женское.

Погребение № 12.—Каменный ящик обычного типа. В погребении обнаружены: бронзовый диск диаметром в 9,5 см (рис. 36), бронзовая булавка от плаща и лошадиный зуб. Погребение мужское, но оружия не найдено.

Погребение № 13.—Открыто на расстоянии 400 м от основной группы погребений, каменный ящик обычного типа из шести плит, перекрытый двумя плитами. Длина могилы 1,30 м, ширина у головы—0,64, у ног—0,45. Костяк лежал на правом боку, в скорченном положении. В погребении обнаружены: глиняный кувшин красноватого цвета с выпуклыми полосками (черепок тонкий, хорошо обработанный),

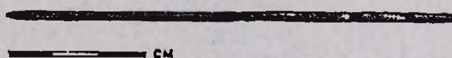

Рис. 36. Бронзовый диск.

узким горлышком и одной ручкой (рис. 37), флакон-„слезница“ (разбит), бусина из пасты цилиндрической формы с широким отверстием и с широкими черными полосами, каменная бусина, напоминающая костяшки на канцелярских счетах, бронзовые ажурные подвески от головного убора (рис. 38), железные колечки-пряжки для обуви, костяная шпилька для поддержания волос, обломки бронзовых изделий, стеклянных и глиняных сосудов.

Погребение № 14.—Открыто на западной окраине Гарни, у края главной дороги, ведущей в Арташат, в 180 м к северу от основной группы погребений. Ориентация могилы с северо-востока на юго-запад. Могила разрушена, на месте оказались только две плиты северной стены. Длина могилы 1,10 м, ширина около 0,65 м. Костяк лежал на правом боку в скорченном виде, лицом на север. Под головой обнаружена костяная шпилька с кольцевидной головкой. В этом погребении были найдены две монеты Августа, одна во рту, другая в левой руке; правая ладонь положена под правую щеку. Были найдены также глиняный кувшин и три стеклянных сосуда.

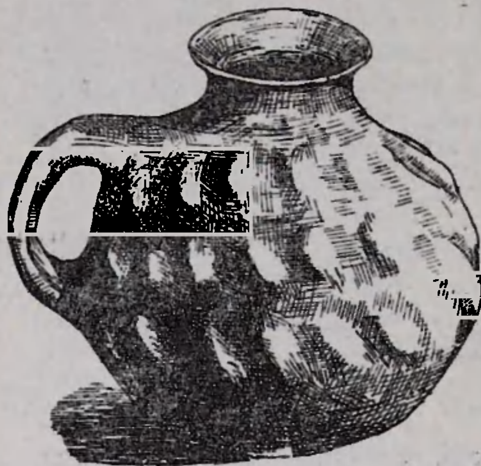

Рис. 37. Глиняный кувшин красного оттенка, с тонким черепком и выпуклыми ребрами.

Погребение № 15.—Обнаружено тут же, в двух метрах к востоку от погребения № 14. Обычный каменный ящик, только сложен-

Рис. 38. Ажурные подвески от головного убора.

ный не из 6, а из 8 плит по две плиты—по четырем сторонам. Длина могилы 1,10 м, ширина 0,67 м. Костяк лежал на левом боку, в скорченном виде. В погребении обнаружены глиняный кувшин больших размеров красного цвета (рис. 39), с узким горлом и расширяющимся венчиком и одной ручкой (находился позади головы), железная стрела (перед головой) и железный нож или маленький кинжал у по-

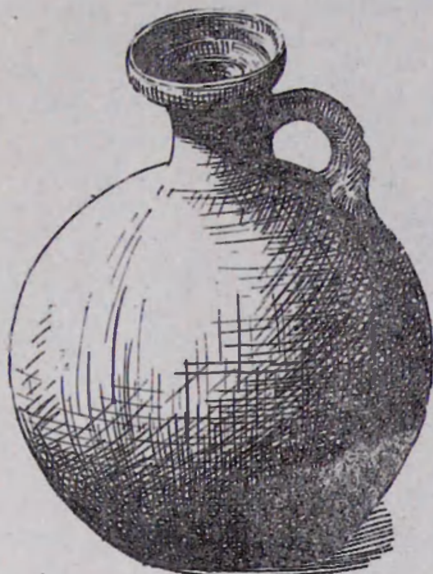

Рис. 39. Глиняный кувшин красного цвета.

Рис. 40. Железный кинжал.

яса, под левым боком (рис. 40). Стрела и нож, найденные в погребении № 15, являются единственными находками оружия в этом могильнике.

Из вышеприведенного описания видно, что типичным для гарнийского могильника является ящичное погребение, сложенное из шести плит и перекрытое двумя плитами. Покойники положены в могилу в скорченном виде, за одним исключением (погребение № 6), и обычно на правом, реже—на левом боку.

Четкой ориентации по странам света нет; погребения большей частью направлены с востока на запад или с северо-востока на юго-запад, но встречаются погребения головою на север и северо-восток (см. схему расположения погребений, рис. 41).

Обнаруженный в погребениях весьма разнообразный материал представляет большой научный интерес. Раскопанные погребения по времени относятся большей частью к I—II векам нашей эры, но

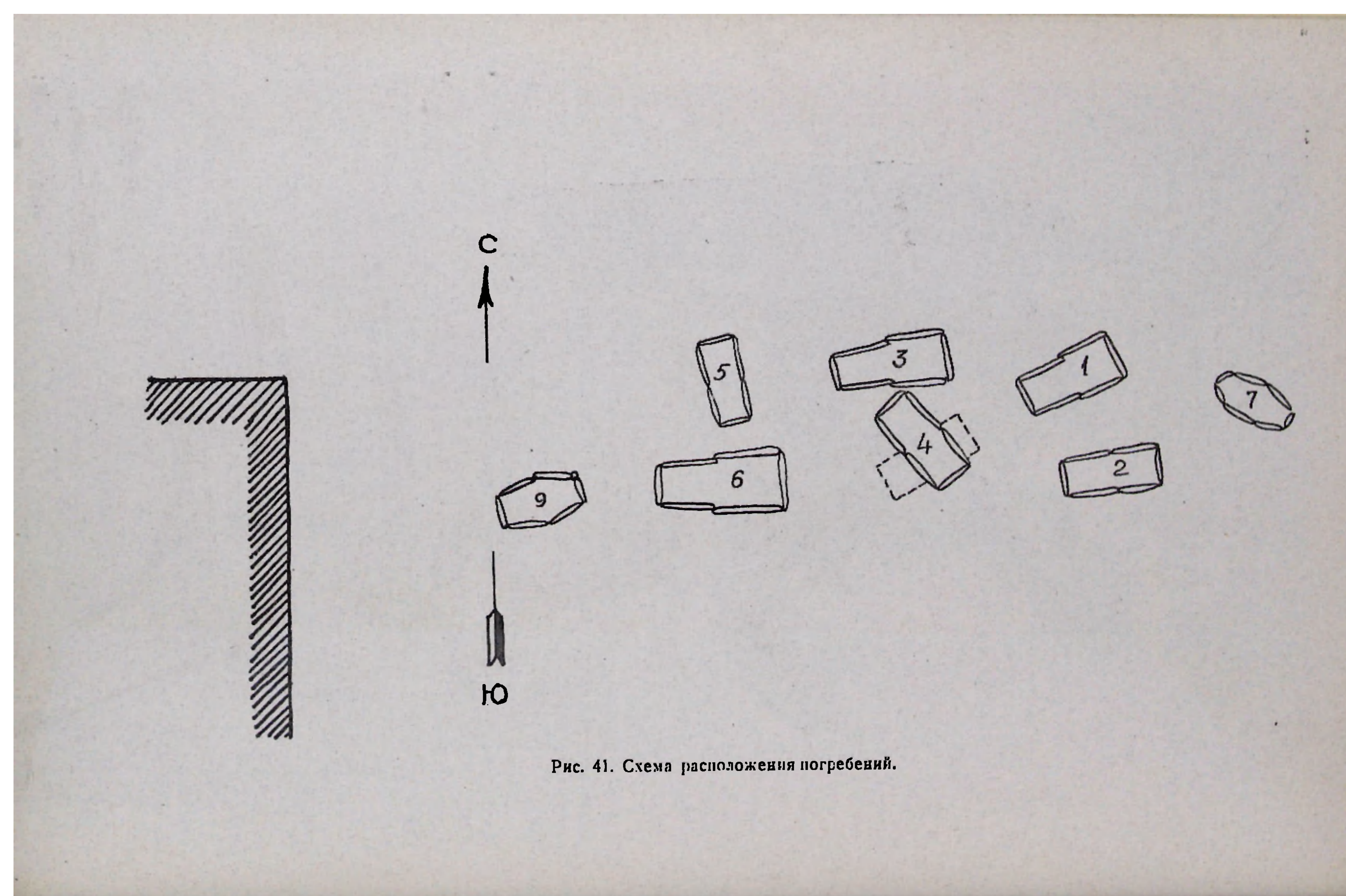

Рис. 41. Схема расположения погребений.

в них встречаются предметы и более раннего периода. В двух случаях утварь погребения (в частности архаического типа бусы) увязывается с инвентарем более ранних погребений и, как нам кажется, датируется IV—III вв. до н. э. В одном из погребений найдена гемма из лазурита, на которой вырезаны фигуры двух животных или зверя, преследующего животное. Близкие по типу геммы из стекла темносинего цвета и с иными изображениями найдены в Грузии при раскопках в Мцхета и датируются 1 в. до н. э.[1] Наш экземпляр интересен тем, что найден в погребении 1 в. н. э., но относится, очевидно, к более раннему периоду, так как оба конца геммы отрезаны и были, видимо, использованы в качестве бус (рис. 42).

Для датировки древнего гарнийского могильника наряду с керамикой, стеклянными сосудами, бусами и прочими материалами большое значение имеют и серебряные монеты императора Августа, найденные одна во рту, другая—в руке костяка (погребение № 14). На этих монетах помещена портретная голова императора Августа и следующая легенда: на лицевой стороне—CAESAR AVGVSTVS DIVA F. PATER PATRIAE, на обороте—C.L. CAESERES AVGVSTI PRINC IVVENT. Монеты Августа с приведенной легендой в Армении были найдены и ранее. В отдельных случаях предметы относятся к более позднему периоду, но не позднее II—III вв. нашей эры. Таким образом, устанавливается, что древний гарнийский могильник существовал, как кладбище, в течение нескольких веков до нашей эры и в первые века нашей эры.

В погребениях, как правило, встречаются глиняные кувшины красного или черного цветов. В каждое погребение обычно клали по одному кувшину, расположенному у головы покойника; реже встречаются и два кувшина, один большой, другой миниатюрный. Следов пищи в них не обнаружено. Характерно, что в могилу ставили кувшины, бывшие уже в употреблении, даже кувшины с отбитыми ручками и краями венчиков. Большинство кувшинов—шаровидные с низким венчиком, но встречаются и кувшины со сравнительно высоким узким горлышком, в одном случае с расширяющимся венчиком. Несколько кувшинов имеют вид большой кружки (рис. 43). Характерно, что, в противоположность более ранним погребениям, в погребениях гарнийского могильника, кроме одного-двух кувшинов, другой глиняной посуды не встречается. Это объясняется большими изменениями в погребальном обряде. В античную эпоху в Армении применяют новый погребальный обряд: взамен обильной пищи в могилу покойника теперь ставят кувшин, как пережиток более древнего обряда, а также украшения покойника и часть его оружия. Наряду с этим возникает новый обычай: оплакивание покойника не

Рис. 42. Гемма из лазурита.

[1] М. И. Максимова, Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (раскопки 1938—1939 гг.), Вестник Государственного музея Грузии, 1950, т. XVI, стр. 263.

только его родственниками, но и специальными, наемными плакальщицами (*ողբական կանայք*), о чем свидетельствуют древнеармянские литературные источники и против чего впоследствии вела борьбу церковь. С развитием торговли и денежного обращения в могилу клались также монеты.

Найденные в гарнийском могильнике стеклянные изделия разнообразны и по форме, и по обработке. Многие из них разбиты, раздавлены, но большая часть уцелела. Встречаются сосудики амфоровидные, с двумя ручками или с одной ручкой, колбы с плоским дном или с тремя ножками (рис. 44). Стекло—светлое, почти прозрачное, зеленоватое и желтое, флаконы большей частью колбовидные, с гладкой поверхностью; стенки довольно тонкие, но встречаются и весьма массивные сосуды. Сосудики с ручками изящно отделаны вертикальными или горизонтальными выпуклыми линиями или геометрическими узорами; ручки их имеют вид утиных лапок. Очевидно, колбовидные сосуды изготовлены выдуванием, в то время, как изящные флаконы изготовлены в специальных формах (рис. 45, средний сосуд).

Рис. 43. Глиняный кувшин в виде кружки.

Рис. 44. Стеклянные сосуды.

Из оружия в погребениях найден только один кинжал, который, повидимому, висел на левом боку, и одна стрела. Причина незначительного количества находок оружия объясняется тем, что из 15 погребений только два являются мужскими, кроме того, в могилу покойника клали в то время, повидимому, только часть его оружия.

Предметы и украшения, найденные в погребениях, позволяют судить о быте, а также о типе одежды гарнийского населения. Жители Гарни первых веков носили обувь, которая привязывалась к ногам с помощью шнура; от нее уцелели металлические пряжки,

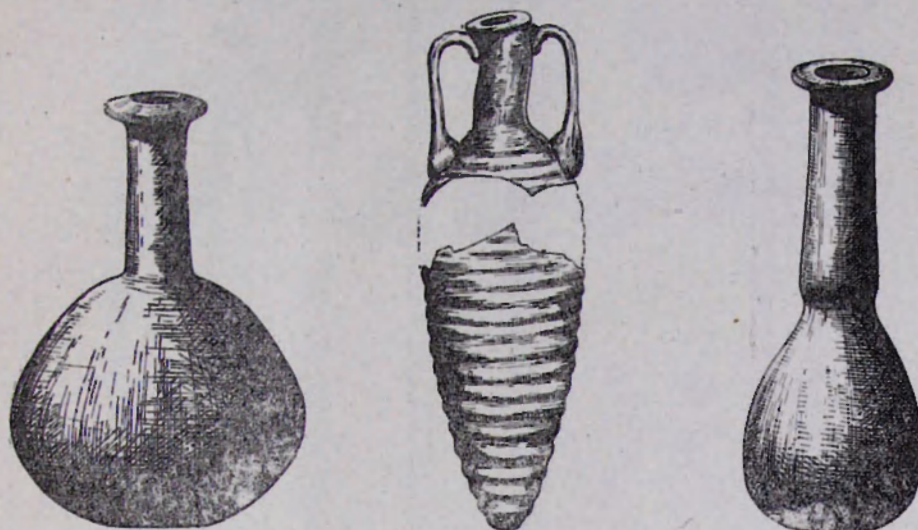

Рис. 45. Стеклянные сосуды.

найденные у ног покойников. Поверх одежды был накинут плащ, о чем свидетельствуют найденные у левого плеча покойников бронзовые булавки, которыми скреплялись полы плаща (рис. 46). Прическа женщин была высокая и поддерживалась специальными костяными шпильками длиною в 10—12 см (рис. 47). Найдены также женские украшения из морских раковин (рис. 48) и множество бус, изготовленных из стекла, камней и пасты (рис. 49).

Наряду с этим встречаются подвески (медные и бронзовые, ажурные и в виде колокольчиков), которые в несколько видоизмененном виде повторяют основные формы украшений, встречающиеся в эпоху бронзы и раннего железа.

О сохранении столь древних традиций говорят также бронзовые и железные диски и лунницы, которые клались в могилу на грудь покойника. Можно было бы предположить, что эти диски из высококачественной бронзы, с прекрасной полировкой служили зеркалами, но в таком случае остается непонятным, почему их полированная поверхность покрыта тонким слоем меди. Повидимому, они были связаны с культом небесных светил, тем более, что среди этих находок встречается и полумесяц.

Погребальный инвентарь воссоздает образ женщины, одетой и причесанной по античному образцу. Она носила плащ поверх платья, вероятно такой же, какой мы видим на терракотовой статуэтке, найденной здесь же, в Гарни, и имела обычную для этого времени высокую прическу, какую мы наблюдаем и на монете Тиграна IV

с изображением царицы Эрато (рис. 50). Было бы ошибочным полагать, что восстановленные с помощью археологического мате-

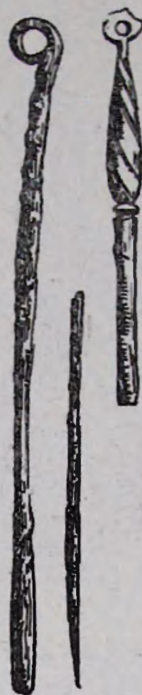

Рис. 46. Бронзовые булавки.

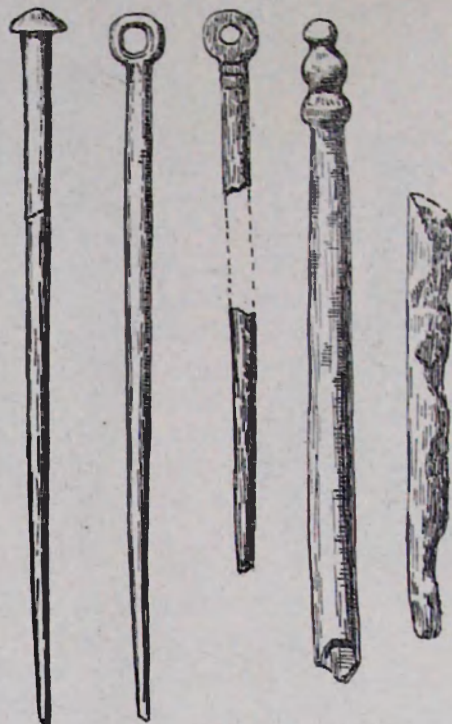

Рис. 47. Костяные шпильки для волос.

риала покрой одежды и прическа женщин относятся ко всем армянским женщинам первых веков н. э.—так одевались и причесывались только знатные женщины и часть горожанок.

Раскопанные в Гарни погребения не отличаются богатством: серьги и перстни (рис. 51), булавки от плащей, как правило, медные или бронзовые и только в одном погребении найдена пара золотых серег. Следовательно, мы имеем дело с рядовыми погребениями, но не с крестьянскими. Повидимому, в поселении, находившемся у стен царской крепости, жило население городского типа. Археологический материал из могильника отражает, таким образом, быт городского населения древней Армении.

Рис. 43. Морская раковина—головное украшение.

Изучение гарнийского археологического материала чрезвычайно важно и потому, что оно выявляет некоторые данные, позволяющие составить представление об уровне ремесленного производства, а также о торговых связях древней Армении.

Наряду с давно известными и высоко развитыми ремеслами—об-

работкой металла, гончарным производством, глиптикой, изготовлением изделий из кости и т. п.—в Армении в античную эпоху возни-

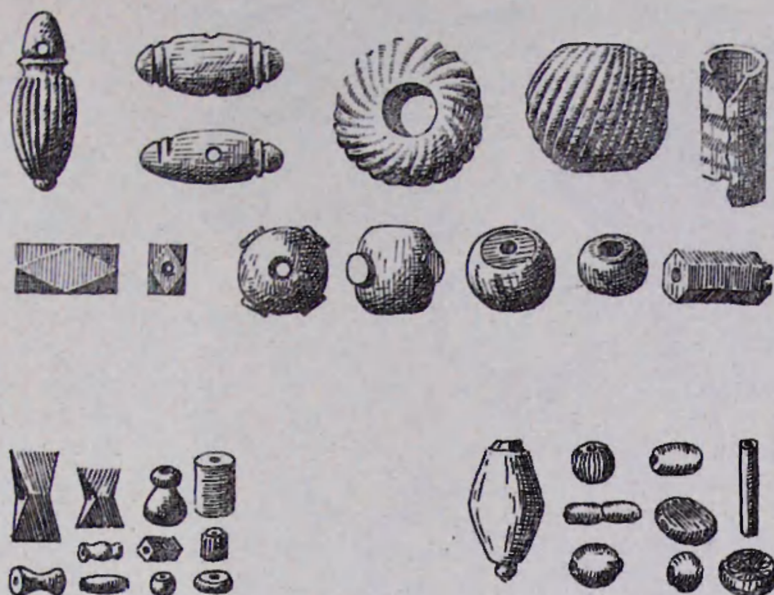

Рис. 49. Образцы бус из погребений древнего могильника.

кает и развивается производство стеклянных изделий, а также искусство изготовления терракотовых статуэток. Во время раскопок найдены и каменные пряслица, свидетельствующие о наличии в Гарни ткачества.

Среди материалов, обнаруженных в погребениях, есть предметы как местного производства, так и привозные. К числу завезенных извне предметов относятся бусы из египетской пасты, некоторые стеклянные сосуды и морские раковины (вероятно из стран восточного побережья Средиземного моря). Часть бус из полудрагоценных камней была, возможно, привезена из Ирана и Индии.

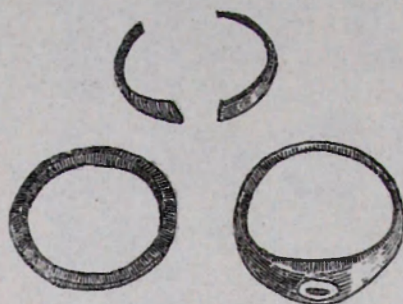
Рис 50. Монета армянского царя Тиграна IV и царицы Эрато.

В денежном обращении внутри страны в I в. до нашей эры основное место занимали монеты чеканки армянских царей[1], наряду с которыми имели хождение также селевкидские, парфянские и римские монеты. После упразднения династии Арташесидов в Армении, в I г. н. эры, в обращении преобладали римские и парфянские монеты.

[1] В Государственном Эрмитаже хранится серебряная монета Тиграна II, найденная или приобретенная в Гарни Н. Я. Марром при раскопках языческого храма в 1909—1911 гг.

Дальнейшие раскопки в Гарни несомненно обогатят наши знания о материальной культуре Армении в античную эпоху, равно как и о торговых связях Армении с другими странами.

Гарнийский археологический материал первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры близко напоминает материалы эллинистических и римских стран, сходен также и погребальный культ. Это обстоятельство и явилось причиной того, что обнаруженный при раскопках древнего Вагаршапата археологический материал, почти идентичный с гарнийским, был признан „римским" (рис. 52). При этом исходили из того факта, что в древнем Вагаршапате стоял римский гарнизон. Подобный взгляд несостоятелен не только потому, что он слишком поверхностен, но и потому, что при этом игнорируется целый ряд фактов, прежде всего, факт наличия высокого уровня общественного и культурного развития древней Армении, факт существования целого ряда армянских городов с развитым ремесленным производством, торговлей и обширными связями с внешним миром.

Рис. 51. Бронзовые и медные перстни.

Отдельными учеными игнорируется также наличие эллинистической культуры в среде армянской рабовладельческой знати и городского населения, хотя об этом свидетельствуют не только единичные факты из области литературы, театра и культа, но и памятники искусства и материальной культуры.

Наконец, признавая культуру древнего Вагаршапата „римской" и отказываясь от изучения этой культуры, неизбежно придется игнорировать данные, представленные самим археологическим материалом. Дело в том, что подавляющее большинство предметов, обнаруженных при раскопках как древнего Вагаршапата, так и гарнийского могильника несомненно является предметами местного производства; таковы все гончарные, металлические и костяные изделия, подавляющее большинство бус и стеклянных сосудов.

Мы считаем невозможным предположить, что в быту проживавших в течение короткого времени на территории Армении римских воинов могла укорениться в таких масштабах местная культура. Любопытен и тот факт, что из числа раскопанных в Гарни пятнадцати погребений 12 являются женскими. Правда, и в Гарни стоял римский гарнизон, но могли ли погребения „римлянок" превышать в четыре раза погребения „римских воинов", да еще с утварью, главным образом местного производства? Не может быть никакого сомнения в том, что в гарнийском могильнике погребены представители

Рис. 52. Стеклянные флаконы (Вагаршапат).

местного армянского населения, что можно будет доказать и антропологическим изучением черепов погребенных, к сожалению, плохо сохранившихся.

4. Архитектурные детали

При раскопках как в крепости, так и в самом селении Гарни в кладке стен жилищ и на кладбищах обнаружено большое количество архитектурных деталей. Это—базы колонн и полуколонн, фрагменты пилястров, наличники от дверей и окон, камни от карнизов зданий и прочие детали.

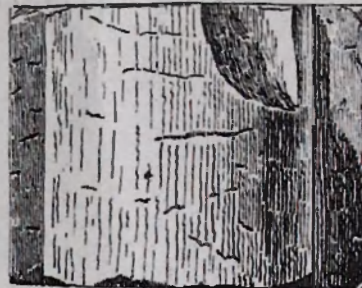
Как строительный материал, состоящий большей частью из базальта, отчасти и песчаника, так и архаичные формы этих деталей дают основание предполагать, что в крепости, а также в поселении

Гарни в древности существовали крупные монументальные сооружения светского и культового назначения.

Для средневековой армянской монументальной архитектуры вообще характерно, что основным, почти единственным строительным материалом был туф и что редко использовались базальт и другие породы камня. Между тем среди многочисленных находимых в Гарни архитектурных деталей туф составлят исключение и явно относится к X—XIII векам.

Имеется много баз от отдельно стоящих колонн. Они разнообразны как по размерам, так и по формам, в частности по профилировке. Дальнейшее их изучение специалистом-архитектором, несомненно, выяснит много интересного.

Особый интерес представляют фрагменты и базы от пилястров Их можно разделить на два основных типа: фрагменты, на которых полуколонна выступает полукругом (рис. 53), и фрагменты, на которых полуколонна выступает прямоугольником, с плоской лицевой стороной (рис. 54). Оба эти типа представлены обломками от различных сооружений. О наличии в древнем Гарни различных монументальных сооружений говорят и детали, изготовленные из разных пород камня. Так, например, имеются архитектурные детали с полуколоннами, которые отличаются архаичностью своих форм: вал выведен посредине большой плиты, а по обеим сторонам его камень продолжается, образуя как бы широкие крылья.

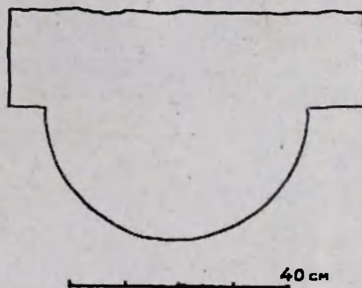
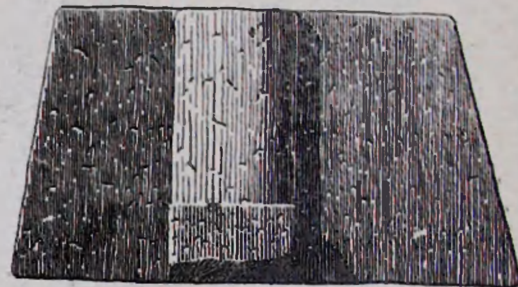

Рис. 53. Фрагмент полуколонны с округлым валом (базальт).

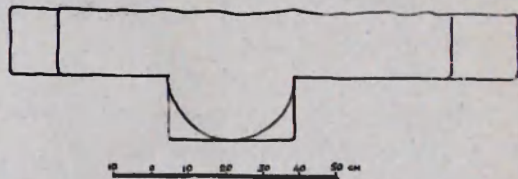

Рис. 54. Фрагмент полуколонны с прямоугольным валом (базальт).

Архитектор Б. Арзуманян обратил внимание на то, что на лицевой стороне одного камня с полуколонной сохранились остатки штукатурки, а нами, кроме того, были замечены следы краски на

штукатурке. Значит этими плитами с полуколоннами были облицованы помещения внутри здания и именно облицованы, потому что камни эти довольно больших размеров, но недостаточной толщины, чтобы быть положенными в кладку без скрепления их раствором, тем более, что следов металлических скрепов на них не замечено.

Плиты с полуколоннами дают представление о древних монументальных сооружениях Гарни: это были здания с обширными залами, перекрытия которых покоились на пилястрах; стены этих зал были оштукатурены, а, возможно, и украшены стенной росписью.

Те монументальные сооружения, может быть дворцовые, из которых происходят рассмотренные выше детали, судя по их архаичным формам и по приемам строительной техники, могли быть построены не ранее III века н. э. и не позднее времени упразднения армянского царства в 428 г. Значительная часть деталей относится, видимо, к средневековым сооружениям, которыми были застроены не только крепость, но в еще большей мере—городок Гарни (рис. 55 и 56).

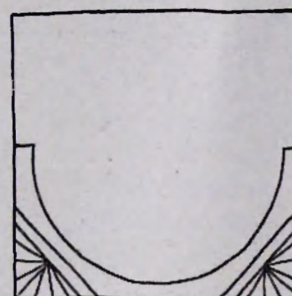

Рис. 55. База полуколонны (базальт).

Наши суждения носят предварительный характер. Решающее слово скажут раскопки предстоящих лет и результаты изучения вскрытых ими материалов.

5. Замечания о греческой надписи, найденной в Гарни в 1945 г.

Гарнийская надпись не является первой греческой надписью, найденной на территории Армении. В настоящее время их насчитывается около полутóра десятка[1].

Гарнийская надпись сразу же после ее находки летом 1945 г. была издана профессором С. Д. Лисицианом.

[1] Член-корреспондент АН СССР К. В. Тревер изучила около двух десятков греческих, латинских и арамейских надписей, найденных в пределах Армянского нагорья, и подготовила к печати специальное исследование вместе с текстами надписей.

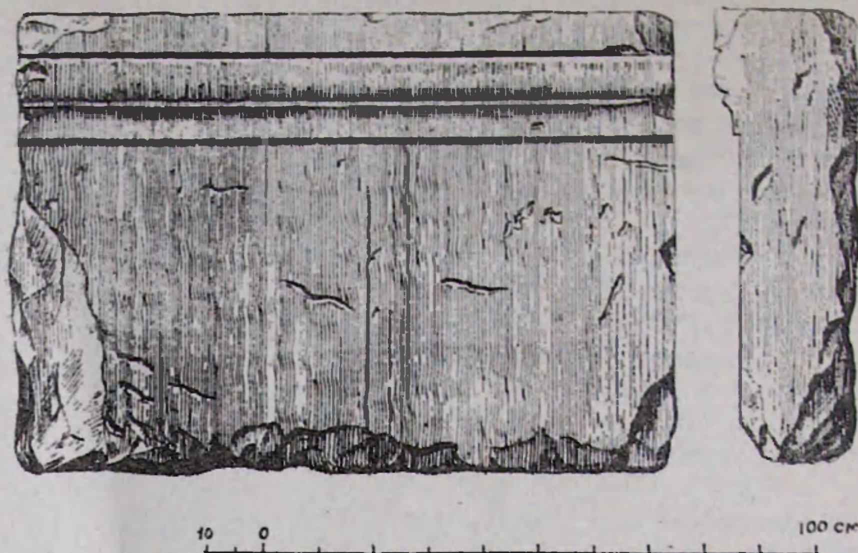

Рис. 56. Плита из средневекового сооружения (базальт).

Ниже приводятся существующие пять изданий надписи—восстановленный текст и перевод.

Текст надписи по чтению С. Д. Лисициана:

Ἥλιος Τιριδάτης.......
Μεγάλης Ἀρμενίας ανα[ξι]=
ῶς δεσπότης αἰ[=ἕ]κτισε ναό[ν]
βασιλίσ[σ]α ἀνίκητον κάσ[ιγν]=
ήτου ἐξὰν τῆς βασιλείας
μεγ[αλ]εας ὑπὸ θεοῦσι ἀστεῖαν
λιτουργὸς τῳ μεγάλῳ σπ[ηι]
μετὰ ματήμο(?) καὶ εὐχάριστος
τοῦ μαρτυρίου.

„Солнце Тиридатес недостойный деспот Великой Армении, выстроил крепкий дом для царицы от родного брата, выше большого царского дворца, под сенью богов для светских развлечений. Обращающийся с молениями к большой пещере... и радостный". По мнению С. Д. Лисициана, к словам „большой пещере" позднее другой рукой приписано „и к святыне" *(Նաև վկայարանին)*[1].

Надпись дефектна, и это издание ее, появившееся вскоре после находки, без необходимого времени для детального изучения, не могло быть удовлетворительным.

[1] Газета „Советакан Айастан", 23 сентября 1945 г., № 201, и газета „Коммунист", 30 сентября 1945 г., № 207.

Академик Я. А. Манандян, изучивший надпись, посвятил ей специальный доклад, прочитанный им 22 апреля 1946 г. на пленарном заседании юбилейной научной сессии Ереванского государственного университета имени В. М. Молотова. Этот доклад был издан отдельной книжкой[1]. Я. А. Манандян дает следующее чтение надписи[2].

1. Ἥλιος [Τιριδάτης βασιλεὺς]
2. Μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά[σσων]
3. ὡς δεσπότης α[ὐ] [ἔ]κτισε να[όν]
4. βασιλίσ[σ]α τὸν ἀνίκητον κασ[ει]
5. α[ὐ]τοῦ ἐ[ξ] ἄντης τῆς βασιλεί[ας]
6. με[γαλ]ε[ί]ας. Ὑπὸ ἐ[ξ]ουσία στε[γ]άν[ου]
7. λίτουργος τῷ μεγάλῳ σ[έμνῳ](?)
8. μέ[λε]α ματή[τ]ω καὶ ευχ[αριστίαν]
9. τοῦ μαρτυρίου.

Перевод:

„Элий Тиридат, царь Великой Армении, властвуя в качестве верховного владыки, вновь построил храм, неприступный, для царевны, своей сестры, по просьбе великой царицы. Под покровом строения пусть священнослужитель слагает песнопение святому и благодарение за благовествование“[3].

Третье издание надписи принадлежит проф. А. Г. Абрамяну, который предлагает следующее чтение:

Ἥλιος Τιριδάτης [ὁ μεγας]
μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά[κτος]
ὡς δεσπότης. Αἴκτισε ναί[διον]
βασιλίσ[σ]α τὸν ανίκητον κασ[ιν ενι]—
αιτους. Αι. τῆς βασιλεί[ας αὐτου]
με[γαλείας]. Ὑπὸ ἐξουσία στεγάν[ου]
λίτουργος τῷ μεγαλῳ σπ[ηι εὔχεσθε]
μετα ματήμι καὶ ευκαρ[ιστίαν εὐχὴν]
τοῦ μαρτυρίου.

„Солнцем озаренный Тиридат Великий, царь Великой Армении в качестве деспота, построил храм (в память) царевне непобедимый брат в год одиннадцатый своего величественного царствования. Молящийся под сенью дома прохлады к большой пещере пусть молитву приносит. Вместе с тем возносит молитву благословения (в память) мученика“[4]. Расшифровку надписи А. Абрамяном, к сожалению, также нельзя признать удовлетворительным.

Греческая надпись Гарни изучена и издана также членом-корреспондентом Академии наук СССР К. В. Тревер. По ее мнению,

---

[1] Акад. Я. А. Манандян, Греческая надпись Гарни и время постройки гарнийского языческого храма, Ереван, 1946.

[2] Там же, стр. 39.

[3] Там же, стр. 40.

[4] Проф. А. Абрамян, Греческая надпись Гарни, см. журнал «Էջմիածին», 1947, март—апрель.

надпись высечена в одиннадцатом году царствования Тиридата I и в ней говорится о восстановлении крепости (рис. 57).

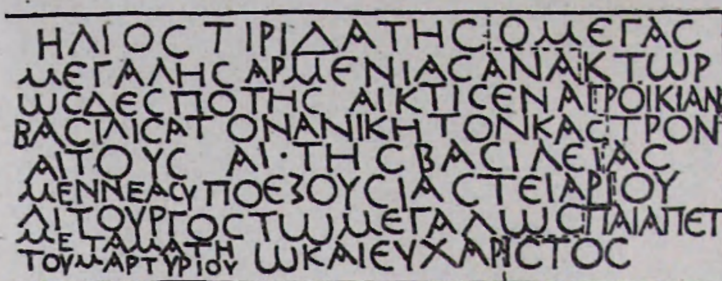

Рис. 57. Греческая надпись в чтении К. В. Тревер.

К. В. Тревер предлагает следующий перевод:

„Гелиос! Тиридат Великий, Великой Армении государь. Когда властитель построил усадьбу царице (и) эту неприступную крепость в год одиннадцатый своего царствования, Менней, с соизволения Тэра, (как) литург великого спайапета и (в знак) благодарности, при Матее свидетеле (выкупил)“[1].

Вследствие дефектности надписи возможны разночтения. Мы ограничимся только некоторыми замечаниями. Важное значение имеет определение того места, где находился первоначально камень. Нет сомнения в том, что камень с надписью происходит из крепостной стены, а не из языческого храма. Он отличается от камней храма и по форме, и по обработке, и совершенно идентичен с камнями крепостной стены. Можно более или менее точно установить место этого камня. Он был помещен в стене снаружи, около входа, между входом и левой (I восточной) башней, причем своим левым концом камень входил в башню. Камень этот был вынут из стены еще в VIII—IX вв. и был использован в качестве надгробного памятника, при этом на нем был высечен крест (рис. 59). Из факта нахождения надписи на крепостной стене можно сделать три вывода:

а) надпись вряд ли относится к построению храма, ибо в таком случае ее установили бы на храме или возле него (на стеле?), а не на крепостной стене;

б) надпись очевидно относится к построению крепостной стены, на которой на самом видном месте при входе в крепость она и находилась;

в) надпись может относиться к храму в том случае, если она одновременно относится и к крепостной стене.

Мы склонны к последнему выводу, который подтверждается более вероятным, на наш взгляд, объяснением надписи.

В чтении первой строки надписи (см. рис. 58) разногласий нет,

[1] К. В. Тревер, Надпись о построении армянской крепости Гарни, Ленинград, 1949, стр. 20.

так как акад. Я. А. Манандян в своем новом докладе[1], напечатанном в „Известиях“ Академии наук Армянской ССР, соглашается с

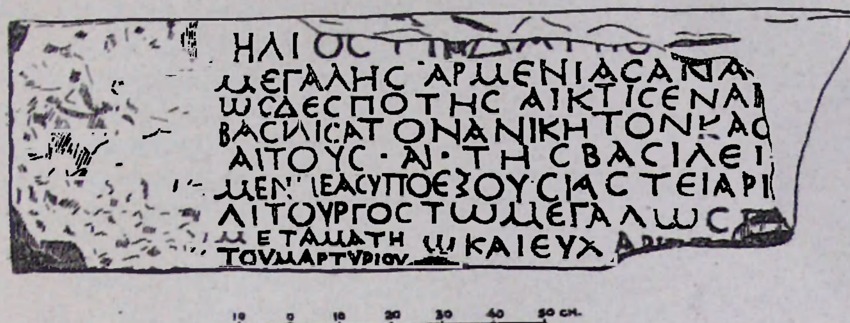

Рис. 58. Греческая надпись по обмеру архитектора Б. Арзуманяна.

А. Г. Абрамяном и К. В. Тревер, что последнее слово этой строки надо восстановить как часть титула Тиридата Ὁ ΜΕΓΑΣ.

Во второй строке спорным остается последнее слово, от которого сохранились три буквы ΑΝΑ. Это слово восстанавливается С. Д. Лисицианом как ΑΝΑ[ΞΙ], недостойный, Я. А. Манандяном—ΑΝΑ[CCΩΝ] властвуя, А. Абрамяном — ΑΝΑ[ΚΤΟC], царь, К. В. Тревер — ΑΝΑ[ΚΤΩΡ], государь. Чтение С. Д. Лисициана неприемлемо, остальные по смыслу близки друг к другу, а контексту более соответствует предложенное Я. А. Манандяном ΑΝΑ[CCΩΝ] „властвуя“, так как дальше идут слова „как деспот“.

В третьей строке второе слово Я. А. Манандян сначала читал Α[Υ] [Ε]ΚΤΙCΕ, но теперь чтение ΑΙΚΤΙCΕ он считает несомненным. К. В. Тревер к этому слову прибавляет Ν. Этой буквой вероятно начинается следующее слово, от которого сохранились три буквы ΝΑΙ..., причем последняя палочка может быть отнесена к буквам Ι, Γ и Π. С. Д. Лисициан и Я. А. Манандян восстанавливали это слово как ΝΑΟΝ—„храм“, А. Абрамян читает это слово ΝΑΙ[ΔΙΟΝ], храмик, а К. В. Тревер, присоединяя Ν к предыдущему слову, последнее слово третьей строки читает ΑΓ[ΡΟΙΚΙΑΝ] или его армянский синоним „агарак“—усадьба. Чтение ΝΑΟΝ отпадает, так как и Я. А. Манандян признает, что после Α ясно видна палочка, а не дужка от Ο, как это правильно заметили А. Абрамян и К. В. Тревер. Отпадает также чтение ΑΓΡΟΙΚΙΑΝ, так как оно выходит далеко за линию надписи, даже за пределы камня, правый конец которого немного отломан. В своей новой статье акад. Я. А. Манандян читает это спорное слово как ΝΑΙCΚΟΝ и переводит часовня, капелла[2].

[1] Новый доклад акад. Я. А. Манандяна прочитан 30 октября 1950 г. на заседании объединенной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Отделения общественных наук АН Арм. ССР в Ереване (см. Известия Академии наук Арм. ССР, общественные науки, № 4, 1951).

[2] Акад. Я. А. Манандян, Новые заметки о греческой надписи и языческом храме Гарни, Известия АН Арм. ССР, 1951, № 4, стр. 15.

В четвертой строке первые два слова читаются бесспорно (BACIΛIC[C]A TON ANIKHTON). В этой строке спорно последнее слово, от которого сохранились три буквы КАС. Я. А. Манандян читает это слово КАС[EI] — сестре, А. Абрамян читает КАС[IN] — брат, К. В. Тревер КАС[TPON], т. е. „крепость". По чтению Я. А. Манандяна непобедимой названа часовня. Сознавая неуместность такого эпитета для часовни, он объясняет это тем, что часовня находилась в неприступной крепости.

Рис. 59. Верхняя сторона камня с греческой надписью, с изображением креста; видны гнезда от железных скоб.

Нам кажется, что всякий, кто после раскопок 1949—1950 гг. побывал в Гарни и видел построенную Тиридатом I мощную крепостную стену, ее изумительную строительную технику, не может не согласиться с тем, что в надписи речь идет о построении (восстановлении) крепости, которую действительно следовало назвать ANIKHTON — неприступной. Мы считаем правильным чтение К. В. Тревер. Но нельзя признать удовлетворительным ни одно из чтений последнего слова третьей строки.

Пятая строка весьма четко и бесспорно читается как на камне, так и на хорошей фотографии и на зарисовках архитекторов Б. Арзуманяна и М. Арутюняна, начертавших надпись при тщательном обмере камня. Эта строка правильно прочитана А. Абрамяном и К. В. Тревер AITOYC. AI. THC BACIΛEI[AC] (в год одиннадцатый своего царствования). Только напрасно А. Абрамян добавляет в конце строки слово AYTOY. Очевидно, это слово ему нужно было для связи с первым словом шестой строки. Однако в этом нет никакой надобности, так как оно подразумевается само собой.

Я. А. Манандян и в первый и во второй раз совершенно неверно читает пятую строку и не видит тут никакой даты. Пятую строку он первый раз читал A[Y]TOY E[Ξ] ANTHC THC BACIΛEI[AC] и в следующей строке ME[ΓAΛ]E[I]AC и переводил „по просьбе великой

царицы", слово A[Y]TOY было отнесено к предыдущей строке. Второй раз им внесены коррективы и ту же фразу он читает: AITOY(?) E[Ξ]ANTHC BACIΛEI[AC] ME[ΓAΛ]E[I]AC. Первое слово, хотя оно приводится в странной, невстречающейся форме, он переводит „своей", связывает с последним словом четвертой строки и читает: „сестре своей", а остальные слова пятой строки переводит „вне великого царскаго домена". Как уже было сказано, чтение пятой строки, предложенное А. Абрамяном и К. В. Тревер, не вызывает никакого сомнения, и попытки акад. Я. А. Манандяна дать иное ее чтение нам представляются не убедительными.

Первая часть надписи во второй раз читается и переводится Я. А. Манандяном следующим образом:

1. Ἥλιος Τιρι[δάτης ὁ μέγας]
2. Μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά[σσων]
3. ὡς δεσπότης αἴκτισε ναί[σκον]
4. βασιλίσ[σ]α τὸν ἀνίκητον κάσ[ει]
5. αἴτου(?), ἐ[ξ] ἄντης βασιλεί[ας]
6. με[γαλ]ε[ί]ας.

„Тиран Тиридат Великий Великой Армении, властвуя в качестве верховного владыки, воздвиг часовню царевне, непобедимую, сестре своей, вне великого царского домена"[1].

Но с этим трудно согласиться. Первая часть надписи читается и удовлетворительно расшифровывается, за исключением последнего слова третьей строки, и гласит:

1. Ἥλιος Τιρι[δάτης ὁ μέγας]
2. Μεγάλης Ἀρμενίας ἀνά[σσων]
3. ὡς δεσπότης αἴκτισε ναι[...]
4. βασιλίσ[σ]α τὸν ἀνίκητον κάσ[τρον]
5. ἄιτους .Αι. τῆς βασιλεί[ας].

1. Гелиос![2] Тиридат Великий
2. Великой Армении, властвующий
3. в качестве верховного владыки, воздвиг храм(?)
4. царице (и) эту неприступную крепость
5. в год одиннадцатый своего царствования.

Вторая часть надписи занимает последние четыре строки (6—9) и пока еще не совсем поддается расшифровке.

Первое слово шестой строки правильно читает К. В. Тревер, видя в нем имя MENNEAC, а не ME[ΓAΛ]E[I]AC, как это делают

[1] Акад. Я. А. Манандян, Новые заметки о греческой надписи..., Известия АН Арм. ССР, 1951, № 4, стр. 18.

[2] Мы считаем убедительным предположение К. В. Тревер, высказанное на том же заседании объединенной сессии Отделения истории и философии АН СССР и Отделения общественных наук АН Арм. ССР от 30 октября 1950 г. в Ереване, о том, что гарнийский храм был посвящен Митре и что слово Гелиос было обращением к нему.

Я. А. Манандян и А. Абрамян. Второе слово Я. А. Манандян и А. Абрамян читают ΥΠΟ Ε[Ξ]ΟΥCΙΑ, а К. В. Тревер ΥΠΟ Ε[Ξ]ΟΥCΙΑC-третье слово Манандян и Абрамян читают СТЕ[Γ]ΑΝ[ΟΥ], но оно ясно читается СТЕIАРI, а если С относится к предыдущему слову, то последнее слово шестой строки будет ТЕАРI (...), как это читает К. В. Тревер. Однако трудно согласиться, что перед нами армянское слово „тэр“[1].

Седьмая строка читается хорошо, за исключением последнего слова, от которого сохранились С и часть буквы П. С. Д. Лисициан восстанавливает это слово как СП[НI]—пещере, Я. А. Манандян как С[ΕΜΝΩ], А. Абрамян как СП[НI] (пещере), добавляя в конце слово ΕΥΧΕCΘΕ.

К. В. Тревер видит тут армянский термин СП[ΑΙΑΠΕΤ]. Чтение Я. А. Манандяна отпадает, потому что после С видны остатки буквы П; добавление лишнего слова А. Абрамяном тоже отпадает, потому что оно никак не могло бы поместиться на камне. По этой же причине отпадает и чтение К. В. Тревер. Заметим, что в конце седьмой строки обломан незначительный кусок камня и длинное слово „спайапет“ никак не могло бы здесь поместиться.

Первые два слова восьмой строки С. Д. Лисициан читает: ΜΕΤΑ ΜΑΤΗΜΟ, А. Абрамян — ΜΕΤΑ ΜΑΤΗΜΙ, а Я. А. Манандян первый раз ΜΕ[ΛΕ]Α ΜΑΤΗ[Τ]Ω, второй раз — ΜΕ[.]Α ΜΑΤΗ[.]Ω. Правильно ΜΕΤΑ ΜΑΤΗ Ω и при этом Ω несколько отстает. От последнего слова восьмой строки сохранились буквы ΕΥΧΑΡ, верхняя часть палочки от I, от букв С, Т, I. Восстановление этого слова С. Д. Лисицианом и К. В. Тревер в виде ΕΥΧΑΡΙCΤΟC можно считать вероятным; столь же вероятным можно признать и чтение Я. А. Манандяна в виде ΕΥΧΑΡΙCΤΙΑΝ.

Последняя (9-ая) строка надписи читается совершенно четко — ΤΟΥ ΜΑΡΤΥΡΙΟΥ.

Я. А. Манандян предлагает следующее новое чтение второй части надписи:

6. . . . . . Ὑπο ἐξουσία στε[γ]αν[ου]
7. λιτουργὸς τῷ μεγάλῳ σ[. . .]
8. με[.]α ματη[.]ω καὶ εὐχαρ[. . .]
9. τοῦ μαρτυρίου.

Перевод: „Под покровом (буквально: „под защитой кровли“) пусть священнослужитель великому... и благодарение за благовествование“.

Акад. Я. А. Манандян добавляет:

„Хотя точное содержание второй части надписи не совсем ясно, тем не менее, как не трудно видеть, имеющиеся в этой части слова λιτουργός, εὐχαριστία и μαρτύριον определенно указывают, что надпись должна быть отнесена ко времени после принятия Тиридатом III христианства“[2].

[1] Студент Ереванского государственного университета Р. Бартикян предполагает, что это слово „тиара“, т. е. корона.

[2] Известия АН Арм. ССР, общественные науки, 1951, № 4, стр. 21.

Ниже приводится вторая часть надписи так, как она есть на камне.

6. MEXXEAC YПO EΞOYCIAC TEAPI[. . .]
7. AITOYPΓOC TΩ MEΓAΛΩ CΠ[. . .]
8. META MATH Ω KAI EYXAP[— . . .]
9. TOY MAPTYPIOY

6. Менней с соизволения TEAPI
7. Литург великой . . .
8. При Матее и благодар[. . .]
9. свидетеле.

Мы воздерживаемся от перевода второй части надписи, но возможно, что более точная передача самого текста облегчит дело специалистов по греческой эпиграфике.

Акад. Я. А. Манандян предполагает, что Тиридат III в первой четверти IV в. только восстановил гарнийский языческий храм, который был построен, по его мнению, в конце III или начале II в. до н. э. Однако, за исключением скрепления (с помощью раствора), камней от карниза и фронтонов с крышей, других следов реставрации храма не имеется. Наоборот, археологические данные опровергают предположение Я. А. Манандяна. В конца III в. и в начале IV в. в строительной технике Передней Азии и Армении произошли большие изменения: стены стали возводиться не сухой кладкой, а с применением раствора, и архитравное перекрытие было заменено сводчатым перекрытием, но гарнийский храм, как и крепостная стена, выложены сухой кладкой, без раствора, с применением металлических скрепов и свинца, а перекрытие храма—архитравное, а не сводчатое. К. К. Романов, датируя храм временем Тиридата III, считает этот технический прием архаизмом, но он неправ, так как нельзя объяснить архаизмом сухую кладку храма. Наряду со строительной техникой, в пользу датировки храма I в. говорят и конструктивные особенности храма, обработка камней, а также особенности богатой резьбы.

В своем повествовании о Гарни Моисей Хоренский приписывает постройку храма Тиридату III, но в то же время говорит о применении железных скрепов и свинца, то есть о сухой кладке. Археолог или специалист по истории архитектуры не может не заметить этого противоречия в свидетельстве Моисея Хоренского. Остается полагать, что самое свидетельство Хоренского о построении крепости и храма относится ко времени правления Тиридата I. В таком случае мы бы констатировали полное совпадение текста гарнийской надписи с сообщением Моисея Хоренского. В первой части надписи говорится о построении Тиридатом I храма(?) для своей сестры (букв. царице) и крепости. Моисей Хоренский говорит о построении Тиридатом крепости и дома прохлады в ней для своей сестры. А „дом прохлады“ это, по источникам, гарнийский языческий храм, кото-

рый сохранился после утверждения в Армении христианства, но получил светское назначение. В сообщении Моисея Хоренского говорится о том, что Тиридат составил надпись греческими письменами и что надпись находилась на „доме прохлады" (на храме). В таком случае у Хоренского речь идет не о той надписи, которая найдена летом 1945 г.

Но вполне возможно и иное толкование текста Хоренского. Хоренский говорит о построении крепости, и если та фраза в тексте Хоренского, которая относится к постройке храма, будет принята за промежуточную, то по контексту получится „В ней (в крепости) он (Тиридат) построил дом прохлады... и на ней (на крепости) начертал надпись греческими письменами". В таком случае наша надпись оказалась бы именно той, которая упомянута Моисеем Хоренским, ибо она находилась не на храме, а на крепостной стене. Если это подтвердится, то лишний раз будет доказана правдивость сведений Моисея Хоренского, великого историка древней Армении. Мы не исключаем возможности того, что в Гарни имелись две различные надписи, но отметим, что совпадение свидетельства Хоренского с данными греческой надписи, найденной в 1945 г., имело бы решающее значение для разрешения спора о времени постройки гарнийского языческого храма. Хоренский говорит о постройке Тиридатом крепости и дома прохлады (т. е. храма) в ней; надпись гласит о постройке Тиридатом в одиннадцатом году своего царствования храма(?) и крепости в Гарни. Строительная техника и археологический анализ подтверждают, что это имело место не при Тиридате III, а при Тиридате I, т. е. в 70-х гг. I века.

Можно надеяться, что раскопки выявят новые данные, которые позволят окончательно разрешить вопрос о надписи и о храме.

III. ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Раскопки четырехабсидной купольной церкви

В Гарнийской крепости у западной стены языческого храма лежали громадные обломки бута из разрушенных стен какой-то церкви, примыкавшей к языческому храму с западной его стороны. Обломки эти были обнаружены еще в 1909—1911 гг. при раскопках языческого храма. Виден был также нижний ряд кладки восточной абсиды, выложенной из тесаного туфа.

В докладной записке, составленной экспедицией Комитета по охране исторических памятников Армении, которая брала на учет археологические памятники в Гарни, начальник экспедиции О. С. Егиазарян и архитектор А. О. Баласанян высказали предположение, что здесь имеются остатки круглого храма, возможно типа Звартноца. Однако это предположение ими ничем не было подкреплено, тем более, что общий вид храма не был известен[1].

Гарнийская археологическая экспедиция приступила к раскопкам этой церкви, открывшим остатки четырехабсидного купольного сооружения, четыре абсиды которого в плане образуют равносторонний крест. В углах, образующихся между крыльями креста, размещены четыре небольших помещений-приделов ()рис. 60). Снаружи церковь была, видимо, многогранной. Помимо основного западного входа (пока не раскопанного) церковь имела северный вход (ведший прямо в абсиду), от которого сохранились остатки портика.

Известные в настоящее время сооружения этого типа в Армении относятся к более позднему времени. Это—церковь в архитектурном комплексе монастыря Хцконк, недалеко от Ани, и остатки такой же церкви—в Мармашене. По свидетельству Самуила Анийского, Хцконк был построен в первой половине XI века. Гарнийская церковь, однако, относится к более раннему времени и является наиболее древним образцом подобных сооружений в Армении. Для датировки гарнийской четырехабсидной церкви имеются некоторые данные.

---

[1] О наличии круглой церкви в Гарни стало известно в 1910—1911 гг. во время раскопок гарнийского языческого храма. Тогда и была открыта восточная абсида круглой церкви, которая нанесена Я. И. Смирновым на план гарнийской крепости и где пунктиром показана круглая в плане церковь.

К церкви с северо-востока примыкает небольшая усыпальница, где похоронен армянский католикос Маштоц, умерший в 897 г. По свидетельству Иоанна католикоса, умершего в 929 г., и других армянских историков, усыпальница Маштоца была построена сразу же после его смерти.

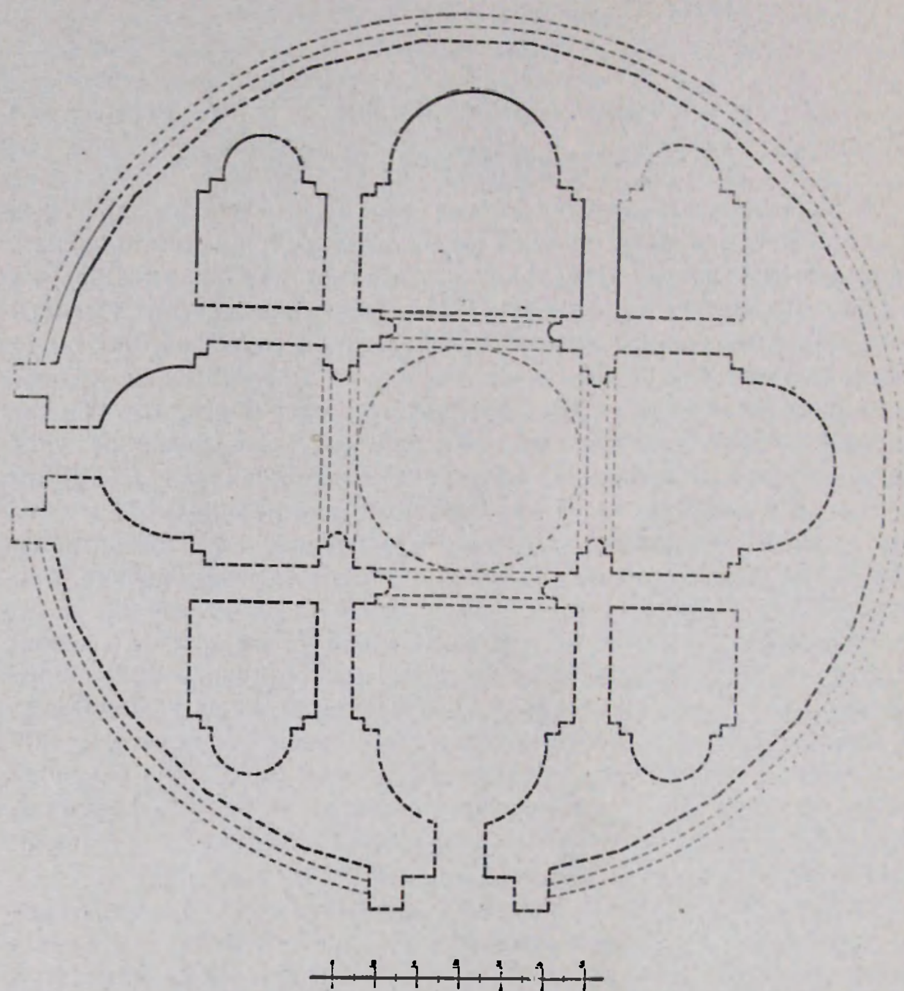

Рис. 60. Четырехабсидная церковь в крепости Гарни (обмер арх. А. Саиняна).

Здесь же в усыпальнице сохраняется надмогильная плита католикоса Маштоца с надписью, в которой указывается дата его смерти, но надмогильная плита с надписью очевидно поставлена позднее.

Южная стена усыпальницы не просто примыкает к стене церкви, а сооружена на ступени ее стилобата, чем и доказывается, что церковь существовала уже до постройки усыпальницы в конце IX в.

Когда могла быть построена эта церковь? В VIII—IX вв., при тяжелом арабском владычестве в Армении почти ничего не строили. Что касается крепости Гарни, то она, как сказано выше, была раз-

рушена арабами и до конца IX в. лежала в развалинах. Значит, церковь в крепости Гарни была построена ранее VIII—IX вв., а именно в VI—VII вв. Это предположение подтверждается и свойственным V—VII векам, но не встречающимся после VII в. орнаментом в виде монументально высеченных ланцеток, расположенных зигзагом, на сохранившихся двух фрагментах оконного обрамления этой церкви (рис. 61).

О древности церкви говорит также общий план церкви с четырьмя помещениями между лопастями креста, а также отсутствие наружных ниш, вследствие чего стена в отдельных местах имеет несоразмерную толщину.

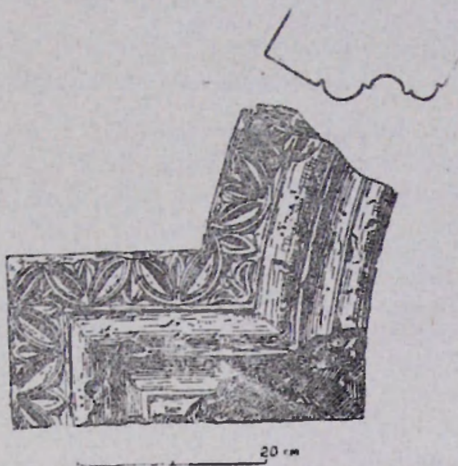

Рис. 61. Фрагмент венчика окна четырехабсидной церкви.

В памятной записи одной армянской рукописи, датированной 1346 годом, сохранилось сведение о построении церкви в Гарни. Запись гласит: „В году 130 (армянского летоисчисления—681 г. н. эры) куропалатом был построен св. Сион на Гарнийском мысу(?) (*հողաճատին*), велением владыки тэра Нерсеса“[1].

Трудно утверждать, что это сведение относится именно к описанной нами церкви, тем более, что в древности „сионом“ называли обычно базиличные церкви или купольные базилики и купольные залы. Однако кроме четырехабсидной церкви другого сооружения в VI—VII вв. нам в Гарни пока неизвестно. Гарнийская базиличная церковь, развалины которой сохраняются в поселении (а не на мысу), отличается архаичностью и относится несомненно к более раннему времени (IV—V вв.).

Не следует упускать из виду и тот факт, что в VII в. в Армении строились и шестиабсидные, снаружи многогранные, церкви, как, например, церковь в селении Ириид и церковь, построенная князем Григорием Мамиконяном во второй половине VII в. в Егварте. Церкви в Иринде и в Егварте являются дальнейшим развитием четырехабсидного, снаружи многогранного сооружения, древнейшим образцом которого является церковь, открытая в Гарни.

Таким образом, четырехабсидная церковь в крепости Гарни занимает важное место в цепи развития армянской архитектуры V—VII вв. и заслуживает особого внимания. Раскопки этой церкви еще

---

[1] Л. Хачикян, Памятные записи армянских рукописей XIV в. (на армянском языке). Ереван, 1950, стр. 351—352. В оригинале записи слово *հողաճատին* читается не совсем ясно, следовательно местонахождение гарнийского св. Сиона устанавливается не бесспорно.

не завершены и дальнейшие работы могут выявить много интересного.

Неподалеку от четырехабсидной церкви, при проведении разведочной траншеи, открыты были большой карас из красной глины и остатки стен из необтесаных мелких камней на глиняном растворе. Возможно, что этот карас и остатки стен являются ровесниками четырехабсидной церкви, если только они не относятся к более раннему периоду, на что указывает кладка, ниже которой залегает энеолитический слой.

2. Средневековые культурные слои в крепости

В период начавшегося в Армении экономического и культурного подъема в конце IX и в X веке крепость Гарни была восстановлена Багратидами, а поселение Гарни выросло, превратившись в городок. Начиная с этого периода, все армянские авторы, упоминая Гарни, называют его գյուղաքաղաք или քաղաքագյուղ, т. е. село-город или город-село. Развалины архитектурных памятников, разбросанные на территории селения Гарни, показывают, что Гарни охватывал в это время значительную территорию и в нем имелось не менее 2—3 тысяч жителей.

Значительная часть населения была занята земледелием, но в Гарни было немало и ремесленников, а также некоторое количество торговцев. В X—XII вв. городок продолжает расти и превращается в небольшой ремесленно-торговый центр. Об этом, наряду с письменными данными, красноречиво говорят археологические наблюдения.

Остатки сооружений и археологический материал позволяют установить наличие в крепости, помимо двух древних культурных слоев, еще четыре средневековых:

а) культурный слой V—VII вв., о котором шла речь в связи с четырехабсидной церковью: в период арабского владычества крепость лежала в развалинах и от этого периода раскопки пока ничего не вскрыли;

б) культурный слой IX—XI вв.;

в) культурный слой XII—XIV вв.;

г) последний культурный слой в крепости Гарни относится к XV—XVII вв., после чего крепость опустела и перестала быть обитаемой.

Культурный слой IX—XI веков пока представлен верхними рядами крепостной стены из небольших базальтовых камней, усыпальницей католикоса Маштоца (конец IX в.), целым рядом надгробных памятников и хачкаров и, наконец, находками множества обломков простой и поливной керамики, а также других предметов. Обнаруженный в этом слое материал пока невелик. Характерным для керамики этого слоя являются высокое качество черепков и однотонность их поливы, обычно темножелтого, коричневого, зеленого и голубого цветов. Полива покрывает черепок как с внутренней, так и с наруж-

ной сторон. На черепках IX—XI вв. почти отсутствует орнамент, которым пестрит керамика XII—XIII вв. и позднейшего времени. Иной раз встречается весьма скупой орнамент в виде одной или двух линий, идущих вокруг борта поливных чаш. Эти линии выведены гравировкой на сырой глине и выделяются более темным оттенком глазури того же цвета. В этом же слое встретились 2 арабские монеты, из коих одна серебряная, бронзовый литой крест (рис. 62) и др.

Культурный слой XII—XIV вв. весьма богат остатками архитектурных памятников и вещественными находками. Раскопками открыт ряд помещений, вернее нижние ряды стен от этих помещений. Они сложены на глиняном растворе, из необтесаных камней небольшого размера. В некоторых случаях в кладке использованы прекрасно обработанные и профилированные камни, взятые из разрушенных к этому времени древних сооружений крепости. Обычно это базальтовые камни с архаичной оттеской, среди которых имеются весьма интересные архитектурные детали.

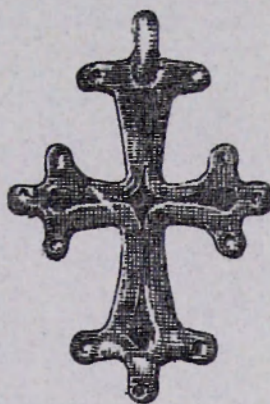

Рис. 62. Бронзовый литой крестик.

Раскопки еще полностью не были развернуты, но уже стали выявляться остатки отдельных сооружений. В одном случае у северной стены крепости открыты нижние ряды кладки здания с двумя помещениями и примыкающими к ним небольшими комнатами, пока неполностью раскопанными. В здании имеется ниша, сложенная из обожженного кирпича. Часть пола вымощена базальтовыми камнями, взятыми из кладки верхней части крепостной стены, возведенной в X в. Любопытно, что здесь найдены фрагменты орнаментированных поливных изразцов, подобные тем, какие обнаружены при раскопках Ани и которые датируются XII—XIII вв.. Позднее эти помещения были вновь использованы, и при этом в них были сооружены тондыры. Неподалеку от сооружения с двумя помещениями открыты остатки какого-то помещения, возможно, бани.

Почти в середине крепости открыты два смежных помещения с сохранившейся нижней частью стены и полом, покрытым слоем извести. В каждой комнате вырыто по одной яме, также начисто смазанных известью. Несомненно, это—давильня винограда; в ямах собирали виноградный сок и изготовляли вино. Следует указать, что в двух таких же ямах был обнаружен винный камень. Ямы были покрыты камнями, посредине которых имеется небольшое отверстие, закрывавшееся каменной пробкой. На территории крепости уже известно десять таких ям. Большинство их относится к XII—XIII вв., но некоторые несомненно более позднего времени.

Помимо остатков сооружений в крепости обнаружены также средневековые могилы с плоскими надгробными плитами. У головы и у ног покойника устанавливались камни, врытые нижним концом в землю, тогда как верхние концы их образуют полукруг, высотою в 0,15—0,20 м над землею.

Рис. 63. Глиняный светильник.

В слое, относящемся к XII—XIII вв., было обнаружено много различных предметов. Среди них первое место занимает керамика. Встречается большое количество черепков как простой, так и поливной керамики местного производства.

Рис. 64. Фрагменты красных карасов со штампованным поясом.

Несомненно, керамика занимала важнейшее место в быту населения. Гончары производили разнообразную посуду, начиная от солонок, светильников (рис. 63) и мисок и вплоть до гончарных труб'

больших кувшинов и огромных карасов для хранения зерна и жидкостей, в частности вина.

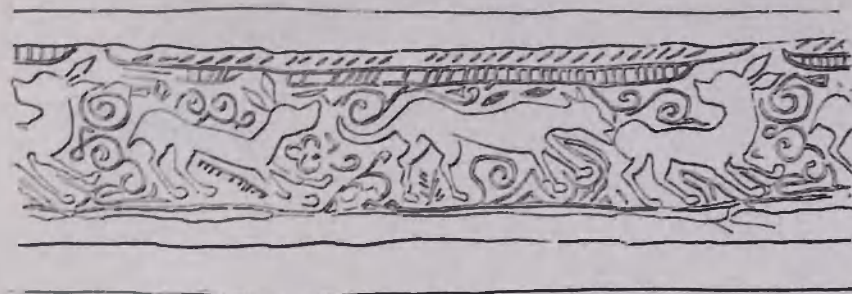

Рис. 65. Фрагмент красного караса с звериным гоном на поясе.

Рис. 66. Фрагмент красного караса с изображением коз на поясе.

В Гарни часто попадаются обломки карасов характерной формы, красного цвета, с орнаментированным штампованным поясом, на котором изображены фигуры коз, зверей, птиц, людей, а также геометрические и растительные мотивы. Вероятно, эти мотивы идут с древнейших времен и имеют символическое значение, не раскрытое до сих пор (см. рис. 64, 65, 66).

Гарнийская керамика мало чем отличается от керамики Двина и Ани того же периода; сходство наблюдается в технике производства и в орнаментальных мотивах. Однако некоторая мягкость в тонах глазури, сдержанность в орнаментации заметно отличают гарнийскую керамику от керамики соседнего крупнейшего центра керамического производства Двина.

Есть основание полагать, что как простая, так и поливная керамика, обнаруженная при раскопках Гарни, в основном производилась на месте. Это подтверждается также изучением встречающихся на дне керамических изделий знаков и штампов мастеров или мастерских (рис. 67). Находки фрагментов фаянсовой посуды пока незначительны. Как фаянс, так и найденные в Гарни фрагменты стеклянной посуды (рис. 68) и стеклянных, большей частью витых, браслетов (рис. 69) совершенно идентичны с двинскими и очевидно происходят оттуда же.

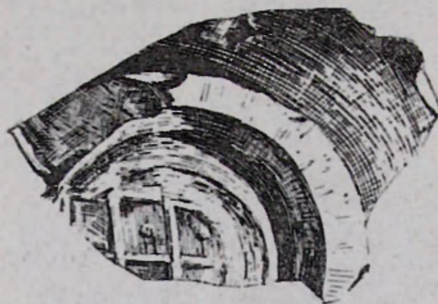

Рис. 67. Знак мастерской на дне поливной чаши.

Встречаются обломки керамической посуды, привезенной из соседних и дальних стран. Найдены, в частности, фрагменты рейского люстрового фаянса (Иран) и селадона (Китай).

Из металлических предметов в культурном слое XII—XIII вв. найдены наконечники стрел (рис. 70), кинжал (рис. 71), подковы лошадей, гвозди, бронзовое навершие рукояти от кинжала, маленькие медные чаши от весов (вероятно, из обихода мастера-ремесленника), свинцовый браслет с змеиной головой (рис. 72) и др. Интерес представляет находка небольшого железного молотка, которым пользовался вероятно золотых или серебряных дел мастер; конец рукояти отломан (рис. 73). Часто встречаются пряслица из камня, кости и обожженной глины, свидетельствующие о том, что ткацкое дело в занятиях средневековых жителей Гарни занимало значительное место (рис. 74).

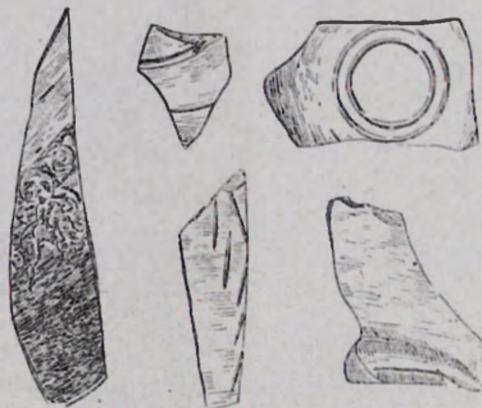

Рис. 68. Фрагменты стеклянной посуды.

Что касается украшений, то в средневековом слое, кроме брас-

летов, найдено много бус из различного материала, разной формы и величины (рис. 75).

Рис. 69. Фрагменты стеклянных браслетов.

Нахождение в Гарни привозной керамики, а также арабских, византийских, сельджукских, грузинских и монгольских монет открывает картину широких торговых связен Армении с соседними и отдаленными странами, показывает, что в международной торговле принимали участие не только такие крупные городские центры, как Ани и Двин, но и маленькие города или поселения городского типа, каким был Гарни.

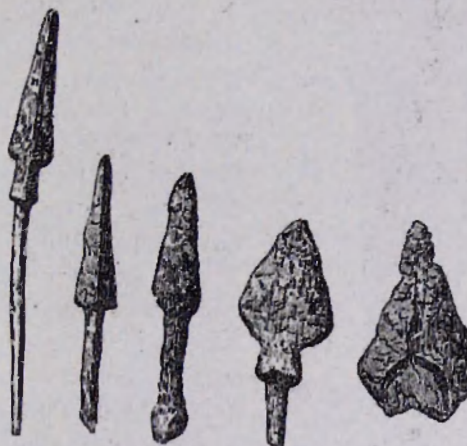

Рис. 70. Наконечники стрел (железо).

Начатые в Гарни раскопки наглядно показывают, что при изучении экономической жизни, уровня ремесла, торговли и городской жизни средневековой Армении нельзя ограничиваться только большими городскими центрами и что следует обращать должное внимание и на мелкие локальные центры—небольшие городки и крупные поселения и местечки городского типа (*աւանք և գիւղաքաղաքք* армянских источников).

Археологические и эпиграфические данные раскрывают картину довольно оживленной жизни в средневековом Гарни не только в области сельского хозяйства, но и в области ремесленного производства и торговли.

В Гарни (как это видно из армянской надписи 1315 г.) существовали специальные должностные лица, именуемые „тамгатарк“ (арм. *տամղատարք*, монгольск.—тамгачи), которые взимали тамгу (налог) с ремесленников и торговцев. Другая надпись, 1291 г., свидетельствует о том, что в Гарни взимали также баж (*բաժ* или бадж) от продажи вина.

Чрезвычайно интересен факт, что надпись 1291 г. рассказывает о взимании непосильных налогов с населения, причем помимо обычных податей взимались также шариат (с рабочих волов) в размере 11 серебряных монет за каждого вола, „балахаhак“ — за пастьбу овец, „баж“ (бадж) — за продажу вина. Эти три вида налогов были упразднены, как говорится в этой надписи, Хошак, дочерью армянского князя Авага Захаряна, которому по наследству принадлежал Гарни. Это мероприятие было осуществлено, очевидно, в целях повышения платежеспособности населения, обремененного рядом других налогов.

Рис. 71. Железный кинжал.

Культурный слой XIV—XVII веков сохраняет много материалов, раскрывающих картину жизни, полной лишений.

При раскопках в крепости в верхнем слое почти повсеместно открываются остатки жилищ. Их стены сложены из булыжников или мелких необтесаных и бесформенных камней на глиняном растворе. Стены отличаются грубостью кладки, подчас они даже кривые, вероятно сложены без участия мастеров и производят впечатление временных жилищ или бедняцких лачуг, кое-как приспособленных для жилья. В кладке этих помещений, как и в кладке помещении XII—XIII вв., встречаются камни, взятые из древних сооружений.

В средней части крепости были открыты три смежных помещения. Пол одного из них покрыт известью. Здесь давили виноград (հնձան). В соседней комнате открыто четыре больших караса для вина и один маленький, вероятно для водки. Дверь отсюда вела в третье жилое помещение.

Для жилищ XIV—XVII вв. характерны тондыры (թոնիր), причем в каждом помещении обнаруживаются от двух до четырех тондыров. В армянских крестьянских домах обычно встречаются два тондыра, один большой, другой поменьше, но было непонятно назначение трех или четырех тондыров. Секрет был открыт находкой в двух „тондырах“ муки от 40 до 50 килограммов в каждом; повидимому, часть этих „тондыров“ по существу являлась вовсе не тондырами, а вылепленными из глины хранилищами зерна и муки. Это предположение подтвердилось наличием до последних времен подобных хранилищ в деревне Сараландж, расположенной в 3 километрах от Гарни, на противоположном берегу гарнийского ущелья.

В жилых помещениях верхнего слоя встречается много обломков как простой, так и поливной керамики. Простая керамика этого слоя отличается низким качеством посуды и непрочностью черепка. В армянских крестьянских домах до последнего времени сохраняются большие кувшины из простой глины, в виде торса женщины, иногда с изображением лица. В этих кувшинах обычно хранится соль. При раскопках в верхнем слое найден обломок от кувшина, с изображением лица женщины (рис. 76).

Поливная керамика по цвету, по рисунку и по качеству резко отличается от такой же керамики XII—XIII вв.

Рис. 72. Свинцовый браслет с змеиной головой.

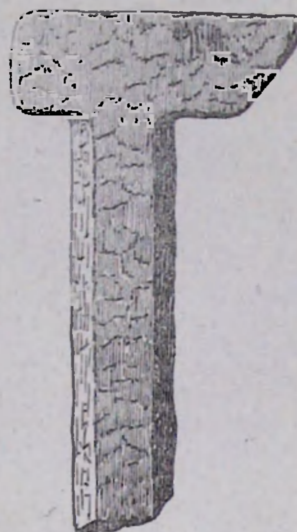

Рис. 73. Железный молоточек для обработки металла.

Лучшие экземпляры поливной керамики бывают обычно темноголубого или синеватого цвета и украшены вертикальными черными полосками или черным рисунком из стилизованных растительных мотивов. Еще чаще попадаются черепки, на светлом фоне которых имеется рисунок стилизованных растений темнозеленого цвета. Черепки эти не прочны, а их полива не очень ровная и содержит большое количество трещин. Видно, что уровень и качество керамического производства, как и других отраслей ремесла, резко упал.

Рис. 74. Каменные и глиняные пряслица.

В числе находок в верхнем слое имеются и металлические предметы: подковы быков, гвозди, ножи, колокольчики (рис. 77) и пр. Монеты встречаются в весьма незначительном количестве.

Археологический материал, который получается при раскопках Гарни, отражает основные культурные черты всех исторических периодов и не только этого уголка, но и всей Армении. Поскольку речь идет о верхнем культурном слое, то можно сказать, что он не только

отражает экономический и культурный упадок страны, но и подкрепляет и дополняет сведения письменных источников о политическом положении Армении. Письменные источники рассказывают о

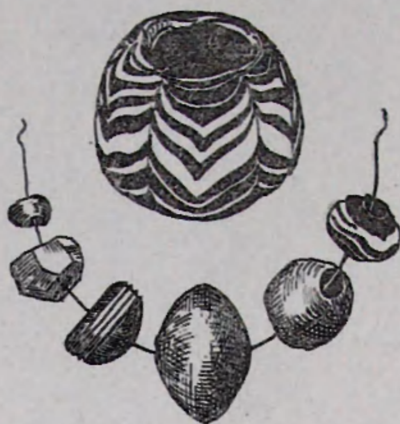

Рис. 75. Бусы.

Рис. 7?. Глиняная головка женщины от кувшина для соли.

непрерывных войнах и набегах в XIV—XVII вв. Раскопки показывают, что жители селения Гарни в эти тяжелые времена, избегая вражеских набегов, переселялись в крепость, тесно заселяли ее, строили жилища даже над полуразвалившимися крепостными стенами; местами они восстанавливали крепостную стену, при этом поверх древней кладки из громадных каменных глыб, скрепленных железом и свинцом, укладывали необтесаные мелкие камни на глиняном растворе.

Селение Гарни оживало во время более или менее длительных промежутков между войнами, в частности во второй половине XVI и в начале XVII вв., когда отчасти возобновляется и торговля. Любопытно, что в 1948 г. в селении Гарни во дворе колхозника Варданяна Вазгена на глубине около 2 м в земле найдена серебряная монета гессенского ландграфа Филиппа, чеканки 1545 г., и серебряная монета трансильванского принцепса Сигизмунда Батория, чеканки 1591 г.

В 1949 г. в Талинском районе Арм. ССР, у подножья горы Арагац, был найден клад серебряных монет, чеканенных европейскими правителями различных стран в. XVI в. и в самом начале XVII в. Эти факты свидетельствуют если не о непосредственных связях гарнийских и талинских купцов с европейскими странами, то во всяком случае об их связях с купцами старой Джульфы, деятельность которых распространялась от Индии и Персии до России и Западной Европы. Во всяком случае находка западноевропейских монет XVI—XVII вв.

в различных районах Арменни показывает, что в это время в международную торговлю была включена не одна старая Джульфа.

Однако вскоре Гарии постигла страшная участь. Письменные источники рассказывают, что в начале XVII в. Гарни подвергся разгрому и опустошению со стороны персов, причем войска шах-Аббаса I во главе с Амиргуна-ханом угнали в Персию большую часть его населения. Те же из гарнийцев, которым удалось скрыться в пещерах и в горах, вернувшись в Гарни, стали жертвами турок, окончательно разгромивших Гарни в 30-х гг. XVII в. Турки перебили часть уцелевшего населения и угнали в плен остальных. Гарни был опустошен на долгое время.

Рис. 77. Медный колокольчик.

Раскопки показывают, что камни и строительный мусор разгромленных и разрушенных жилищ гарнийцев толстым слоем, до полутора метра в глубину, покрывают почти всю поверхность крепости. Отсутствие более или менее ценных предметов домашнего обихода в верхнем слое результат не только бедности населения крепости, но и того обстоятельства, что эти жилища подверглись разгрому и ограблению персами и турками. О разгроме Гарни и уводе в плен его населения свидетельствует и факт наличия в тондыровидных амбарах и карасах некоторых запасов такого ценного продукта, как мука. Ясно, что население, жившее нормальной жизнью, даже при переселении по собственному почину из крепости в другое место, не оставило бы свои запасы муки.

Следует, между прочим, отметить, что поверхность территории крепости Гарни усеяна осколками металлических ядер, выпущенных из пушек персидскими и турецкими войсками при осадах крепости в начале и в 30-х гг. XVII века.

Сведения письменных источников о том, что при набегах на Гарни турок и персов население скрывалось в пещерах ущелий неподалеку от Гарни, подтверждаются не только наличием удобных для этой цели пещер, но и приспособлением самой близкой и обширной пещеры в ущелье реки Азат к защите ее от неприятеля. Мы имеем в виду пещеру „Ахчка-берд", находящуюся под вертикальным обрывом, против западного угла крепости. Жители Гарни рассказывают легенду, связанную с этой пещерой; согласно легенде царь Тиридат заточил здесь свою сестру. Нам кажется, что это связано с народным толкованием слова „кыз-кала" (девственная крепость), понимаемого народом как „девичья крепость"—Ахчка-берд. Впрочем с первого же взгляда не трудно догадаться, что это одна из тех пещер, в которых скрывались жители Гарни, обороняясь от турок и персов. Пещера находится под отвесной скалой, высотою около ста метров; отсюда начинается покатый склон, ведущий к реке;

пещера отстоит от реки приблизительно на 200 м. Пещера весьма удобна для организации защиты от противника, так как она имеет ключевую воду; она весьма обширна, в ней могло поместиться и продержаться некоторое время до двухсот человек. В целях защиты перед пещерой была возведена стена, а у ее восточного угла построена башня из базальтовых камней на известковом растворе. В верхней части башни оставлена одна амбразура для защиты пещеры огнестрельным оружием. Снаружи, вокруг амбразуры, можно насчитать на базальте до ста царапин, являвшихся следами неприятельских пуль. Таким образом, „Ахчка-берд" или „Кыз-Кала" не что иное, как убежище гарнийцев при набегах иноземных грабителей, причем башня, возведенная здесь, сооружена не раньше XVI в.

Не исключена возможность того, что эта пещера в древности использовывалась в качестве охранного пункта для защиты крепости со стороны ущелья, тем более, что она господствует над единственной дорогой, идущей через ущелье.

Во второй половине XVI в., перед разгромом Гарни персами и турками, жизнь в нем несколько оживилась. Здесь жили и купцы, которые вместе с купцами Старой Джульфы и Агулиса принимали участие в торговле с Западной Европой. Об этом свидетельствует находка колхозниками вышеуказанных серебряных монет. К этому позднему времени относится и базальтовая плита с рельефным изображением двух львов, помещенная некогда над входом во двор богатого гарнийца (рис. 78).

Рис. 78. Барельеф с двумя львами от входа богатого дома (XVII в.).

3. Сбор армянских лапидарных надписей

На стенах гарнийских архитектурных памятников и на хачкарах встречается множество армянских лапидарных надписей, имеющих большое значение как для изучения средневековой истории и экономической жизни Армении вообще, так и для истории Гарни в частности.

Участниками экспедиции эти надписи подготовлены к изданию отдельным выпуском. В настоящем отчете мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями о них.

Всего собрано 75 надписей, из них надписей на крестных камнях (хачкарах)—27, на надгробных плитах—23, дарственных надписей—11, надписей об упразднении отдельных налогов—2, памятных надписей на церквах—3, фрагментов надписей—9.

Почти половина всех надписей (из 75—30) датирована. Хронологически они делятся на следующие группы:

I группа—надписи IX в.; их всего 2 (879 г. и 897 г.), причем вторая надпись с датой 897 г. составлена позже.

II группа—надписи второй половины XII в. и первой четверти XIII в.—16 штук.

III группа—надписи XIII—XIV вв., составленные после монгольских нашествий—12 штук.

Даты надписей указывают на то, что первые из них высечены в период восстановления армянского государства Багратидами, причем надпись 879 г. составлена очевидно женою Ашота I, основателя царской династии Багратидов. Датированных X веком и до середины XI в. надписей в Гарни не обнаружено. Это обстоятельство объясняется, во-первых, тем, что в это время обычай оставления о себе надписей бытовал только в среде феодальной верхушки и на остальную часть населения еще не распространялся, а в Гарни крупной феодальной верхушки тогда почти не было; во-вторых, в Гарни в X в. и первой половине XI в. крупных событий не происходило и, следовательно, не было нужды в надписях.

С середины XII в. наряду со светскими и духовными феодалами надписи начинают составлять также так называемые мецатуны (*մեծատունք*)—богатеи, накопившие богатства путем торговли и ростовщичества. Некоторые из них являлись управляющими и приказчиками в феодальных вотчинах (*հոգաբարձուք և ձեռնասունք*) или занимали должности надзирателей на рынках и сборщиков податей (тамгатаров—*տամղաչարք*). Характерно, что надписи XII—XIV вв. в большинстве случаев связаны именно с этими лицами, т. е. мецатунами. Поэтому совершенно закономерно, что надписей X—XI вв. нет, а в XII—XIII вв., когда мецатуны уже составляют значительную прослойку в составе населения и играют определенную роль в обществе, они оставляют после себя большое количество надписей. Из 16 надписей второй половины XII в. и первой четверти XIII в. только одна относится к середине XII в. (1151 г.), 6 надписей относятся к последней четверти XII в. и 9 надписей—к первой четверти XIII в. С 1225 г., после вторжения войск хорезмшаха Джалалэддина и неудачного сражения с ними грузинских и армянских войск у Гарни, а позднее за время монгольских нашествий, в течение 15 лет не оставлено ни одной надписи. С 40-х годов XIII в. датированные надписи появляются снова, но прерываются в 1341 г. и вплоть до 1851 г.

Нельзя считать случайностью то обстоятельство, что отсутствие датированных надписей после 1341 г. совпадает с временем окончательного падения монгольского западного ильханства, когда водворившиеся в стране при монголах произвол и разбой доходили до чудовищных размеров и сопровождались военными набегами завоевателей на армянские города и села и их разгромом и грабежом.

Большой интерес представляют дарственные надписи, содержа-

щие много ценных сведений о социальной жизни Армении в XIII—XIV вв. Особо значительны две надписи об упразднении некоторых налогов. Первая из них датирована 1291 годом и говорит об упразднении шариата—налогов с рабочих волов, с пастьбы овец, и бажа (բաժ) с продажи вина. Эта и подобные ей надписи в Армении, Грузии и Азербайджане, составленные до реформы Газан-хана, свидетельствуют о том, что местные армянские, грузинские и азербайджанские правители предвосхитили мероприятия монгольского хана, направленные на повышение сильно сниженной платежеспособности населения.

В надписях встречается целый ряд терминов, обозначающих различные социальные прослойки общества и должности; имеется также ряд налоговых терминов—„шариат“, „балахаћак“[1], „джагаци махкана“ (ջաղացի մախկանա) или налог с мельницы и пр.

Большой интерес представляет гарнийская надпись, датированная 879 годом. Она высечена на базальтовом, помещенном вертикально, камне, унесенном жителями Гарни из кладки крепости в IX в. Камень этот является, как говорилось выше, памятником переходного типа от четырехгранных стел к плоским, также вертикально стоящим хачкарам. Камень находится в середине западного квартала селения, недалеко от древней базиличной церкви и имеет вид четырехгранной стелы. На нем высечены крест и надпись, которая гласит:

ԹՎԱԿԱՆՍ ՅԻԸ ՅԱՆՈՒՆ ԱՅ ԵՍ ԿԱՏՐԱՆԻԴԵ ՀԱՅՈՑ ԹԱԳՈՀ ՈՐ
ԿԱԳՆԵԼ ԶՍՈՒՐԲ ԽԱՉՍ Ի ԲԱՐԷԽՈՍՈՒԹԻ ԻՆՁ

—„В году 328 во имя бога я Катранидэ царица Армении воздвигла этот святой крест для предстательствования за меня“.

Хотя надпись была вполне доступна исследователям, она не удостоилась должного внимания и до сих пор не издана. Считалось, что надпись начертана царицей Катранидэ, женою анийского царя Гагика I, жившей в конце X и начале XI в. Однако принадлежность этого памятника и надписи на ней к IX в. не вызывает никакого сомнения. Дата же 328 г. армянского летоисчисления равняется 879 г. христианского летоисчисления. Катранидэ в 879 г. называет себя царицей Армении, а многие из армянских историков X—XIII вв. свидетельствуют, что армянское царство Багратидов возникло в 885—887 гг. Возникает вопрос: как могла Катранидэ, очевидно жена основателя династии армянских Багратидов, Ашота I, за 9—10 лет до основания царства называть себя царицей Армении? Ответ на этот вопрос дает сама история. Ашот Багратуни еще в 862 г. стал князем князей Армении, как об этом свидетельствует историк Стефан Таронский (Асогик). Ос-

[1] Балахаћак (грузинского происхождения)—это налог за пастьбу животных и, как любезно сообщили мне дейст. члены Академии наук Грузинской ССР А. Г. Шанидзе, Н. А. Бердзенишвили и доцент В. Габашвили, соответствует грузинскому термину „сабалахо“, который встречается в грузинской литературе именно в этом значении.

лабленный арабский халифат вынужден был не только пойти на это, но и закрепить за князем право сбора податей по всей Армении и контроль за выполнением государственных повинностей. Все это давало Армении экономическую самостоятельность и привело к политической независимости страны. Весьма характерно в этом отношении свидетельство историка Иоанна католикоса, занявшего патриарший престол Армении при преемнике Ашота I Смбате I. Иоанн католикос пишет, что назначенный правителем Армении некий Али Армянин, прибыв в Армению, „по велению халифа утвердил его (Ашота) князем наших князей Армении, возвеличив его множеством одежд и почестями от халифского двора, вверив ему подати Армении и все государственные повинности. И так почетнейшим и первым из всех нахараров Армении стал он (Ашот Багратуни) и все вступили с ним в союз как с истинно царским потомком. Также все намеревались, если подвернется случай, когда его род удостоится быть возведен в царский разряд, то именно их (Багратидов) избрать из числа других нахарарских родов "[1].

И этот случай вскоре подвернулся. Воспользовавшись внутренними неурядицами халифата, некий Иса ибн-Шейх, правитель Амиды, узурпировал власть атрпатаканского эмира и тем самым верховную власть над Арменией. Другие эмиры также пытались захватить власть над Арменией, но Иса ибн-Шейх совместно с Ашотом Багратидом, собрав свои войска, покарали их. Иса ибн-Шейх правил Месопотамией, а фактическим властителем Армении-был Ашот Багратуни, который с помощью своего брата, назначенного им спарапетом Армении, подчинил себе непокорных армянских князей, укрепив свою власть над страной.

По свидетельству армянских источников, именно этот Иса ибн-Шейх способствовал Ашоту своим ходатайством перед халифом стать царем. Ашот поддерживал Иса ибн-Шейха в 60-х гг. IX в., значит и ходатайство Иса могло также иметь место в это время. Во всяком случае Иса не мог в 885 г. или 886/7 г. привозить дары и почести Ашоту от халифа, так как, по свидетельству арабских источников, он умер в 882 г.[2] Когда же Ашот мог стать царем? Из источников известно, что Византийская империя поспешила оказать поддержку Ашоту Багратуни в его стремлении к независимости от халифата, векового соперника Византии. Константинопольский патриарх Фотий в специальном послании к Ашоту Багратуни заверяет его в дружбе и обещает помощь „христианской" империи против „нехристиан-арабов." Но Фотий в своем послании изъявляет желание увидеть армянскую церковь в составе имперской церкви, точно так же, как императоры хотели бы увидеть Армению в составе империи. В 869 г. в резиденции Ашота Багратуни, в Ширакаване, созывается собор. Даже наиболее крупный исследователь истории армянской церкви, М. Орманян, вынужден был

[1] Иоанн католикос, История Армении, Иерусалим, 1767, стр. 169.
[2] Ибн-Халдун, Тарих, т. III, стр. 344.

отметить крайнюю скудость сведений о Ширакаванском соборе: не известны ни состав собора, ни его постановления[1], за исключением лишь ответа Фотию, составленного от имени Ашота Багратуни после собора. Ашот не отказывается от византийской помощи, но вместе с тем учтиво отклоняет предложение Фотия о принятии догматов византийской церкви.

Нам кажется, что основной задачей Ширакаванского собора, созванного, как свидетельствуют источники, Ашотом Багратуни в своей резиденции, было провозглашение Ашота царем Армении. Недаром католикосу Захарию Дзагскому (умершему в 876 г.) именно в это время приписываются хлопоты о присвоении Ашоту Багратуни царского титула.

Воцарение Ашота Багратуни в дни Ширакаванского собора подтверждается также другими сведениями. Мы имеем в виду армянскую надпись о строительстве церкви на Севанском острове. Надпись составлена в 874 г., и в ней Ашот Багратуни назван царем[2].

Вышесказанное делает понятным, почему жена Ашота Багратуни в своей надписи 879 года называет себя царицей Армении.

Арабский халифат не мирился, конечно, с фактом восстановления в Армении царской власти и делал последние попытки воспрепятствовать созданию армянского царства. В Армению был назначен новый арабский правитель, который получил задание учинить расправу над Ашотом Багратуни и поддерживающими его нахарарами и войсками. Но так как у нового арабского правителя, Ахмеда ибн-Халида *(Ահմաթ որդի Հալթի[3])*, не было для этого достаточных сил, то он и не решился действовать открыто и избрал путь вероломства и интриг. Ахмед направил в Берда письмо арабскому эмиру, Мухаммеду ибн-Аблвахиду, поручив последнему двигаться со своими войсками на Двин, делая вид, что идет против Ахмеда. К этому времени Ахмед собирался заманить Ашота Багратуни и других нахараров в Двин и, устроив им таким образом западню, истребить их. Был установлен даже день этого злодейства. Только таким путем рассчитывал Ахмед свести на нет фактически существующее армянское царство и закрепить свою власть над Арменией.

Ашот Багратуни, однако, зорко следил за каждым шагом Ахмеда. Расставив своих людей по дорогам и ущельям, ему удалось захватить письмо Ахмеда к Мухаммеду. Ашот дал указание своему брату, спарапету Армении Аббасу,со своими войсками незаметно для арабов явиться в назначенный день в Двин. План Ашота был полностью осуществлен. В назначенный срок Аббас с армянским войском вступил в Двин. Арабские войска были окружены и

---

[1] Орманян, Азгапатум, Константинополь, 1912, стр. 975

[2] Кафадарян, Первоначальные формы армянского письма, Ереван, 1939, стр. 88.

[3] Фома Арцруни, Тифлис, 1917, стр. 352—353.

разоружены, а сам Ахмед был вытащен из палатки, вместо боевого коня посажен на мула и, по словам историка Фомы Арцруни, „отправлен туда, откуда он пришел"[1]. Таков был бесславный конец попытки арабского халифата сохранить свою власть над Арменией и свести на нет воссоздание армянского царства.

Армянское царство окончательно утвердилось, и арабскому халифату ничего не оставалось, как признать его существование, а в 886 г. оно было признано не только арабским халифатом, но и Византией. Таким образом, армянское царство было фактически восстановлено в 869 г., но признано соседними державами лишь в 886 году, когда арабский халиф Абул-Аббас Ахмед эл-Мутамид и византийский император Василий I послали корону Ашоту I. Армянские историки приводят дату этого внешне-эффектного акта, а памятники материальной культуры отражают фактическое положение дел.

* * *

Настоящий краткий отчет об археологических работах в Гарни в 1949 и 1950 гг. носит предварительный характер, но даже в таком виде он показывает, что Гарни является одним из важнейших археологических объектов. Раскопки этой крепости за два года работ экспедиции дали уже значительный материал по истории и культуре Армении, начиная с древнейших времен, с энеолита вплоть до позднего средневековья. Особенно интересны материалы, характеризующие культуру Армении первых веков. Материалы, добытые раскопками, раскрывают разные стороны жизни населения и в области материального производства, главным образом зодчества, а также экономических и культурных связей с другими странами, и в области быта. Нет сомнения, что при дальнейшем развертывании раскопок и тщательном изучении открытых архитектурных памятников и археологического материала раскопки в Гарни дадут весьма ценные данные для истории и истории культуры Армении.

[1] Фома Арцруни, Тифлис, 1917, стр. 358.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

45. Стекляниые сосуды.
46. Бронзовые булавки.
47. Костяные шпильки для волос.
48. Морская раковина—головное украшение.
49. Образцы бус из погребений древнего могильника.
50. Монета армянского царя Тиграна IV и царицы Эрато.
51. Бронзовые и медные перстни.
52. Стеклянные флаконы (Вагаршапат).
53. Фрагмент полуколонны с округлым валом (базальт).
54. Фрагмент полуколонны с прямоугольным валом (базальт).
55. База полуколонны (базальт).
56. Плита из средневекового сооружения (базальт).
57. Греческая надпись в чтении К. Тревер.
58. Греческая надпись по обмеру архитектора Б. Арзуманяна.
59. Верхняя сторона камня с греческой надписью, с изображением креста; видны гнезда от железных скоб.
60. Четырехабсидная церковь в крепости Гарни (обмер арх. А. Саиняна).
61. Фрагмент венчика окна четырехабсидной церкви.
62. Бронзовый литой крестик.
63. Глиняный светильник.
64. Фрагменты красных карасов со штампованным поясом.
65. Фрагмент красного караса с звериным гоном на поясе.
66. Фрагмент красного караса с изображением коз на поясе.
67. Знак мастерской на дне поливной чаши.
68. Фрагменты стеклянной посуды.
69. Фрагменты стеклянных браслетов.
70. Наконечники стрел (железо).
71. Железный кинжал.
72 Свинцовый браслет с змеиной головой.
73. Железный молоточек для обработки металла.
74. Каменные и глиняные пряслица.
75. Б у с ы.
76. Глиняная головка женщины от кувшина для соли.
77. Медный колокольчик
78. Барельеф с двумя львами от входа богатого дома (XVII в.).

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Развалины языческого храма.
2. Капитель языческого храма.
3. Деталь храма (софит).
4. Деталь языческого храма (наличник двери).
5. Деталь языческого храма (угол карниза).
6. Детали языческого храма (фрагмент карниза плиты от плафона и фрагмент фуста).
7. Деталь языческого храма.
8. Общий вид крепости до раскопок.
9. Вход в крепость до раскопок.
10. Вход в крепость после раскопок.
11. Остатки башни у входа.
12. Северная стена у входа (до раскопок).
13. Северная стена у входа (после раскопок).
14. Северная стена (до раскопок).
15. Северная стена (после раскопок).

16. Остатки северной стены между II—IV башнями.
17. Скрепление камней железными скобами.
18. Скрепление камней железной скобой.
19. Остатки круглой башни у входа.
20. Восточная стена крепости (до раскопок).
21. Восточная стена крепости (после раскопок).
22. Восточная стена между III и IV башнями.
23. Деталь восточной стены.
24. Стеклянные сосуды I—II вв. н. э.
25. Стеклянные сосуды I—II вв. н. э.
26. Остатки жилищ XII—XIII вв.
27. Остатки жилищ XV—XVII вв.
28. Греческая надпись Тиридата.
29. Камни карнизов из древних сооружений.
30. Хачкар царицы Катранидэ с надписью 879 г.
31. Монеты, найденные в Гарни. Вверху: монеты Августа Октавиана; в середине: византийская и грузинская монеты; внизу: монеты гессенского ландграфа и трансильванского принцепса.

ТАБЛИЦЫ

Табл. 1. Развалины языческого храма.

Табл. 2. Капитель языческого храма.

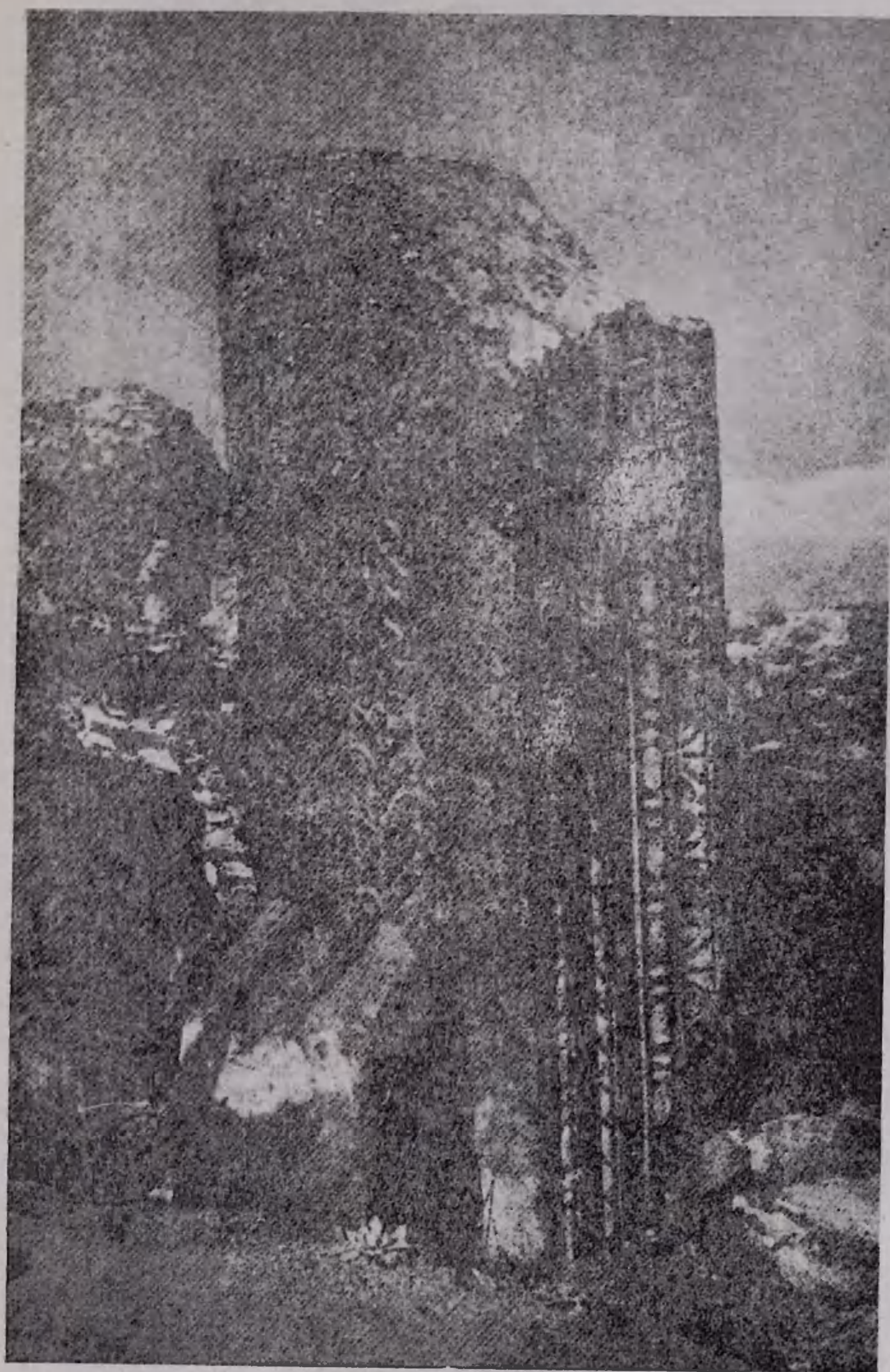

Табл. 3. Деталь языческого храма (софит).

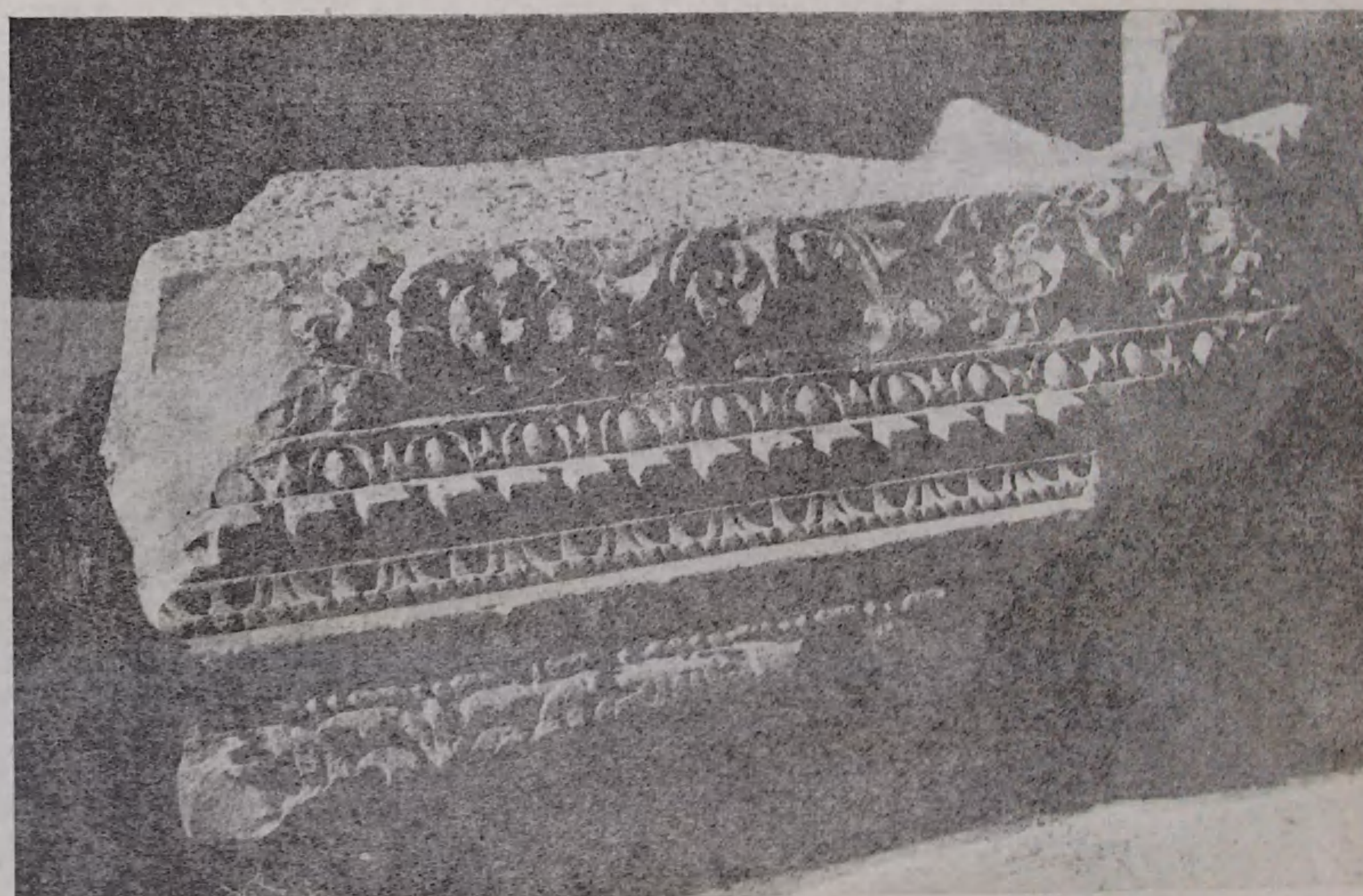

Табл. 4 Деталь языческого храма (наличник двери).

Табл. 5. Деталь языческого храма (угол карниза).

Табл. 6. Детали языческого храма (фрагмент карниза, плиты от плафона и фрагмент фуста).

Табл. 7. Деталь языческого храма.

Табл, 8. Общий вид крепости до раскопок.

Табл. 9. Вход в крепость до раскопок.

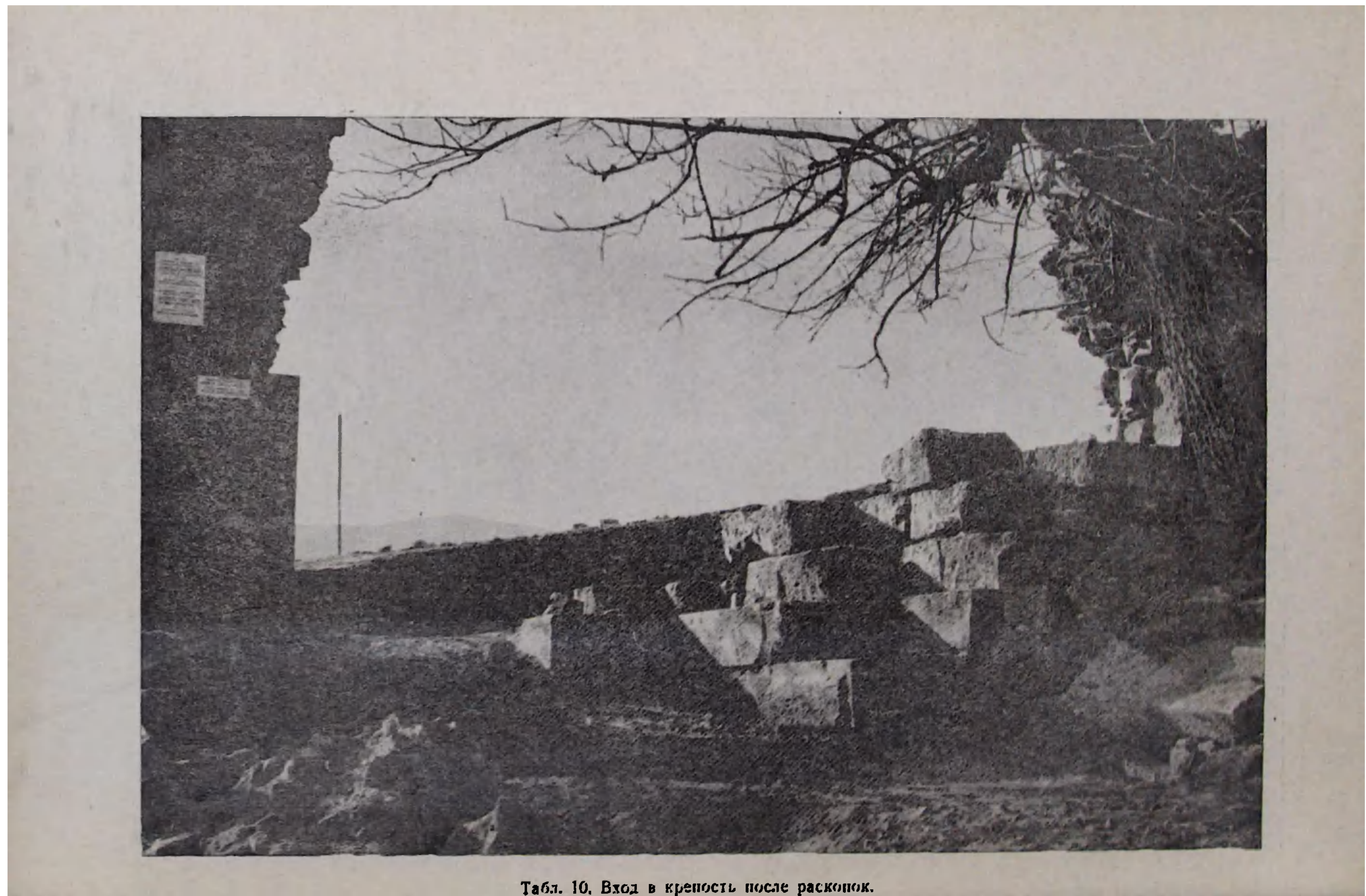

Табл. 10. Вход в крепость после раскопок.

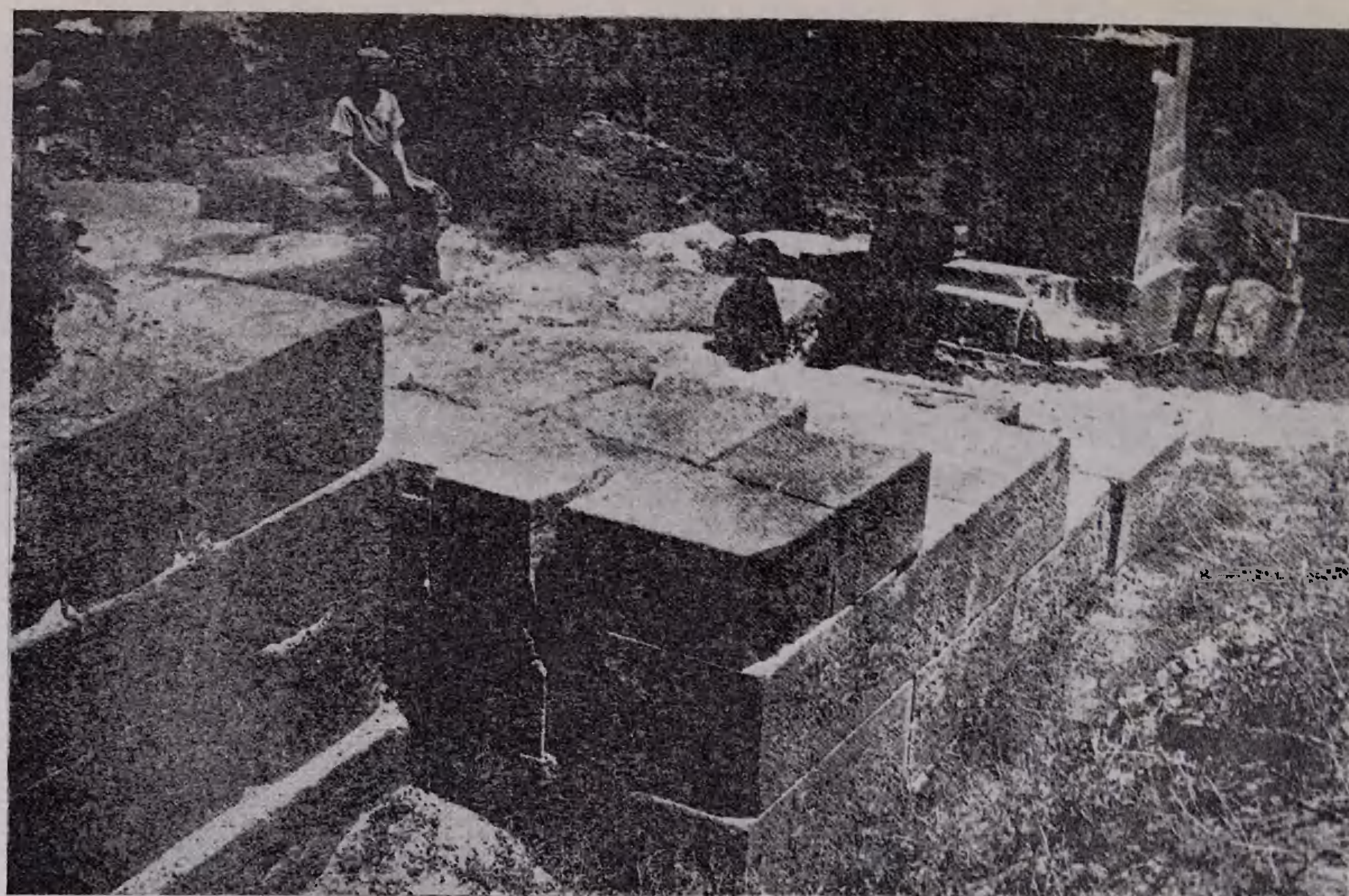

Табл. 11. Остатки башни у входа.

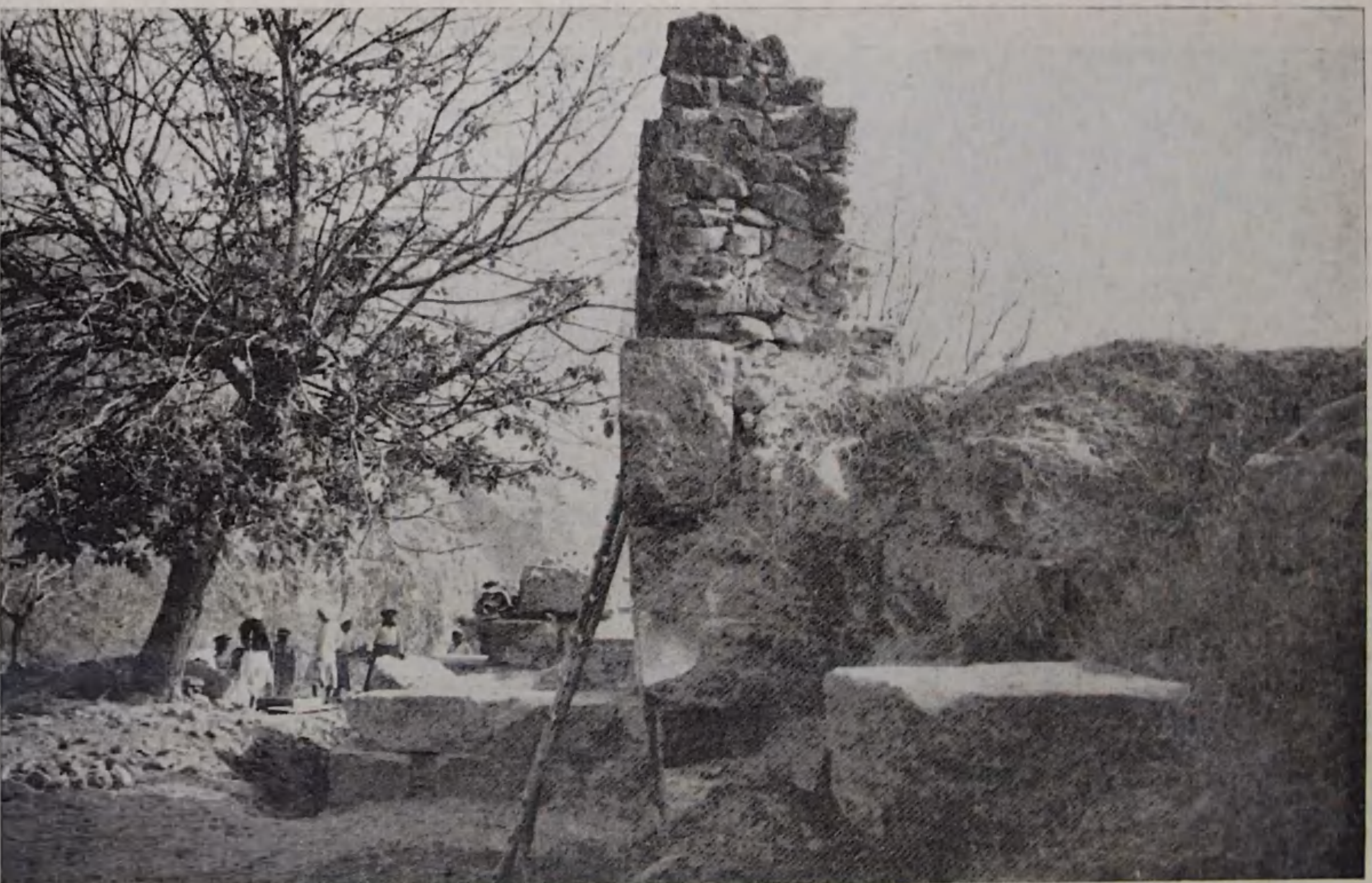

Табл. 12. Северная стена у входа (до раскопок).

Табл. 13. Северная стена у входа (после раскопок).

Табл. 14. Северная стена (до раскопок).

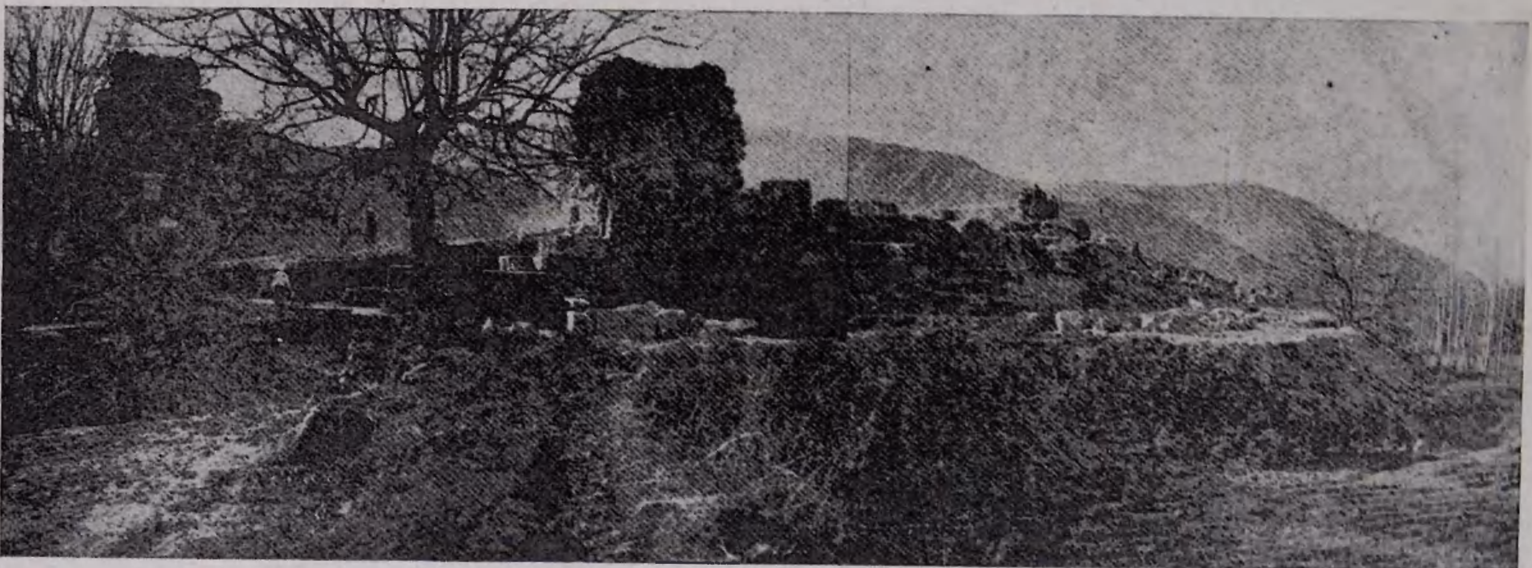

Табл. 15. Северная стена (после раскопок).

Табл. 16. Остатки северной стены между II—IV башнями.

Табл 17. Скрепление камней железными скобами.

Табл. 18. Скрепление камней железной скобой.

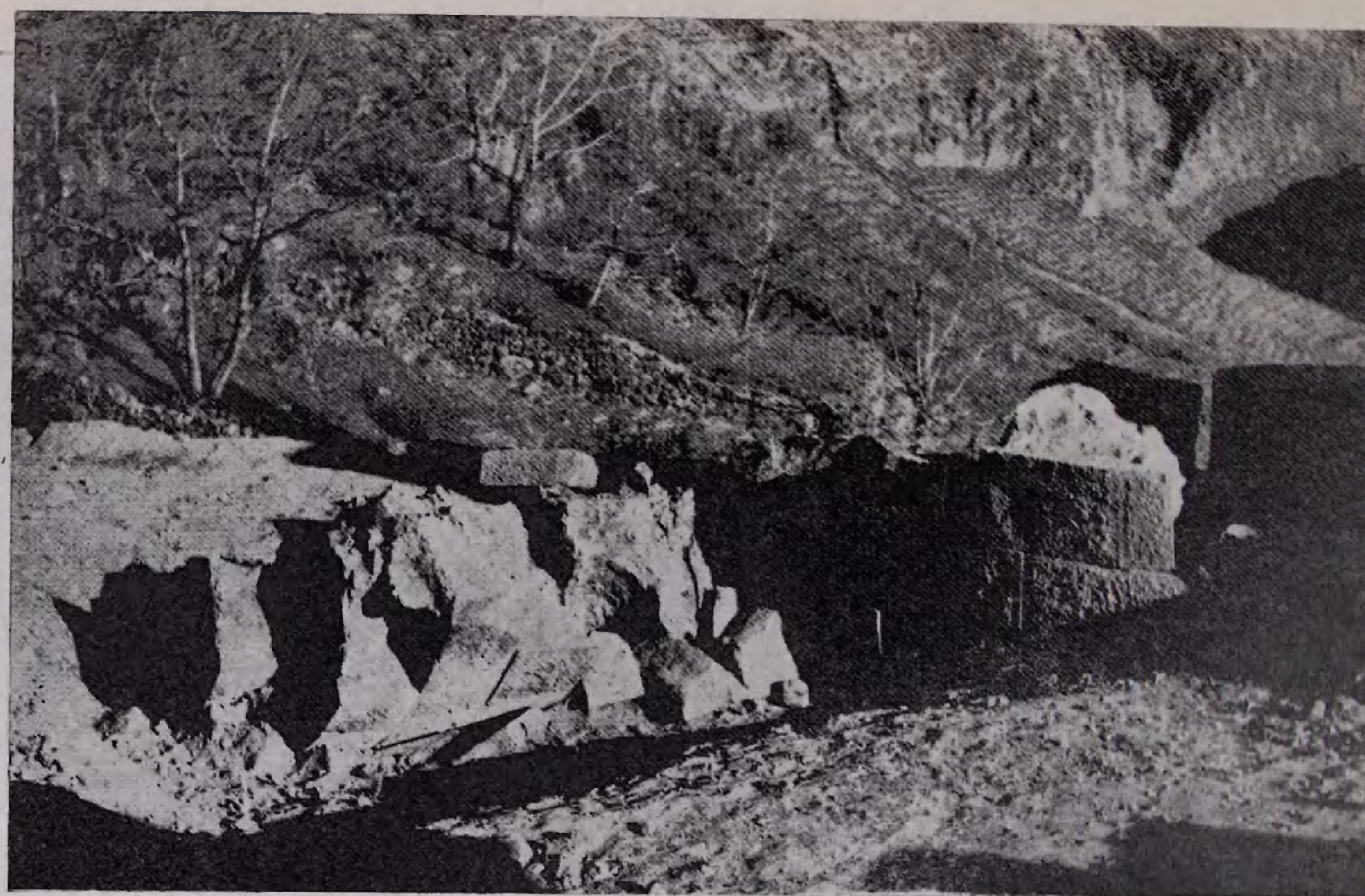

Табл. 19. Остатки круглой башни у входа.

Табл. 20. Восточная стена крепости (до раскопок).

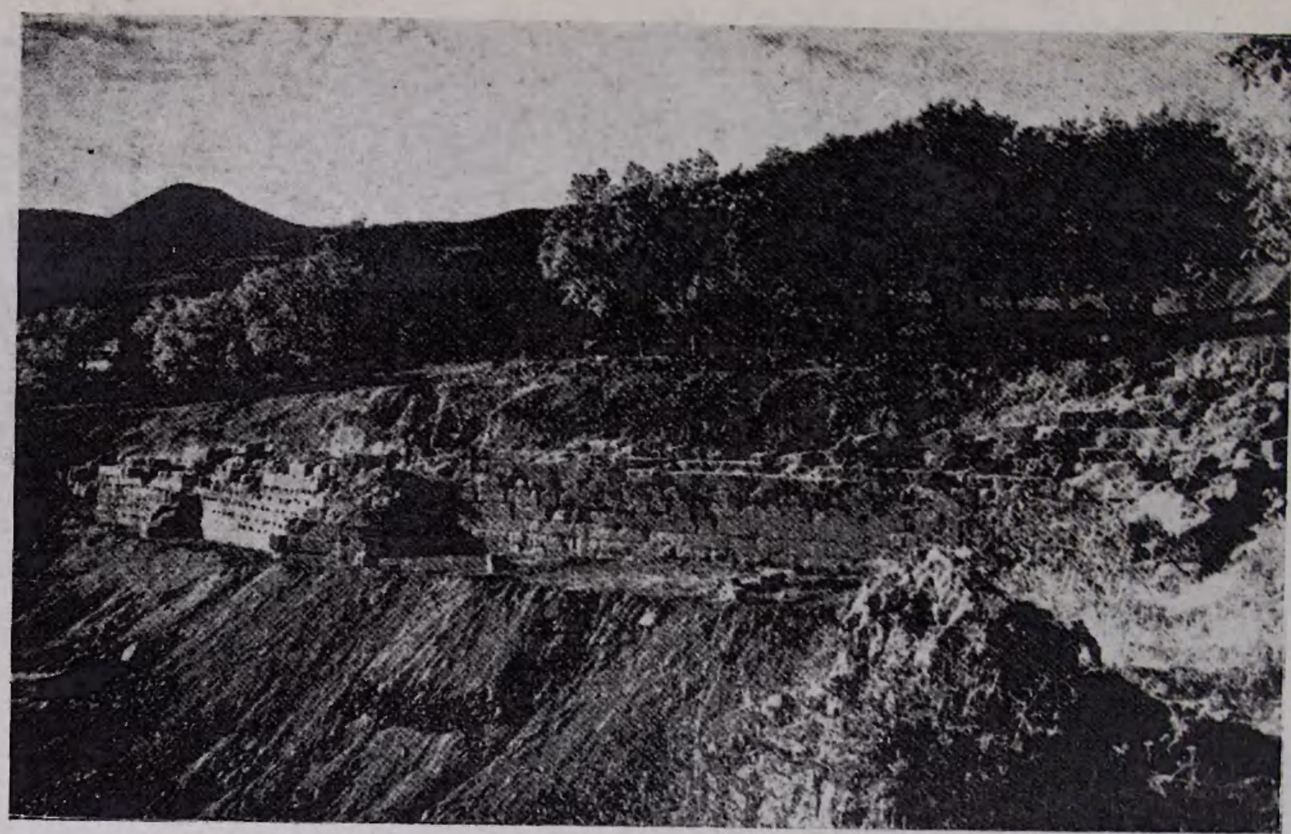

Табл. 21. Восточная стена крепости (после раскопок).

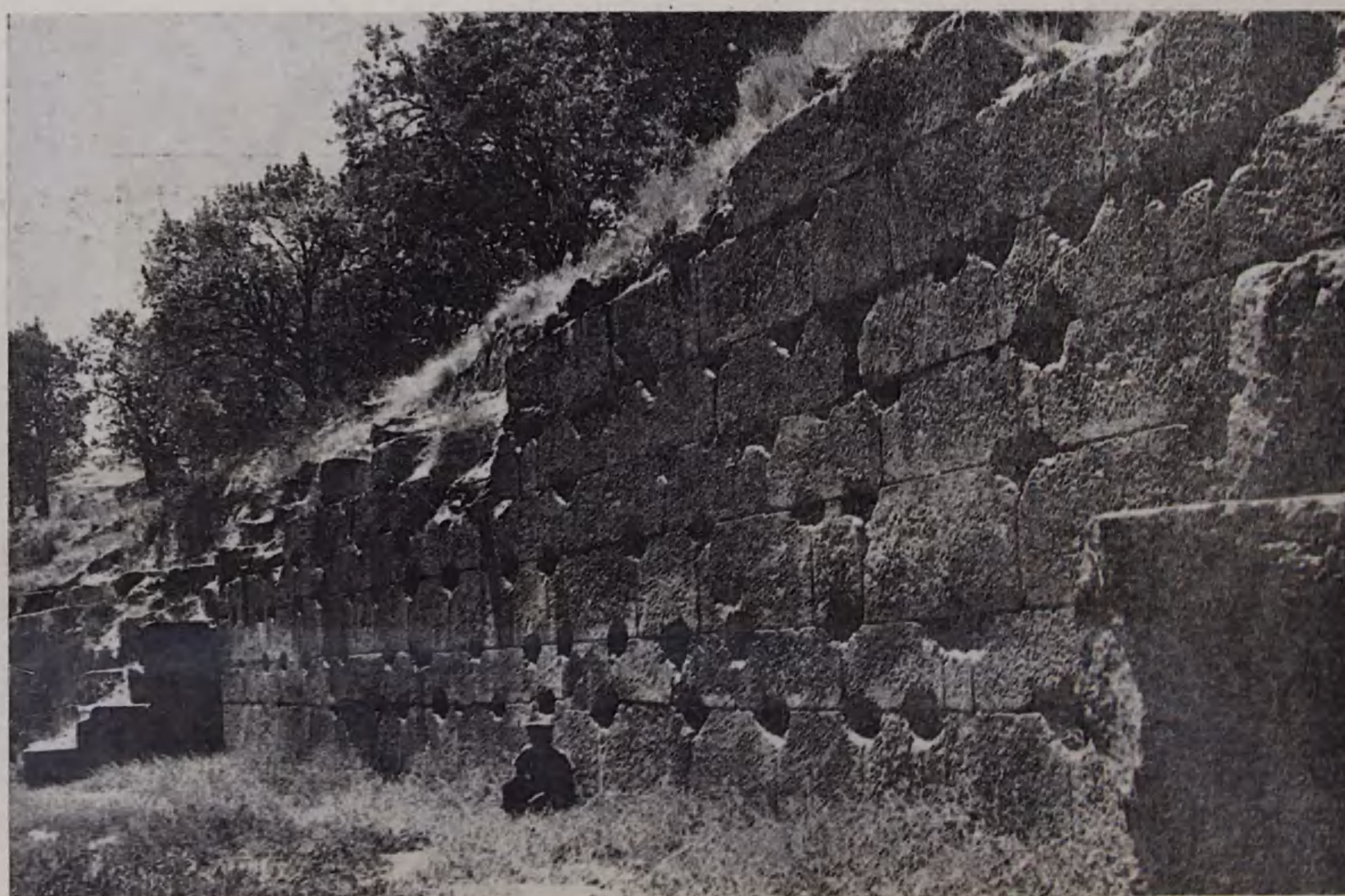

Табл. 22. Восточная стена между III и IV башнями.

Табл. 23. Деталь восточной стены.

Табл. 24. Стеклянные сосуды I—II вв. н. э.

Табл. 25. Стеклянные сосуды I—II вв. н. э.

Табл. 26. Остатки жилищ XII—XIII вв.

Табл. 27. Остатки жилищ XV—XVII вв.

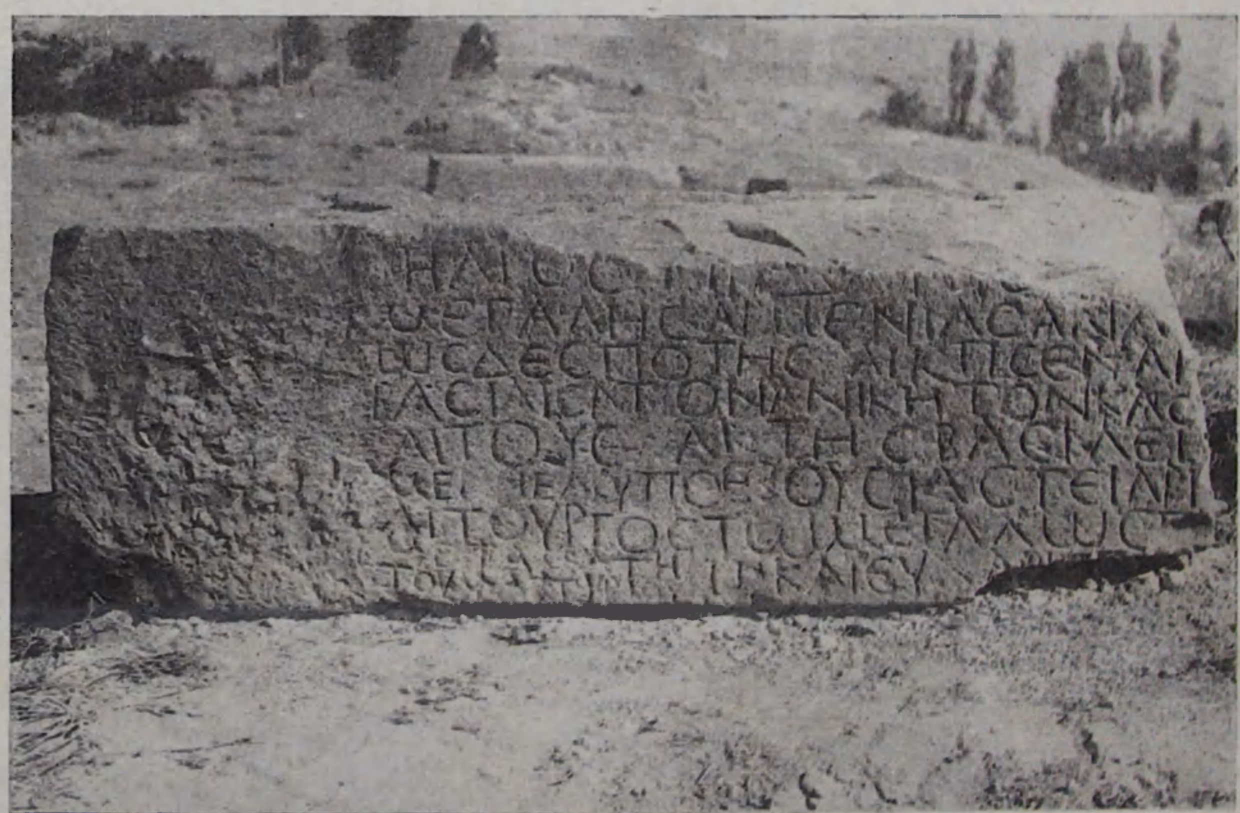

Табл. 28. Греческая надпись Тиридата.

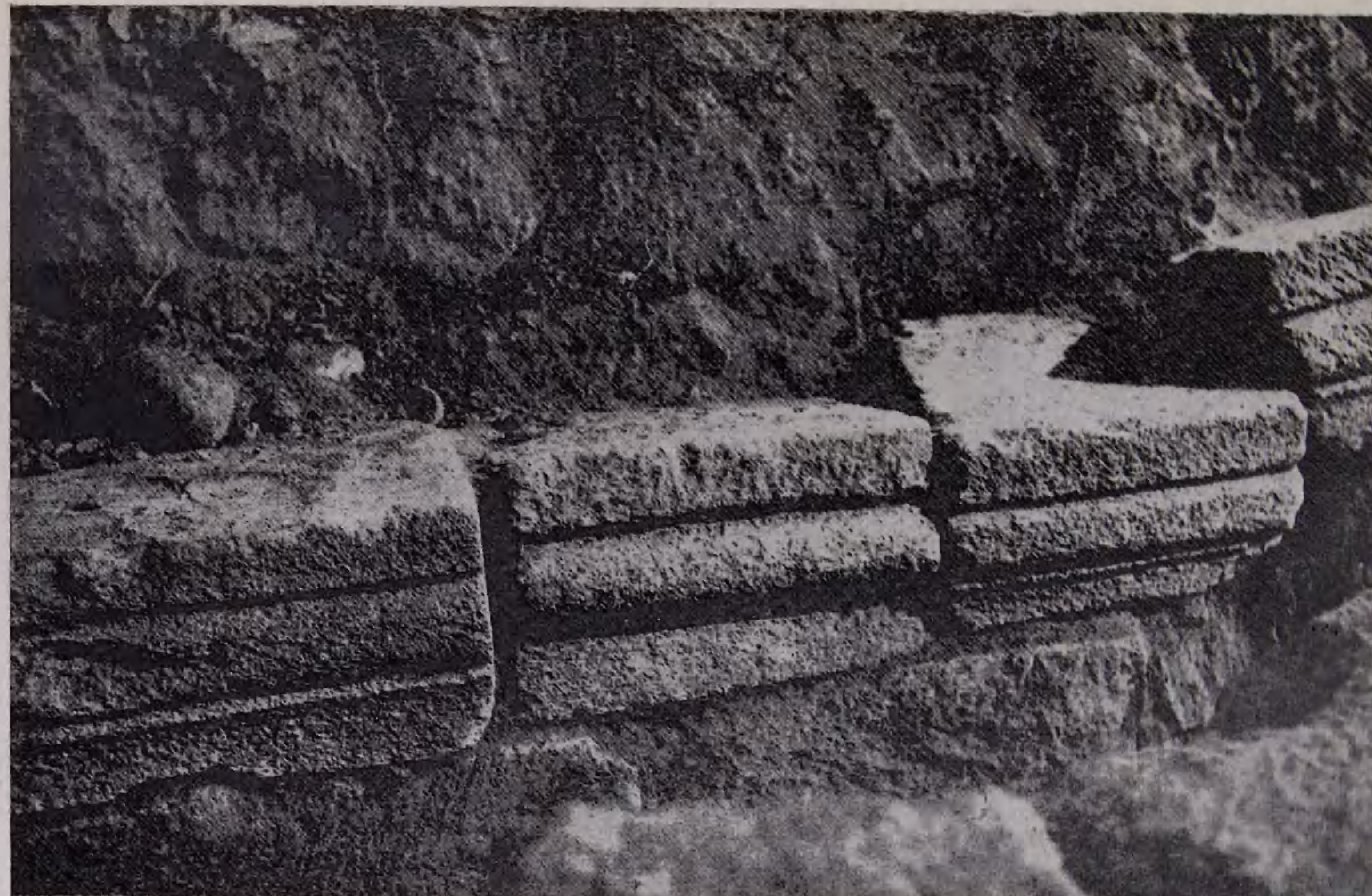

Табл. 29. Камни карнизов из древних сооружений.

Табл. 30. Хачкар царицы Катранидэ с надписью 879 г.

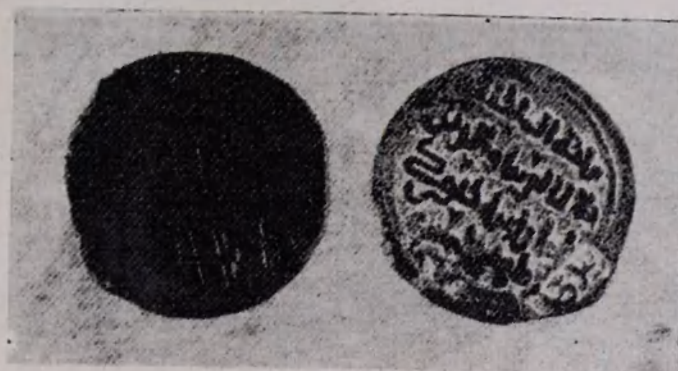

Табл. 31. Монеты, найденные в Гарни. Вверху—монеты Августа Октавиана; в середине: византийская и грузинская монеты; внизу: монеты гессенского ландграфа и трансильванского принцепса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ответ. редактор Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

Редактор издательства А. М. ВОСКАНЯН.
Рисунки выполнены Б. А. АРЗУМАНЯНОМ и Л. А. САДОЯНОМ
Фотоснимки А. М. КОЧАРА
Тех. редактор М. А. КАПЛАНЯН Корректор А. Г. СЛКУНИ

РИСО АН № 121 Цена 7 р. ВФ 02469

Сдано в производство 5/XI 1951 г. Подписано к печати 1/III 1952 г.
заказ 413, изд. 850, тираж 2000, объем 8 п. л., в одном печ. л. 53.800 п. зн.

Типография Академии наук Армянской ССР, Ереван, ул. Абовяна, 124

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	11 св.	Тигранакерта	Тигранакерт
15	12 сн.	сохранившаяся	сохранилась
37	7 св.	в 51 г.	в 59 г.